

Сандра Браун

От ненависти до любви

OCR Angelbooks

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120924

От ненависти до любви. Поцелуй-искуситель: Эксмо; Москва; 1997

ISBN 5-251-00302-1

Оригинал: SandraBrown, "Sweet anger"

Перевод:

Ю. О. Кирильченко

Н. Васильковская

Андрей Вадимович Новиков

Аннотация

У Кари Стюарт было все, что нужно женщине для счастья, но в один миг все рухнуло. Справедливо или нет, Кари во всех своих бедах винила нового прокурора, не подозревая, что от ненависти, которая сжигала ее сердце, до любви оставался один только шаг...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	38
Глава 3	67
Глава 4	99
Глава 5	127
Глава 6	152
Глава 7	179
Глава 8	213
Глава 9	243
Глава 10	271
Глава 11	317
Глава 12	345
Глава 13	366

Сандра Браун

От ненависти до любви

Глава 1

– Есть горячее дельце, ребята, – пожар второй степени на улице Клермонт. Это недалеко от Шестой авеню, ближе к центру, по карте сразу найдете. Короче, одна нога здесь – другая там. Мне нужна сочная картинка.

Столбик пепла длиной почти в три сантиметра упал с тлеющего кончика сигареты на обшарпанный письменный стол, заваленный бумагами. Однако Пинки Льюис даже не обратил на это внимания. Директор отдела теленовостей, олицетворявший собой деловитость, прервал поток инструкций ровно на секунду, чтобы торопливо бросить подошедшей к нему молодой женщине:

– Привет, красавица.

Она же, сдвинув в сторону засохшие остатки кекса, два стаканчика с холодным серым кофе и ролик клейкой ленты, освободила уголок стола, чтобы присесть.

– Как только закончите с пожаром, – снова обратился Пинки к двум типам, которые переминались перед ним с ноги на ногу, – бегом в начальную школу, ту самую, где третьеклассники пишут письма русским. Если останется «окошко»

в шестичасовом выпуске, втиснем туда школьников. Отличный сюжетик получится, очень трогательный – зрителям наверняка понравится. . . А где, кстати, этот чертов Джек? Кто-нибудь видел его в последнее время? Уже четыре часа, как он отправился снимать полицейский рейд против наркоты.

– Небось до сих пор там ошивается. Надеется, наверное, снять пробу с трофейного товара. Авось дадут понюхать бесплатно, – ухмыльнулся оператор, поправив на плече тяжелую камеру. Репортер, неспешно натягивавший куртку, заржал, сочтя реплику напарника остроумной.

– Он у меня понюхает, – прорычал Пинки. – А вам двоим какого шута здесь надо? – Ухмылки мгновенно исчезли с двух физиономий. Тон, которым Пинки умел разговаривать с подчиненными, зачастую творил чудеса. – Пока вы тут топчетесь, на Клермонт одни головешки останутся. А мне огонь нужен. Пламя. Чтоб настоящая трагедия была! – заорал он, выразительно размахивая руками. – А ну марш отсюда!

Репортера и оператора как ветром сдуло. Из коридора донесся удаляющийся торопливый топот. Разъяренно посмотрев им вслед, Пинки провел рукой по волосам. Бернсе, по волосам, если бы они существовали. На деле его ладонь соприкоснулась с плешью, которая в последнее время быстро увеличивалась в размерах, почти слившись с мясистым лбом в одно целое. Свое прозвище¹ он заслужил благодаря вечно-румянцу в сочетании с жиденькими светлыми волосами.

¹ Pinky – розовенький (англ.) (Здесь и далее примеч. пер.)

Оно так прилипло к нему, что уже не всякий помнил его настоящее имя.

– Ты бы поберег себя, а то чего доброго инфаркт приключится, – заметила молодая особа. С брезгливым выражением лица она вытряхнула в корзину для мусора содержимое пепельницы. Три лежавших в ней окурка не были до конца затушены и едко чадили, отравляя и без того донельзя загрязненный воздух главной редакции.

– Не-е, я слишком много виски пью, а к виски никакая зараза не липнет. – Глотнув из белого одноразового стаканчика, Пинки скривился. Можно было подумать, что он отведал своего любимого напитка, однако в стаканчике был кофе, который давно остыл и вдобавок провонял табаком. – Погоди, я тебе тоже кофе куплю. – Вскочив с кресла, директор потащил гостью в коридор, где стояли автоматы для всевозможных напитков и расфасованной в пакетики снеди. Эти машины были размещены в специальной глубокой нише, чтобы на них не натыкался постоянно снующий туда-сюда народ.

Пинки сосредоточенно похлопал себя по карманам, но мелочи в них, как всегда, не оказалось.

– Ладно уж, сама куплю, – улыбнулась Кари Стюарт. Кофе был слишком горький, зато горячий. Она прислонилась спиной к стене и осторожно отхлебнула обжигающей черной жидкости.

Лицо Пинки расплылось в благосклонной улыбке. Со стороны могло показаться, что добрый папаша смотрит на свою

обожаемую дочку.

– Боже милосердный, хорошо, хоть ты пришла, а то на остальных уже глаза не смотрят. Ну и денек выдался! У нас одна видеокамера накрылась, отремонтировать стоит кучу денег. Придется получить взбучку за то, что вылез из бюджета. А что прикажешь делать? Да еще, как на грех, два репортера свалились с гриппом. Ребята не бог весть что, звезд с неба не хватают, но на них хоть можно положиться. Не то, что на этих... – Он нервно икнул. – Нет, так больше нельзя. Нужно чего-нибудь выпить.

– Питаться как следует – вот что тебе нужно. Горячие обеды, сбалансированная диета, как можно меньше сигарет, как можно меньше виски...

– Да-да, мамочка, ты, как всегда, права.

– ...И хорошая, добрая женщина, которая по-настоящему позаботилась бы о тебе.

– Еще чего! – взъерепенился Пинки. Знакомые уже доконали его разговорами на эту тему. – Скажешь, что уже присмотрела мне кого-нибудь?

– Бонни.

– Боже, только не это... Сколько раз повторять, я не любитель сухофруктов! Она для меня слишком стара.

Речь шла о телефонистке, которая отвечала на звонки, поступающие на телестанцию. С величайшим терпением и поразительной самоотверженностью она долгие годы несла тяжкий крест служения придирчивому директору отдела но-

востей. Перед Пинки Льюисом Бонни искренне благоговела и, по сути, готова была отдать за него жизнь.

Кари рассмеялась.

– Ах, Пинки, Пинки, ты неисправим. Все такой же предвзятый, упрямый, сварливый... И вполне предсказуемый. Должно быть, именно за это я и люблю тебя. – Она шутливо ткнула пальцем его в нависавшее над поясом круглое брюшко, которое сам Пинки любил называть «запасным колесом».

– Как прошло интервью?

– Клиент, пожалуй, оправдал репутацию полного дерьма. – Они говорили о престарелом актере, который раньше играл в комедийных телеспектаклях, а в последнее время взялся ставить их сам. – Теперь мне понятно, почему все, к чему бы он ни прикоснулся, можно сразу же выбрасывать на помойку. Господи, как он сегодня со мной держался! Хамство, высокомерие, скабрёзности... Да только последнее слово все равно будет за мной. Вчера вечером мне удалось побывать у него на репетиции. Постановка – ни к черту. Остается только удивляться, какими способностями нужно обладать, чтобы так испохабить вполне пристойного Нила Саймона.²

Пинки смял пустой стаканчик и бросил его в сторону мусорного бачка. Он промахнулся, но не придал этому значения.

– Вот и оципли этого старого гуся как следует. Нечего с ним миндальничать. Сюжет должен быть зубастым, даже в

² Американский драматург.

разделе новостей культуры, вести который доверено тебе.

– Так точно, господин генерал! – комически взяла под козырек Кари.

Пунцовая физиономия Пинки изобразила высшую степень удовольствия. Он сунул в рот очередную сигарету без фильтра.

– Вот за это – люблю. За то, что ты еще никогда меня не подводила, – торжественно произнес Пинки, направляясь вразвалочку обратно в редакцию. – И еще за то, что у тебя потрясающие ноги, – бросил он вполголоса через плечо.

Кари беззлобно отнеслась к его комплименту. Подобные шуточки были для них обычным способом общения. Пинки был ее другом и союзником все те пять лет, что она проработала на Даблью-би-ти-ви. Придя на эту телестанцию, Кари Стюарт с удивлением обнаружила, что там нет ни одного живого существа, которое не трепетало бы перед вечно недовольным директором отдела новостей. И Кари, зеленая практикантка, у которой, кроме диплома колледжа, ничего за душой не было, рискнула в одиночку противостоять ему. За это Пинки сразу же зауважал ее. Она разговаривала с ним так, как не осмеливался разговаривать больше никто, и это всегда сходило ей с рук, потому что та взаимная симпатия, которая связывала этих двух людей, была сильнее любых противоречий. К тому же Кари знала, что Пинки вовсе не такой свирепый, каким старается показаться подчиненным.

Пинки Льюис с присущим ему чутьем сразу разглядел

в ней целеустремленного, обстоятельного, инициативного корреспондента. Именно таким доверяют самые ответственные дела, когда, по любимому выраженьицу Пинки, «ни за что нельзя облажаться». В то же время его привлекала в ней особая душевная теплота и женственность. Внутренний голос подсказывал ему, что, когда Кари появится на телеэкране, зритель будет очарован ею точно так же, как и он. Время подтвердило его проницательность.

Два года назад, когда она вышла замуж за Томаса Уинна, Пинки не на шутку забеспокоился. Он отчаянно боялся навсегда потерять ее. Однако Кари успокоила его, сказав, что не намерена бросать работу.

– Томас согласен, – сказала она тогда. – Он говорит, что, пока у нас нет детей, я могу заниматься всем, чем захочу. А я хочу работать у тебя.

– Сложная ситуация получается, – ответил ей на это Пинки, не спеша демонстрировать радость. – Могут возникнуть проблемы этического характера, то, что называется конфликтом интересов. Разве ты можешь беспристрастно освещать деятельность городского правительства, если твой муж заседает в городском совете?

– Я уже думала над этим. Что ж, отдам эту тему другому. Не хочется, конечно, но тут уж ничего не поделаешь, придется. Иного выхода не вижу.

– И к чему же мы тогда придем?

– У меня есть идея. Что, если мне попробовать себя в роли

ведущей культурного раздела теленовостей?

Его белесые брови поползли на лоб, потом опустились, и между ними пролегла задумчивая складка.

– Можно, конечно, попробовать...

Пинки доверял ее суждениям. У него не было сомнений в том, что она способна успешно воплотить свою идею в жизнь. Критические комментарии Кари Стюарт всегда были изюминкой выпуска новостей. Она была остроумна и наблюдательна, но без язвительности и злобствования. Телезрители обожали ее за это.

Сейчас Кари шла в монтажную. Плотно прикрыв за собой дверь, она опустилась на стул и вытащила видеокассету из своей гигантской сумки, которая выполняла роль и рюкзака, и ридикюля. Откинув назад непослушную белокурую гриву, молодая женщина вставила кассету в гнездо громоздкого компьютерного устройства и приступила к просмотру интервью, взятого ею всего час назад.

Сняв телефонную трубку и набрав внутренний номер, она представилась:

– Это Кари говорит. Привет, Сэм, не мог бы ты принести пленку, которую отснял вчера вечером на репетиции? Я сейчас в третьей монтажной. Можешь? Отлично! Спасибо тебе.

Через несколько секунд дверь за ее спиной скрипнула, и Кари, не оборачиваясь, произнесла:

– Спасибо, Сэм. Положи на стол. Мне эти кадры нужны для антуража – через минуту займусь ими.

Она ловко нажимала на кнопки, следя за изображением сразу на двух мониторах: на одном – сырье, на другом – уже отредактированный материал. Что и говорить, компьютерный монтаж здорово экономил время. Кари была настолько поглощена этим занятием, что не обратила внимания на то, что дверь так и не закрыли.

– Кари... – проговорил за ее спиной голос Пинки, однако тон его был столь необычен, что она не могла не обернуться. Кари видела его в самых разных состояниях – от эйфории, когда, первыми откопав сенсацию, они оставляли всех своих конкурентов с носом, до пьяной меланхолии, вызванной паршивым рейтингом их передачи. Но таким она его не видела еще ни разу. Пинки весь поник, словно сдувшийся шарик, стал каким-то жалким и, что страшнее всего, был бледен.

Приподнявшись со стула, она испуганно пролепетала:

– Пинки... Что случилось?

Он положил руку на ее плечо и осторожно заставил сесть.

– Несколько минут назад по радио, на полицейской волне, к нам поступило сообщение о несчастном случае.

– И?.. – Ее сердце сжалось от дурного предчувствия. – Что это за случай?

Он провел ладонью по голове, потом по лицу. Его черты исказились.

– Автомобиль и пешеход... Это произошло всего в нескольких кварталах отсюда. Мы послали туда съемочную группу. Они только что позвонили.

Сбросив его руку с плеча, Кари встала.

– Томас? Что-нибудь с Томасом? – Никто другой не знал в ее жизни так много. Если бы это не был Томас, Пинки не вел бы сейчас себя так.

Она рванулась к двери, но Пинки удержал ее за руку.

– Да, Кари, Томас.

– Он ранен? Что с ним? Что?!

– Его сбил грузовик.

– О боже...

Пинки опустил глаза, вернее, стал смотреть прямо перед собой. Его нос находился как раз на уровне ее груди.

– Смертельный исход... Он погиб на месте. Прости, родная...

Секунды падали, как чугунные ядра. Она замерла – неподвижная, безмолвная, не в силах поверить услышанному. А потом неестественно спокойно спросила:

– Так ты говоришь, Томас погиб? – Ее пальцы вцепились в рубашку Пинки, как когти тигра, и она изо всех сил затрясла его. – Грузовик сбил? Убил его?!

В дверях монтажной уже скопилась кучка сотрудников. Женщины плакали, мужчины явно чувствовали себя неловко.

– Кари, Кари, – постарался успокоить ее Пинки, осторожно погладив по спине.

– Нет, здесь какая-то ошибка. Этого не может быть...

– Я заставил репортера перепроверить десять раз, прежде

чем решил пойти к тебе...

Со смертельно бледного лица Кари на него смотрели совершенно безумные глаза, ее губы безмолвно шевелились.

– Ну же, Кари, крепись, – продолжил Пинки. – Его забрали в центральный госпиталь Денвера. Я отвезу тебя туда.

Первое, что поразило ее, был холод. В столь холодном помещении ей не приходилось бывать никогда. Двойные двери, распахивающиеся в обе стороны, плавно закрылись за ней и Пинки, когда они вошли внутрь. Кари съежилась, мгновенно возненавидев это место, сияющее мрачной, холодной чистотой.

Флюоресцентные лампы ослепляли. Их свет, беспощадно бьющий в глаза, был вызывающе неприличен. Разве не темной и скорбной должна быть эта комната? Разве смерть не заслуживает хотя бы минимального уважения? Однако в этом заведении, судя по всему, смерть считали чисто физиологическим явлением, а потому заботились исключительно о стерильности. И еще о холоде.

Ей захотелось повернуться и убежать, однако Пинки легонько подтолкнул ее вперед. Человек в белом халате, сидевший за письменным столом, поднял глаза от бумаг и тут же встал.

– Миссис Уинн?

– Да.

Он подвел их к большому столу, накрытому белой про-

стыней. Под тканью прорисовывались контуры человеческого тела. Кари начали сотрясать глухие рыдания, и, чтобы сдержать их, она прикрыла рот ладонью.

Как она поведет себя в этой ситуации? Достанет ли у нее сил смотреть на окровавленный, обезображенный труп Томаса? Не оскорбит ли она своим поведением и его, и себя? Заголосит? Упадет в обморок? Забьется в истерике?

Патологоанатом отдернул край простыни.

То, что она увидела, поначалу показалось ей чьей-то дурацкой шуткой. Или чудовищной ошибкой. Ее глаза поднялись и впились в лицо человека, держащего простыню. Он увидел в них немой вопрос, неверие...

– Он погиб от удара, – тихо произнес мужчина в белом халате. – Грузовик ударил его сзади. Травма позвоночника сразу же сказалась на мозге. На спине остался след. В противном случае...

Он не договорил.

Кари смотрела на Томаса все так же непонимающе. Могло показаться, что он уснул. Не более того. Его лицо было абсолютно безмятежным; седые волосы, которые так понравились ей во время их первой встречи, аккуратно причесаны. Рука лежала на столе вполне естественно, словно отдыхала – вот-вот поднимется и возьмет теннисную ракетку или погладит Кари по щеке.

Длинное, худощавое тело Томаса выглядело таким же сильным и свежим, как утром, когда она целовала его на

прощание. Он с почти религиозным фанатизмом истязал себя тренировками в спортзале, чтобы сохранить высокий мышечный тонус и застраховаться от всех тех неприятностей, которые обычно приходят к мужчине после сорока.

– Томас, Томас, милый, – громко прозвучал ее шепот в безмолвном помещении. Кари даже ожидала, что он сейчас откроет глаза и посмотрит на нее, произнесет ее имя, улыбнется. В голубых глазах мелькнет знакомая искорка. Вот-вот прозвучит его сочный смех.

До этого она боялась, что не вынесет вида его истерзанного тела. Однако видеть его мертвым без единой царапины было едва ли не хуже. Его неизменившиеся черты создавали ощущение полного абсурда, нереальности происшедшего. Происшедшего? Но ведь ничего не произошло!

Нет, произошло. Томас был устрашающе неподвижен.

– Куда прикажете нам его доставить?

– Доставить? Его? – рассеянно переспросила Кари.

– Я вам позже позвоню, – поторопился вставить слово Пинки. – Миссис Уинн еще не успела сделать необходимые приготовления.

– Понимаю. – Патологоанатом начал опускать край простыни.

– Подождите! – выкрикнула она. Ее крик жутковатым эхом прозвучал в стенах, выложенных кафелем. Она не могла оставить его в этом ужасном месте. Где угодно, но только не в этой холодной комнате. Оставить Томаса лежать на

этом столе с лицом, накрытым простыней, означало бы официально признать факт его смерти. Однако она еще не была готова к этому. Она не могла признать, что Томас, ее муж, мертв.

– Нам пора, Кари, – бережно обнял ее за плечи Пинки.

– Томас... – Слезы обильно текли по ее щекам. Она робко протянула руку. Дотронулась до его волос, лба. И, уже не сдерживая рыданий, рухнула в объятия Пинки. Он вывел ее из морга.

То, что произошло, было чудовищным, неслыханным, неправдоподобным. В тот день на небе не было ни облачка. По какой-то загадочной причине водитель грузовика службы доставки, поворачивая за угол, не справился с управлением. Грузовик пошел резко вправо, перепрыгнул через бордюр... Так Денвер лишился одного из своих самых достойных граждан, а Кари Стюарт-Уинн – мужа. Он возвращался в здание суда после обеда, который был для него одновременно и деловой встречей. Шел легко и беззаботно, пребывая во власти обманчивого чувства безопасности, которое входит у людей в привычку, помогая им забыть о собственной смертности. Он погиб сразу, в момент удара.

Глядя на гроб, усыпанный цветами, Кари размышляла над тем, как получилось, что Томас, ее жизнерадостный, подвижный Томас, оказался вдруг в этих деревянных оковах.

Она крепко сжала руку Пинки, который в последние два

дня служил ей защитой и опорой. Он позаботился абсолютно обо всем, в то время как Кари жила и двигалась, словно в густом тумане. Она была благодарна судьбе, которая в это тяжелое время даровала ей сон души, защитив от жестокой реальности. Без этого она вряд ли бы выжила.

У нее не было родителей, которые утешили бы ее в горе. Мать умерла, когда Кари была еще ребенком. Отец, которого она любила всей душой, ушел в мир иной незадолго до того, как она закончила колледж, получив диплом специалиста в области средств массовой информации.

А теперь покинул ее и Томас.

Похороны прошли перед ее глазами, не вызвав ничего, кроме ощущения пустоты. Лишь на пути домой в одной машине с Пинки и Бонни она начала плакать. Бонни молча протянула ей коробку с бумажными салфетками.

– Помните нашу с ним свадьбу? – горестно спросила Кари своих спутников. – Все тогда были в шоке. – Она заметила, что голос ее сел. Должно быть, плакала и раньше, только не замечала.

– Люди всегда испытывают шок, когда супружеская пара не соответствует их представлениям о норме. А между вами было больше тридцати лет разницы. Так что удивляться нечего, – рассудительно произнес Пинки.

– Тридцать два года, – уточнила Кари. – Однако я никогда не чувствовала этой разницы в возрасте.

– Томас выглядел значительно моложе своих лет. Правда,

он и жил совсем не так, как большинство мужчин, которым за шестьдесят.

– Верно, он был особенным. – Кари повернулась к Бонни и грустно улыбнулась, а затем посмотрела в окно машины. Ей было удивительно видеть толпы пешеходов, спешащих по тротуару. Для большинства людей это был обычный будний день. Жизнь продолжалась.

– Помню, как я была подавлена смертью отца, – задумчиво произнесла она. – Я пришла на Даблю-би-ти-ви с твердым намерением сделать работу главной целью своей жизни. Работа, и больше ничего... Но потом встретила Томаса, и моя жизнь обрела новый смысл. Не знаю, что и делала бы без него. Мы были так счастливы, – вздохнула Кари. – И почему только судьба так нетерпима к человеческому счастью?

– Судьба – завистница известная, – мягко подтвердила Бонни. – Ты красива и талантлива. Томас Уинн был богат, ему всегда сопутствовал успех. Оба вы, казалось, имели все, что только можно пожелать.

– Нам и в самом деле ничего не было нужно, кроме нас двоих, – согласилась Кари, в то время как Пинки перестроился в ряд, который вывел их машину прямым ходом к дому, где они жили вместе с Томасом. – Может, зайдете на минуту?

– А стоит? – спросил Пинки. – Не хотелось бы навязывать тебе сейчас наше общество. Хотя, если честно, я с удовольствием глотнул бы чего-нибудь.

– У меня есть как раз то, что ты любишь, – ответила Ка-

ри. Порывшись в сумке, она вытащила ключ и открыла входную дверь. Сегодня она отпустила прислугу, с тем чтобы они смогли присутствовать на похоронах хозяина. К тому же в этот день ей никто, кроме близких друзей, не был нужен. – Специально для тебя держу сивуху, которую, кроме твоей милости, никто в рот взять не может.

Шутка получилась не очень удачной, однако Пинки оценил ее. Он прекрасно знал, что у нее сейчас на душе. Томаса Уинна она поистине боготворила. Сам же Пинки не считал их брак нормальным, однако ни разу не отважился высказать свою точку зрения вслух, тем более в присутствии Кари. Она не терпела от посторонних не то что критического слова – даже намек на критику в адрес собственного мужа.

Дом был холоден и мрачен. Скучные лучи солнца пробивались сквозь узкие и высокие окна. Войдя в комнату, Кари перевела вверх рычажок регулятора тепла. Сняла пальто и шляпу, оцепенело посмотрела на них, словно не зная, куда деть. В конце концов вещи полетели на стул.

– Я сам налью, – торопливо произнес Пинки, направляясь к антикварному шкафчику, переделанному под бар. – Ты что будешь, Бонни?

– Виски без содовой.

– Вот это я понимаю! Серьезную девушку сразу видно. А ты, Кари?

– А-а... Что угодно. – Она обессиленно опустилась на диван.

Бонни Стрэнд потянулась к ней со своего кресла и успокаивающе взяла за руку. Пинки за глаза называл эту женщину «сухофруктом», однако при этом явно кривил душой. Она не была похожа на сушеное яблоко. Отнюдь. Серые искорки в каштановых волосах Бонни лишь смягчали резковатые черты ее лица. При этом оно нисколько не теряло своей красоты и выразительности.

Это была хорошо сохранившаяся, ухоженная, самостоятельная женщина лет сорока пяти. Подарив ей одного за другим трех сыновей, муж бросил ее, и с двадцати двух лет Бонни приходилось вести неустанную борьбу за то, чтобы прокормить себя и своих мальчиков. Теперь они уже выросли, окончили колледж, и каждый вел вполне обеспеченную жизнь. Бонни Стрэнд отличалась твердым характером, но в то же время имела доброе сердце. Она была одной из наиболее цельных натур, которые довелось знать Кари.

– Мне придется уехать из этого дома, – проговорила Кари, нарушив молчание.

– Почему? – удивилась Бонни.

– Милая, – убедительным тоном произнес Пинки, подходя к ним с напитками, – ты сейчас просто не в состоянии принимать подобные решения.

– Если я не сумею взять себя в руки, если по-прежнему буду стараться ни о чем не думать, то, боюсь, мой мозг отключится, и я впаду в кому. – Ей нужно было во что бы то ни стало заставить себя продолжать жить. Неужели им это

непонятно? Естественно, ей не хотелось даже шевелиться, не говоря уже о том, чтобы строить планы на будущее. И все же она знала, что должна что-то делать. Должна! – Все уже решено. Я уеду отсюда, как только соберу вещи.

– А ты вполне уверена, что тебе это так необходимо? – спросил Пинки, сунув ей в руку бокал.

Это был бренди. Кари сделала глоток и зажмурилась, когда сладкий огонь потек по ее жилам.

– Да. В этом доме жила первая семья Томаса. Ты видел сегодня на кладбище его сына и дочь. Они вполне могли восстать против отца, когда мы с ним поженились, однако не сказали ни слова против. Именно его первая жена сделала этот дом домом в полном смысле слова. Их дети выросли здесь. И я не хотела, чтобы у них хотя бы на секунду возникло подозрение, что я задумала прибрать к рукам то, что не принадлежит мне по праву. – Она отпила еще бренди. – После того как мы поженились, Томас изменил завещание. Но я настояла, чтобы и по новому завещанию дом оставался детям.

– Довольно щедро с твоей стороны, – протянул Пинки, озираясь по сторонам. – Это гнездышко стоит по меньшей мере миллион.

Поместье, занимавшее более гектара земли, находилось в Черри-Хиллс – наиболее престижном районе Денвера. Обсаженная голубыми елями асфальтовая дорожка вела к величественному зданию, в котором было пятнадцать комнат.

В поместье имелся теннисный корт с искусственным освещением, плавательный бассейн и конюшня. Само поместье было не менее живописно, чем стоявший в его центре особняк в духе эпохи Тюдоров.³

Разведя руки в стороны, Кари изобразила на лице лучезарную улыбку.

– Я девушка простая, каждый день работаю. Ну зачем мне все это? – По выражению лиц собеседников она видела, что те не слишком ей верят. – Все светские развлечения, которые были у нас с Томасом, теперь в прошлом. Большинство наших знакомых – его друзья. Так что соберу я вещички и подыщу себе квартирку поскромнее. – Кари опустила глаза. Луч полуденного солнца, упавший на ее бокал, заставил бренди искриться, как янтарь. – К тому же я просто не хочу жить здесь без...

Она напряглась, сдерживая слезы, готовые снова хлынуть из глаз. Справившись с ними, Кари обратилась к Пинки:

– Ведь я еще не потеряла работу, не так ли?

– Да не беспокойся ты о своей работе, – ласково проворчал он, затрусив обратно к бару, чтобы снова наполнить свой опустевший стакан.

– Не беспокоиться? В то время, когда Салли Дженкинс займет мое место в программе? Ну уж нет. Через неделю я снова буду на рабочем месте!

– Лишь для того, чтобы разреветься перед камерой? – раз-

³ Королевская династия Англии, правившая с конца XV до начала XVII века.

гневанно прогремел Пинки, волчком повернувшись на месте. – Не торопись, Кари. Подожди, пусть твои раны хоть чуть-чуть затянутся. А об этой сучке даже думать забудь. Да, она заменяет тебя, но временно. Слышишь? Вре-мен-но! Когда ты вернешься, твое место будет ждать тебя. Ты сама прекрасно знаешь это. И пусть эта сопливая потаскушка Дженкинс делает что хочет. Нейметса, скребетса...

– О чем это ты? – неожиданно выпрямилась в кресле Бонни.

– А что я такого сказал?

– Как-то странно ты это сказал: «скребетса».

– Это всего лишь рифма к гораздо более выразительному слову, означающему то, на что готова Дженкинс, когда хочет получить место в программе.

– Ты хочешь сказать, она не прочь переспать с тем, кто может ей это место обеспечить? – прошипела сквозь зубы Бонни, не терпевшая недомолвок.

– Ага...

– Она и тебе предлагала?

Уперев мясистые кулаки в пухлые бока, Пинки устремил на нее испепеляющий взгляд.

– Да, предлагала! Ну и что из этого?

– И что же ты? – хладнокровно допрашивала Бонни.

– Ничего! Я в постели сделок не заключаю.

Благосклонно улыбнувшись, Бонни снова расслабилась в кресле.

– Что же ты в ней, интересно, делаешь?

Застонав от отчаяния, Пинки повернулся к Кари.

– В общем, твое рабочее место – за тобой.

– Спасибо, Пинки, но мне отпуск не нужен. Постараюсь выйти, как только перееду отсюда на новое место. Томас бы меня понял, – добавила она тихо, опустив голову. Ее палец скользил по краю бокала.

Многозначительно взглянув на Пинки, Бонни встала.

– Мы, пожалуй, пойдем, Кари. Если, конечно, больше тебе сегодня не нужны. Ты только скажи...

Кари тоже встала.

– Нет-нет, спасибо вам обоим. Со мной все будет в порядке. Мне и в самом деле хочется побыть одной.

В прихожей Пинки взял ее за руку.

– Выходи на работу когда сочтешь нужным. Будем рады видеть тебя в любой день. Об одном прошу – пощади себя. Твои жертвы никому не нужны.

– О каких жертвах ты говоришь? С моей стороны их нет и в помине.

– Ну и характер! Вот что мне по-настоящему в тебе нравится.

Кари ласково улыбнулась ему. Даже в темном костюме и строгом галстуке он выглядел помятым и взъерошенным.

– А про ноги забыл? – лукаво напомнила она.

Чмокнув ее в щеку, Пинки смущенно отвернулся. Бонни уже стояла рядом с машиной в ожидании, когда он откроет

перед ней дверцу.

– Чего стоишь? – буркнул ей Пинки. – Садись.

Он втиснулся за руль, и Бонни не оставалось ничего иного, как открыть дверцу самой. Сев справа от водителя, она хлопнула дверью так, чтобы он почувствовал ее недовольство. Машина тронулась с места.

На губах Кари появилась слабая улыбка, но быстро исчезла, стоило молодой вдове остаться наедине с пустотой этого огромного дома, пустотой своей теперешней жизни.

Ледяное пиво обжигало горло. Оно было таким холодным, что невозможно было даже почувствовать его вкус. Он поставил открытую банку на стол и устало опустился в свое любимое кресло, которое было словно специально сконструировано для его спины. Усталость начала понемногу уходить из позвоночника. Приставив ладонь козырьком ко лбу, он уставился в телевизор. Звук был выключен – комментарий к этому сюжету из выпуска теленовостей зритель знал уже наизусть. А вот картинкой он был по-прежнему заинтригован.

Должно быть, он один не присутствовал на этих похоронах. Первая пресвитерианская церковь была набита до отказа – там давно уже негде было яблоку упасть, а народ все прибывал, постепенно заполняя церковный двор. Почти все присутствующие сочли своим долгом присоединиться к длинной похоронной процессии, которая проследовала из церкви на кладбище. Все телестанции Денвера в подробно-

стях освещали пышную погребальную церемонию.

Томас Уинн, предприниматель, специализировавшийся на сделках с недвижимостью, и одновременно один из «отцов города», пользовался всеобщим уважением. Жена у него была красивая и умная, телезвезда вдобавок. Вдвоем они олицетворяли американскую мечту. Но, к сожалению, всему приходит конец. Мечте тоже.

И ему, Хантеру Макки, судьбою уготовано разбить остатки этой мечты вдребезги, превратив жизнь вдовы Уинна в крошечный ад.

Зазвонил телефон. Сдвинув очки в черепаховой оправе на лоб, мужчина потянулся вперед и ткнул пальцем в кнопку «стоп» на панели видеомонитора.

– Макки, – отрывисто произнес он в трубку.

– Привет, Хантер, это Сайлас Барнс.

– Привет, Сайлас. Как первая неделя на пенсии?

– Беспокорно.

Хантер весело рассмеялся.

– Могу себе представить. Нелегко, должно быть, привыкать к тишине, после того как больше двадцати лет пропадал в шкуре окружного прокурора Денвера.

– Новости по телевизору смотрел? – Бывший прокурор, отринув светские условности, перешел к сути дела. Этот человек не разменивался на пустопорожнюю болтовню, и Хантеру это нравилось.

– Да, – ответил он, мгновенно посерьезнев. – Ну и дельце

ты мне подбросил, Сайлас.

– Ты уж извини меня. Оно и до этого было непростым. А уж теперь...

– И не говори, – тяжело вздохнул Хантер, запустив пальцы в свои волосы цвета красного дерева. – Грехи мистера Уинна переходят по наследству к его вдовушке.

– Такая молодая, симпатичная...

– Что-то скуповат ты на комплименты, Сайлас. Она заслуживает большего.

Старик рассмеялся.

– Так ведь о тебе же беспокоюсь, – чтоб ты не слишком размяк, думая о ней. Полагаешь, она согласится давать показания?

– Не знаю даже, как и просить ее об этом. Боязно как-то.

– Больно жирно будет – просить. Не исключено, что тебе придется попросту заставить ее разговаривать.

– Этого я опасюсь еще больше.

– Ну что ж, как знаешь. Если чем-то могу быть полезен...

– Мог бы повременить с отставкой несколько месяцев, пока не распутал бы это дело до конца.

– Извини, брат, здоровье не позволяет. Сожалею, конечно, но приходится перевешивать это дело со своей шеи на твою. Ох, боюсь, увязнешь ты, Хантер, в этом болоте по уши, и очень скоро.

– Кажется, это называется продавать товар с нагрузкой, не так ли?

– Вроде того. Если бы я не был уверен, что ты все-таки сможешь выкарабкаться из этой трясины, то и не стал бы рекомендовать тебя на должность временно исполняющего обязанности. Остается подождать выборов, и этот пост станет для тебя постоянным. Во всяком случае, все пока к тому идет.

– Весьма польщен доверием. Спасибо, что позвонил.

– Счастливо...

Положив телефонную трубку, Хантер взял со стола банку с пивом и сделал осторожный глоток. Пока пленка в видеомагнитофоне перематывалась назад, он водрузил очки на нос и через несколько секунд постарался еще внимательнее всмотреться в знакомые кадры, хотя и видел их по меньшей мере раз десять, с тех пор как они впервые появились в выпуске новостей в шесть вечера.

Вот она – выходит из лимузина. Черное одеяние подчеркивает хрупкость этой женщины. Кажется, перед тобой не человек даже, а фарфоровая статуэтка, которую только толкни нечаянно – и осколки усеют землю. На толпу не глядит, от телекамер отворачивается, но осанка прямая, гордая.

Нелегко, наверное, быть знаменитостью, в особенности, когда на твои плечи наваливается подобная трагедия. Тысячи глаз устремлены на тебя, каждый стремится прочесть на твоём лице горе. Частная жизнь перестает быть твоим достоянием – туда лезут все кому не лень. И все же этой тоненькой женщине удается держаться с редким достоинством.

А вот и тот самый момент! Наезд камеры – и лицо на экране крупным планом. Лицо, необыкновенное в своей одухотворенности... Даже вуаль, спадающая со шляпки, не может скрыть ее красоту. Во всяком случае, это не лицо злоумышленницы. Каждая линия прорисована предельно четко. В чем, должно быть, и заключается секрет телегеничности этой женщины. Косметики совсем немного, и это делает ее особенно человеческой, трогательно-юной и ранимой.

Он тихо выругался. Ну почему господь не послал ему какую-нибудь продувную бестию, на которой клейма ставить негде? Почему не выглядит она лукавой обманщицей, жадной и вульгарной, хитрой и изворотливой? Ведь работать с такими – одно удовольствие. А тут на тебе – героиня высокой трагедии, ни дать ни взять принцесса из сказки братьев Гримм!

А подбородок-то, подбородок какой! Изящный, но твердый. И нос тоже изящный, тонкий. А рот мягкий и... женственный. Вот ведь черт, по-другому и не скажешь! Светлые волосы стянуты в тугой пучок на затылке. Жаль только, в объектив ни разу не взглянула. А может, это и к лучшему – не знать, какие у нее глаза, их форма, цвет, выражение...

Затем следовала сцена, которая неизменно вызывала в его душе сильнейшее волнение. С одержимостью мазохиста он просматривал ее снова и снова, чувствуя, как учащенно бьется сердце и шершавый ком встает в горле всякий раз, когда тонкая рука в темной перчатке брала белую розу. Вот пре-

красные губы сквозь густую вуаль целуют не до конца раскрывшийся бутон, и цветок медленно ложится на крышку гроба. Эти пальцы, тонкие и чуткие, как у ребенка, словно не хотят отпускать колючий стебель.

Хантер, разозлившись на самого себя, снова ткнул в кнопку «стоп». Все, хватит. Больше эту запись он смотреть не будет. Бросив очки на край стола, Макки побрел на кухню за новой банкой пива.

В самом деле, стоит ли себя накручивать заранее? Вполне возможно, что допрашивать миссис Уинн вовсе не потребуется. А если и потребуется, то он допросит ее. И еще как допросит – уж в этом будьте уверены! Ему поручили серьезное дело, и ничто – вот именно, ничто! – не помешает ему с блеском довести это дело до конца.

В настоящее время он исполнял обязанности окружного прокурора. В его юрисдикцию входил не только Денвер, но и весь округ, включавший в себя этот город. Прокурорский пост закреплялся за ним до тех пор, пока не будут проведены специальные выборы, в результате которых определится официальный преемник Сайласа Барнса. И если он, Хантер Макки, хочет, чтобы выбор пал именно на него и эта должность досталась ему насовсем, в служебном рвении ему нужно превзойти самого себя, потому что налогоплательщики в этот период будут денно и ночью следить за каждым его шагом. Но дело не только в его тщеславии. В первую очередь необходимо, чтобы восторжествовало правосудие. Так или

нет? Конечно, так!

Отчего же в таком случае у него на душе кошки скребут? Где прежний боевой пыл рыцаря правосудия, готового на все ради правды? Где стремление сделать секреты семейства Уинн достоянием гласности? Почему вместо всего этого он ощущает необъяснимую потребность защитить Кари Стюарт-Уинн от всех неприятностей? В том числе и от самого себя...

Подойдя к окну своей квартиры, он поднял жалюзи. Его взгляд уперся в острые углы ночного силуэта Денвера. Интересно, что она делает сегодня вечером? Все еще ходит в своем черном платье? А волосы – они все так же собраны на затылке? И есть ли сейчас кто-нибудь с ней рядом? Чтобы обнять, утешить...

От этой мысли он почувствовал горечь, перебившую даже вкус пива. Это была ревность.

Возвращение будет нелегким, и самым трудным станет первый день. Она знала это. Главное – сжать зубы, толкнуть дверь и идти. Только вперед, не оборачиваясь и не останавливаясь. Господи, хоть бы они не смотрели на нее так жалостливо. Хоть бы не смотрели вообще! Объективы видео – и телекамер ей не мешали – пусть смотрят, они неживые. А вот глаза человеческие – совсем другое дело. Их взгляд был для нее сейчас невыносим.

Бонни, помахав ей из своей стеклянной будки, подняла

большой палец: мол, все будет хорошо. Кари пошла дальше по коридору. Ободряющий жест и в самом деле вселил в нее какую-то уверенность.

За время ее отсутствия в главной редакции ничто не изменилось, если не считать людей, которые менялись в ней все время. Ряд мониторов, подвешенных для лучшего обзора под самый потолок, давал представление о содержании программ основных телекомпаний. Все три ведущие телекорпорации страны⁴ показывали взволнованных людей: на одном из мониторов взволнованно обнималась парочка из заезженного телесериала; на другом волновался, не веря в собственную удачу, победитель какой-то викторины; на третьем рекламная домохозяйка не на шутку была взволнована пятнами на белье, которые не брал обычный стиральный порошок. Две местные частные телестанции дружно гнали черно-белые кинокомедии тридцатилетней давности. Отдельный монитор был сплошь заполнен цифрами, отражающими состояние рынка ценных бумаг. Тот же, который был подключен к их собственной студии, оставался темен и тих.

Над рядами письменных столов витали густые клубы табачного дыма. В одном углу шла оживленная перестрелка комками мятой бумаги. Это изнывали от безделья редакторы, ожидающие возвращения с заданий корреспондентов с текстами и отснятым материалом. Продюсер шестичасового выпуска изливал кому-то душу, кляня на чем свет сто-

⁴ Эй-би-си, Эн-би-си и Си-би-эс.

ит свою бывшую жену. Слушатель ему попался идеальный – молчал и только сочувственно кивал головой. Телефоны надрывались от звонков. Телетайпы деловито отстукивали новости со всего света.

Рабочий стол Пинки был пуст. Кари бочком прошла на свое место, которое было отгорожено от других переносной ширмой, в образовавшийся укромный «загончик». Стол оказался завален корреспонденцией. Просмотрев письма, она отложила в отдельную стопку карточки с соболезнованиями. Через час ее правая рука онемела от писанины – каждому из авторов этих посланий надлежало выразить признательность за разделенную скорбь.

Едва она справилась с этим нелегким делом, как тишина была нарушена потоком соленой брани. Так виртуозно мог выражаться только один человек на свете. Поднявшись со стула, Кари увидела, как Пинки подходит к своему столу, не переставая разносить на ходу понуро плетущихся следом Салли Дженкинс и режиссера студии. От его сигареты уже почти ничего не осталось, однако Пинки, не замечая этого, яростно перекачивал крохотный тлеющий окурок из одного уголка рта в другой. Его жидкие волосы стояли дыбом, – казалось, с их концов вот-вот посыплются искры.

И тут он заметил Кари. Поперхнувшись ругательством, Пинки оттолкнул спутников в сторону и ринулся к ней.

– Слава тебе господи, вернулась! А то я тут без тебя, наверное, скоро с ума сойду. – Пинки крепко обнял ее, а потом

гневно обернулся к другим. – А вам что, делать нечего? – заорал он. – А ну за работу, бездельники, живо!

Не обращая внимания на вопли начальника, Салли Дженкинс сочувственно положила руку на плечо Кари.

– Уже вернулась? Так скоро?

Выражая сочувствие, девушка с вьющимися рыжими волосами широко распахнула глаза, изобразив самую невинность. Однако ее невинный вид не мог ввести Кари в заблуждение. Как-то раз один знакомый кинорежиссер поведал ей о собственном свидании с Салли, снабдив свой рассказ такими подробностями, которые невозможно было выслушивать без содрогания. Бюст рыжеволосой красавицы своими пропорциями до смешного напоминал грудь куклы Барби. Что было вовсе не удивительно, поскольку эта часть тела была дарована ей не господом, а одним из городских светил в области пластической хирургии. Впрочем, благодаря умелому использованию своего выдающегося во всех отношениях украшения Салли давно окупила стоимость операции. Кари недолюбливала ее, поскольку рыжая лиса без зазрения совести пускала в ход свои прелести для продвижения вверх по карьерной лестнице, тогда как другим для этого приходилось работать на износ.

– Завидую твоей стойкости, – мурлыкнула Салли, ужом выскользнув из главной редакции.

– Пустьшка, – пробормотал Пинки, закуривая новую сигарету. – Облажалась вчера со вступлением. Не разобрала

что к чему, да тут еще режиссер, как на грех, пустил пленку раньше времени. Ну и пошло-поехало...

– Я смотрела вчерашний выпуск, – сказала Кари.

– Значит, видела, что это было за позорище. О господи, ты даже не представляешь, до чего я рад, что ты вернулась! Еще один такой номер с ее участием, и... Нет, конечно, бюст у нее – высший класс, тут и я перед ней снимаю шляпу. Да боюсь только, он полностью заменяет ей оба полушария головного мозга, потому что в башке у нее пусто, как в космосе.

Кари рассмеялась. На душе у нее теперь действительно стало гораздо легче. Пинки придирчиво посмотрел на нее.

– Не могу сказать, что ты в блестящей форме, но знаю, что бывает и хуже.

– Спасибо за комплимент.

– Переехала?

Она кивнула:

– В кондоминиум⁵ рядом с водохранилищем. Дом не очень большой, зато начинен всевозможными новейшими удобствами. Плавательный бассейн и теннисный корт – бесплатно. Плюс круглосуточная охрана.

– Что ж, берлога и в самом деле с удобствами. Уж не собираешься ли ты впасть в зимнюю спячку?

– Какая там спячка, когда каждый вечер тысячи людей ждут моего появления на телеэкране!

Однако этот ответ не удовлетворил Пинки.

⁵ Жилищный комплекс.

– Я тебе спать не позволю, так что даже думать об этом забудь, – предупреждаяще помахал он коротким указательным пальцем перед ее носом. – Томас умер, но ты-то, черт возьми, жива! И я в случае чего всегда напомню тебе об этом. А пока, – заключил он, сунув сигарету в рот и хлопнув в ладоши, – проповедь закончена. Так что, милая моя, соберись-ка и изготовь для сегодняшнего выпуска что-нибудь удобоваримое. А не то посажу на твое место Пустышку на веки вечные.

Кари вернулась за свой рабочий стол. Теперь у нее не осталось ни малейшего сомнения: она правильно поступила, вновь окунувшись в атмосферу телестанции. Именно это было сейчас ей нужно – грубоватые словечки Пинки, работа наперегонки со временем, вечное стремление успеть к последнему сроку, редакционная толкотня и суматоха.

Жаль только, нельзя забрать все это домой, чтобы не оставаться ночью в одиночестве.

Глава 2

Она вышла на тротуар и подставила лицо ласковым солнечным лучам. На ее ресницах дрожали слезы, но то были слезы радости, от которых на душе становилось светло и легко. В разгар рабочего дня озабоченные пешеходы спешили мимо, едва не натыкаясь на нее. Но ей не было до них никакого дела. Обхватив себя руками, она самозабвенно рассмеялась. Кому-то могло показаться, что эта женщина, счастливо смеющаяся посреди улицы, сошла с ума. Однако причина смеха была совсем иной.

Она была беременна.

Эти два месяца, прошедшие со дня смерти Томаса, Кари не жила, а существовала, лишь притворяясь, что живет: спала, ела, двигалась, ходила на работу, но сердце ее оставалось мертвым. И так день за днем, словно в летаргическом сне. Вскоре самочувствие ее заметно ухудшилось, однако она не придавала этому особого значения. Учитывая угнетенное состояние духа, это, казалось, было вполне естественным. Однако болезненное состояние усиливалось, и по настоянию Пинки она в конце концов решилась показаться врачу. Как-нибудь несколько минут назад ей сообщили, что такой хвори радоваться надо.

– Думаю, вы сейчас где-то на десятой неделе, – глубоко-мысленно изрек доктор. Душа ее пела от счастья, а врач обес-

покоенно хмурился. – Вы на грани истощения – эмоционального и физического. Чрезмерно худы. Ешьте. Пейте молочные коктейли. Наберите вес. Считайте это приказом: к следующему приему – непременно поправиться. У вас ярко выраженная анемия, так что прописываю вам железосодержащие препараты. Но главное – побольше отдыхайте. Как можно больше.

Кари выслушала рекомендации врача, внемля ему, как язычник оракулу. Взгляд его наконец подобрел.

– Учитывая сложившиеся обстоятельства, остается надеяться, что новость о том, что у вас будет ребенок, не стала для вас ударом.

– Ударом? Для меня? Да что вы, доктор, я никогда еще не была так счастлива!

Облегченно вздохнув, он улыбнулся и продолжил свой нескончаемый перечень полезных советов.

Теперь, стоя у дверей приемной доктора, располагавшейся в самом центре города, она могла вволю насладиться свалившимся на нее счастьем. Ее охватила подлинная эйфория, казалось, душа ее купается в прохладных струях кристальной чистоты. У нее под сердцем был ребенок Томаса! В ее чреве теплилась новая жизнь, его крохотная частичка.

Быстро добежав до парковки, Кари вскочила в свой небольшой автомобильчик и направилась на телестанцию.

Пинки, оторвавшись от утренней газеты, поднял глаза, когда она подошла к его столу.

– Ну? – хмуро поинтересовался он.

Кари замялась. Сказать ему? Или приберечь пока этот драгоценный секрет, оставить для себя? Может, имеет смысл некоторое время понаслаждаться своим счастьем в одиночку? К тому же еще неизвестно, как Пинки воспримет эту весть. И как вообще отнесется к ее беременности руководство телекомпании? Тем более что речь идет не о ком-нибудь, а о телеведущей.

– Доктор прописал тонизирующее, – сообщила она, потупив глаза, чтобы он не заметил в них радостного блеска.

– А-а, джин с тоником... Что ж, не дурак твой доктор. Эта штука и в самом деле неплохо помогает. Для тебя – в самый раз, я и сам так думаю.

– Какой еще джин? Ты что, окончательно спятил? – засмеялась она. – Мне нужны витамины, железо и прочее в том же роде. И все тогда у меня будет в порядке. Просто замечательно будет! Ты сейчас свободен? Пойдем пообедаем вместе.

– Я уже заказал себе гамбургер.

Однако она все же вытащила его за руку из-за стола.

– Удивляюсь, как тебе еще не опротивела всякая дрянь из этой грязной столовки, что напротив! Тебе только отравиться не хватало! Запомни, я отныне на диете, мне нужно правильное питание, и ты должен мне в этом помочь. Знаешь что, пойдем-ка куда-нибудь, где подают салаты, фрукты, овощи. Вот что сейчас не повредит нам обоим!

На лице Пинки появилась гримаса отвращения, однако от

приглашения он не отказался. Впервые с тех пор, как Кари овдовела, в ней наконец появилось что-то человеческое, живое, и ему не хотелось, чтобы неожиданно наметившаяся благотворная тенденция столь же внезапно повернула вспять.

– Мне сегодня позвонили. Очень любопытный звонок...

С того дня, как Кари узнала о своей беременности, прошло три недели. За это время она заметно изменилась к лучшему. Слегка подстригла волосы. И вид у нее стал поистине цветущим, чему в немалой степени способствовали питательные маски, которые она, как и прежде, начала накладывать на лицо раз в неделю. Щеки округлились, цвет лица больше не был землистым, а в глазах появились прежние задорные искорки. Ее жизнь снова обрела смысл, а потому казалась прекрасной!

Столь чудесное воскрешение из мертвых оставалось для Пинки загадкой, но какова бы ни была причина, он в любом случае был рад внезапной перемене, наступившей в Кари. После смерти Томаса она превратилась в зомби, и видеть ее такой было выше его сил. Молодая, жизнерадостная женщина в одночасье стала узницей темницы, имя которой – скорбь, и Пинки боялся, что ей никогда больше не суждено увидеть свет. Но она вопреки всему нашла в себе силы сбросить оковы. Вот и слава богу...

– Ну и кто же тебе звонил? Или прикажешь в угадайку с

тобой играть? – неприветливо буркнул директор отдела новостей, снимая ноги с края письменного стола. Пинки теперь не слишком церемонился с Кари. Их взаимоотношения входили в старую колею. Между ними, как и раньше, время от времени вспыхивали словесные перепалки, что позволяло им обоим чувствовать себя в своей тарелке.

А потому она совершенно не стушеввалась под его взглядом, который иному показался бы откровенно враждебным.

– Хантер Макки, исполняющий обязанности окружного прокурора.

Прежде чем заняться тележурналистикой, Пинки долго работал в отделе городских новостей одной крупной газеты. Поварившись в этом котле больше пятнадцати лет, он теперь практически ничему не удивлялся. Пинки хвастал, что за свою карьеру слышался и навидался всего – от покушений на глав государств до случая, когда одна женщина родила в такси сразу пятерых младенцев. Нужно было очень постараться, чтобы ошеломить его. Тем не менее сейчас он был довольно близок к этому состоянию. Из слышанного от людей, близких к городским властям, он знал, что Макки всякой ерундой заниматься не станет. Этот человек обладал способностью заставить считаться с собой даже весьма влиятельных лиц.

– Ого! И чего же он хочет? Поспорить с тобой насчет твоего последнего критического разбора новых кинофильмов? На гладком лбу Кари пролегла еле заметная морщинка.

– Он ничего не сказал. Просто спросил, не смогу ли я завтра зайти к нему в прокуратуру.

– Ты меня окончательно заинтриговала. Может, он думает, что ты по-прежнему вертишься в городском совете? А вдруг у него есть для тебя что-нибудь вкусненькое!

Она недоверчиво покачала головой.

– Не думаю. Во всяком случае, по его тону этого не скажешь. К тому времени, когда он появился в Денвере, я уже не занималась городским правительством. Если он и знает меня по выпускам теленовостей, то в первую очередь как ведущую культурного раздела.

– А ты никогда прежде с ним не встречалась? Ведь это вполне возможно, учитывая, в каких кругах вы с Томасом вращались.

Однако она не могла припомнить ни одной встречи с Макки.

– Нет, я, во всяком случае, не помню. А что тебе известно о нем?

– Только то, что я читая или слышал. Парень не промах. Тщеславный. Проницательный. Способный. Ум острый как бритва. Сайлас Варне о нем очень высокого мнения, а этого старикашку, как ты знаешь, ублажить не так-то легко. Макки всегда был прокурором, за всю юридическую карьеру ему ни разу не доводилось выступать в роли защитника. Очень хочет стать окружным прокурором Денвера и скорее всего станет им после выборов.

– А что слышно насчет его личной жизни? – Репортерская жилка в Кари давала о себе знать в любых условиях. – Существует ли в природе миссис Макки?

– Такая мне неведома. Насколько я знаю, это очень заурядный тип, для которого существуют только дела и никаких делишек. Может быть, именно поэтому ты никогда и не сталкивалась с ним ни на одном из великосветских раутов. – Пинки задумчиво пожевал сигарету. – И когда же вы с ним встречаетесь?

– Завтра в десять утра.

– Не забудь после рассказать.

Улыбнувшись, Кари повернулась на месте, чтобы возвратиться за свой стол.

– Хорошо, но на слишком многое не рассчитывай. Скорее всего ничего серьезного.

Так как же встретить ее – в костюме или просто в рубашке? Пожалуй, в рубашке свободнее и спокойнее. Лучше будет, если он в момент встречи предстанет перед ней в роли друга, которому можно всецело доверять. Но не оскорбит ли ее эта попытка влезть ей в душу?

Черт! Да какая, собственно, разница... Она оскорбится в любом случае. Так что пусть будет костюм, к тому же с жилеткой, чтобы выглядеть как можно официальное.

Надев пиджак, он открыл лежавшую перед ним на полированной поверхности стола коричневую папку. Бегло про-

смотрев несколько документов, он вполголоса выругался, помянув покойника не самым приличным словом. И чего только этой сволочи не хватало? Ведь все у него было – уважение общества, деньги, высокий пост... И она. К чему было рисковать всем этим? Или как раз в этом и заключалась особая сладость? Сладость каждодневного риска, ходьбы по краю пропасти... Во всяком случае, для Томаса Уинна с его банковским счетом наворованное вряд ли можно было назвать приличными деньгами. Так, мелочь на карманные расходы. Но тогда зачем?..

Зуммер селектора прервал его размышления.

– Мисс Стюарт в приемной.

– Хорошо, пусть войдет.

Ладони внезапно стали влажными. Он украдкой вытер их о брюки и торопливо встал из-за стола. Он, Хантер Макки, тот, кого считали человеком со стальными нервами и как огня боялись преступники всех мастей, чувствовал себя в эту минуту так, словно был сделан из фруктового желе.

Да что же это с ним творится? С какими только людьми ему не приходилось иметь дело! Отпетые убийцы орали ему в лицо, обещая разрезать на куски, едва выйдут из тюрьмы, куда отправлялись его заботами. Но перед любыми угрозами он оставался тверд и непреклонен. Теперь же, когда ему через секунду предстояло встретиться с хрупкой женщиной, которая казалась не опаснее бабочки, его внутренности сводила нервная судорога. Чего он так боялся?

Высокая дверь открылась. Она вошла. Солнечный луч, проникавший сквозь окно, упал на ее волосы, нежную кожу, светло-голубое платье, облегающее идеальную фигуру.

От волнения у него заныла поясница.

Итак, по меньшей мере одна загадка была разгадана. Глаза у нее оказались зеленого цвета. Две светлые зеленые поляны в окружении темного леса ресниц.

Прическа сегодня была совсем не та, что в день похорон. На сей раз непослушные локоны свободно лежали на ее плечах. Именно в таком виде она обычно появлялась в своей телепрограмме. Ее густые светлые волосы искрились тысячью оттенков – от самого бледного, почти белого, до насыщенного золота спелой ржи.

А цвет лица... Как описать ее лицо? Множество самых вычурных определений теснилось в его мозгу. Персиковый, кремовый, медовый... Ни одно из них не подходило в полной мере. Разве что представить себе сочетание всех этих нежных трнов – только тогда, пожалуй, и можно приблизиться к истине. Только не забыть при этом абрикосовый, легким налетом лежащий на ее щеках и губах. Неудивительно, что невольно хочется попробовать, так ли сладка она на вкус, как кажется.

Достаточно было одного взгляда на нее, представшую перед ним во плоти, чтобы понять наконец, что же именно все это время не давало ему покоя. Это беспокойство вселилось в него в тот самый день, когда он увидел Кари Стюарт-Уинн

в телерепортаже о похоронах ее мужа. Один лишь взгляд – и его хваленая объективность в самоубийственном броске летит ко всем чертям в самую глубокую пропасть на свете.

– Мистер Макки?

Высокий, спортивного вида мужчина, кажется, наконец вышел из транса. После неловкого замешательства он шагнул ей навстречу.

– Спасибо, что пришли. Как мне вас называть – мисс Стюарт или миссий Уинн?

Она протянула ему руку.

– Не лучше ли просто Кари?

Ее ладонь утонула в теплой мужской руке. Его рукопожатие было приятным – достаточно крепкое, но не сокрушающее кости. Он задержал ее руку в своей чуть дольше, чем положено, внимательно изучая миловидное лицо посетительницы. Разжав наконец пальцы, прокурор, осторожно поддерживая Кари под локоть, подвел ее к стулу перед своим столом.

– Вам не слишком тут жарко?

– Нет.

– Может, тогда слишком холодно?

– Нет, – улыбнулась она. – Мне тут в самый раз.

Подобная чрезмерная обходительность не была ей в диковинку. С тех пор как погиб Томас, все старались ходить вокруг нее на цыпочках, и это уже начинало действовать ей на нервы. Операторы, отправляясь вместе с ней на съемки, ве-

ли себя в ее присутствии, как паиньки-племяннички, опасаящиеся расстроить свою тетушку – старую деву. Какую-нибудь неделю назад один из них, забывшись, начал было по старой привычке сквернословить, но, тут же спохватившись, униженно взмолился:

– Ты уж, ради бога, прости меня, Кари.

– Ну когда же, черт возьми, вы все перестанете со мной нянчиться! – закричала тогда она в отчаянии. – Когда поймете наконец, что и после смерти Томаса я все та же? Что я не заболела и умом не тронулась!

Кажется, помогло. Весть о вспышке ярости быстро распространилась по телестанции, и окружающие стали держаться с Кари намного естественнее. Старые узы товарищества мало-помалу восстанавливались.

И теперь подчеркнутая галантность Макки откровенно смешила ее. Подойдя к окну, он долго и старательно возился с жалюзи, так чтобы солнечный свет не бил ей в лицо.

– Кофе не желаете?

– Спасибо, нет.

– Воды со льдом?

– Нет. Поверьте, мистер Макки, я чувствую себя превосходно. Вот только любопытство гложет. Зачем я вам понадобилась?

Пропустив ее вопрос мимо ушей, он поделился с ней своим наблюдением:

– А вы, как бы это сказать... – Макки сделал неловкий

жест рукой. – Более худенькая, чем кажется по телевизору.

И это замечание не вызвало у нее удивления. Ей уже не раз приходилось слышать подобное от других.

– Дело в том, что телекамеры полнят того, кто сидит перед ними. Человек на телеэкране выглядит килограммов на семь-восемь тяжелее, чем на самом деле, – терпеливо разъяснила Кари. – А вот вы оказались на удивление молоды. – Его брови удивленно поползли вверх. – Во всяком случае, для той должности, которую занимаете, – быстро добавила она. – Я ожидала увидеть кого-нибудь в более солидном возрасте.

– Вроде Сайласа?

– Да.

– А потому разочарованы?

– Нет, скорее удивлена. – Она слегка наклонила голову набок. – Скажите, откуда вы к нам пожаловали?

– До этого я служил в Сент-Луисе.

– Отчего же вы оттуда уехали?

– Неужели это так важно?

Она виновато улыбнулась.

– Видите ли, раньше по долгу репортерской службы мне приходилось интересоваться деятельностью городского правительства. Извините, что начала приставать к вам с вопросами. Просто при виде окружного прокурора во мне невольно проснулся старый журналистский инстинкт.

На его губах появилось некое подобие улыбки.

– Что ж, будем говорить начистоту. В Сент-Луисе на служебной лестнице я занимал одну из низших ступенек, а перспектив роста не было никаких.

Она понимающе кивнула:

– Остается только удивляться, почему мы не встречались раньше.

– А разве такая возможность существовала?

– Я частенько навещала в зал судебных заседаний. Мой покойный муж был членом городского совета.

– Знаю.

– Вы лично знали его?

– Встречались несколько раз.

Вернувшись за свой стол, он сел в рабочее кожаное кресло и надел очки. При этом лицо его нисколько не утратило своей привлекательности. У Кари не вызывало никаких сомнений то, что этот человек далеко пойдет, если решит остаться на стезе служения обществу. Хорошие внешние данные в таком деле не помеха. Скорее наоборот...

В нем было под два метра роста. Отлично скроенный пепельно-серый костюм не скрывал поджарого, мускулистого тела. Его движения были уверенны и изящны, волосы безупречно подстрижены, и все же в прокурорской прическе оставалось что-то от мальчишеской взъерошенности – именно то, что большинству женщин так нравится в мужчине. Его волосы были темно-каштановыми, отдельные пряди – с красноватым отливом.

Высокий лоб Хантера Макки говорил о недюжинном уме. Густые брови изгибались дугами над глазами, которые были ни серыми, ни зелеными, а какого-то другого, глубокого цвета, напоминающего старый мох на древесном стволе. Высокие скулы расходились в стороны от аристократического носа. Очертания губ отличались изяществом и совершенством, причем нижняя была чуть полновата, что должно было свидетельствовать о его чувственности. Рот был широк. Кари представила себе, как он улыбается. Воображаемая улыбка получилась весьма сексуальной.

Несколько секунд он молча смотрел на нее из-за своего стола, а потом тихо произнес:

– Весьма сожалею по поводу случившегося с вашим мужем.

– Благодарю вас. – «Неужели он вызвал меня лишь за этим? – удивилась она про себя. – Соболезнования мог бы выразить и по телефону».

Все то, что Макки говорил сейчас, за последние месяцы она слышала уже сотни раз, и все же за его словами скрывалось нечто необычное, какая-то напряженность. Внезапно ей пришло в голову, что он сожалеет не только по поводу гибели Томаса. Ей стало крайне неуютно под его пронзительным взглядом. Казалось, он внимательно следит за ее реакцией на каждое его слово.

– Я не раз наблюдал за вами по телевизору, – обронил он словно невзначай. Однако у нее сложилось впечатление, что

эта реплика была тщательно продумана. Кари всерьез сомневалась, что мистер Макки хоть раз в жизни сказал то, что первым пришло ему в голову.

– Это все равно что сказать: «Я наблюдал за вашим ребенком». Ну и какова же ваша оценка того, что вы видели?

Макки застенчиво улыбнулся. Кари оказалась права: улыбающийся он был красив и чертовски сексуален. Насколько она могла припомнить, исполняющий обязанности прокурора до сих пор ходил в холостяках. Должно быть, не менее десятка молодых особ прекрасного пола мечтали исправить это упущение.

– Раньше я обычно выключал телевизор сразу же после основных новостей. – Отведя глаза в сторону, он без видимой причины выдвинул и задвинул обратно верхний ящик письменного стола. – Но в последнее время стал специально смотреть ваш раздел – новости культуры. Сюжеты бесподобны. Отличная работа.

– Спасибо, – сдержанно кивнула она, в то же время широко улыбнувшись.

– Ваши слова всегда бьют точно в цель, ну а сами вы... очень красивы. – Последние слова были произнесены очень тихо, после почти незаметной паузы.

Кари почувствовала, как дробно, будто выбивая чечетку, застучало в ее груди сердце. Такого с ней прежде никогда не бывало. Сладкое возбуждение, просочившись сквозь искусственную плотину опасений и сдержанности, затопило ее

душу. От этого странного ощущения у нее что-то словно во-
рохнулось внутри, и она едва удержалась от того, чтобы при-
жать к животу ладонь. Может, ребенок зашевелился? Нет,
еще слишком рано. Что же тогда? Уж не хочет ли она при-
знаться себе в том, что отреагировала на комплимент мисте-
ра Макки, как впечатлительная школьница на похвалу лю-
бимого учителя?

– В таком случае вам незачем было вызывать меня к се-
бе. Достаточно было просто написать письмо-признание, как
делают все уважающие себя поклонники. – Она попыталась
невозмутимо улыбнуться, но губы ее предательски задрожали.

– Да, я ваш поклонник и не мог не сказать вам об этом. –
Его брови сосредоточенно сошлись у переносицы. – Но, к
сожалению, я вызвал вас не для этого.

– Я так и поняла. Если речь идет о каком-то материале для
программы новостей, то вам следовало позвонить нашему
шефу отдела редакционных заданий. А он бы в свою очередь
направил...

– Нет, речь не о репортерском материале. Во всяком слу-
чае, пока. Но, думаю, уже сегодня пресса будет оповещена
об этом деле.

Положив ногу на ногу, Кари нетерпеливо заерзала на сту-
ле. Интересно, когда же он наконец перейдет к сути?

– Отчего бы вам не сказать мне, о каком деле речь, мистер
Макки?

– Оно касается вашего покойного мужа, – заявил он, теперь уже без обиняков.

Это сразу же охладило ее нетерпение. Недоуменно моргая, она смотрела, как Хантер Макки открывает лежащую перед ним папку. Движения его были методичны, в каждом из них сквозила официальность. Отныне в нем не было даже намека на радушного хозяина или восхищенного поклонника – перед ней сидел «слуга народа», которому предстояло выполнить не самую приятную обязанность.

– Томаса? При чем тут Томас?

Исполняющий обязанности прокурора набрал полные легкие воздуха. Было видно, что ему не очень легко говорить.

– На протяжении нескольких месяцев наша прокуратура ведет следствие по делу об исчезновении очень крупных денежных сумм. Эти фонды поступали в распоряжение городского совета, однако куда они делись, точно до сих пор не может сказать никто, хотя в финансовых отчетах баланс сходится до последнего цента. Но это только на бумаге. На самом же деле несколько важных городских проектов так и не получили ни цента из причитавшихся им денег.

– Не понимаю, какое отношение...

– Прошу вас, выслушайте меня, – мягко прервал ее Макки, подняв над столом ладони. – Эти фонды использовались не по назначению. В наших руках накопилось достаточно свидетельств, чтобы вынести это дело на рассмотрение боль-

шого жюри присяжных. Сегодня во второй половине дня по обвинению в мошенничестве и незаконном присвоении средств из городской казны будут арестованы два члена городского совета. И прежде чем это дело станет достоянием гласности, я хотел бы поговорить с вами.

Она облизнула пересохшие губы.

– Почему?

Взгляд его глаз был беспощаден.

– Потому что, насколько можно судить, одним из участников этой неприглядной истории был Томас Уинн.

На какое-то время она оцепенела. Хантер Макки тоже оставался неподвижен. Воцарилось гнетущее молчание. Откуда-то издалека доносились телефонные звонки и стрекот пишущей машинки.

Внезапно сорвавшись с места, Кари опрометью бросилась к двери. Хантер проворно выскочил из-за стола и успел догнать ее как раз в тот момент, когда она уже была готова выбежать в коридор. Его сильные сухие пальцы впились в ее предплечье.

– Прошу прощения, Кари...

– Для вас я миссис Уинн, – злобно прошипела она, – и уберите от меня свои руки!

– Я хотел бы объяснить вам...

– Я не нуждаюсь в ваших объяснениях! – В глазах у нее потемнело от гнева, лицо горело. – Томас работал на благо этого города уже в то время, когда вы только заканчивали

свой юридический колледж. Он был кристально честен как бизнесмен и безупречен как должностное лицо. Он никогда не стал бы... – Она на секунду замолчала, ловя ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. – Ваши обвинения гроша ломаного не стоят, что и выяснится в самом скором будущем. А сейчас выпустите меня отсюда!

Кари вырвалась из его пальцев, однако его растопыренная пятерня по-прежнему загораживала ей выход. Решительно вытянутая рука Хантера Макки была похожа на шлагбаум, а сам он – на крепкое дерево, своротить которое было не под силу даже урагану. И если бы она пошла напролом, он ни за что не выпустил бы ее. Поняв это, она, кипя от бешенства, подняла на него взгляд.

– Сядьте, – мягко приказал он. – Мне нужно задать вам всего несколько вопросов. Если хотите, можете пригласить сюда своего адвоката.

Кари вызывающе вздернула подбородок.

– Это лишнее. Мне нечего скрывать от вас. И Томасу тоже.

– Тогда не сочтите за труд отвечать мне, – произнес Макки ровным голосом.

Она была загнана в угол, и единственным для нее способом «спасти лицо» оставалось изобразить полнейшую непробиваемость.

– Итак, о чем бы вам хотелось знать? – Она заставила себя принять более непринужденную позу, но ее ненависть к

этому человеку не ослабевала.

– Присаживайтесь, прошу вас. – Хантер Макки вновь был сама предупредительность и благовоспитанность. Он взял ее под локоть, но Кари опять резко отдернула руку. Она сама подошла к стулу и напряженно села на край.

Он же вернулся за свой стол и снова зашуршал бумагами в папке.

– Мистер Уинн бывал когда-нибудь в Сан-Франциско?

– Не помню, – отрезала она.

Его брови опустились, и глаза пристально посмотрели сквозь поблескивающие стекла очков. Кари впервые почувствовала, как в ее душу вползает страх. Этот человек явно не намерен был с ней шутить.

– Так бывал или нет? – повторил он вопрос.

Она нервно сглотнула.

– Да. Время от времени.

– Насколько часто?

– Трудно сказать.

В нее опять уперся недоверчивый взгляд.

– Почему трудно?

– Часто – понятие растяжимое! – выкрикнула она. Однако, судя по бесстрастному выражению его лица, он по-прежнему не был удовлетворен ее ответами. А потому, прерывисто вздохнув, Кари уточнила: – Он ездил в Сан-Франциско довольно часто.

– Вы можете назвать конкретные даты?

– Конечно, нет! У Томаса было великое множество дел, и я не была в курсе каждого из них.

– А вообще он много путешествовал?

Она в отчаянии развела руками.

– Наверное, да. А вообще-то не знаю. Он уезжал два-три раза в месяц. Как по-вашему, много это или мало?

Оставив ее реплику без внимания, он продолжил дознание:

– И куда же он ездил – в Сан-Франциско, Новый Орлеан, Нью-Йорк, в Пуэрто-Рико?

– Думаю, что да. Может быть. Говорю же вам, я не вела учет его деловых поездок.

– Значит, вы никогда не знали, куда направляется ваш муж, когда он уезжал из города?

Ее губы сжались от злобы в тонкую линию, глаза яростно сверкнули.

– Отчего же? Знала! Он звонил мне каждый вечер, когда был в отъезде.

Ей показалось, что Макки пробормотал что-то в высшей мере оскорбительное, но она не расслышала, что именно. Он опять ожесточенно рылся в своих бумагах.

– Вы имеете хотя бы приблизительное представление о том, каков был годовой доход вашего мужа?

– Нет.

Его голова поднялась от бумаг.

– Ни малейшего представления?

– Я знаю лишь то, что мы ни в чем не нуждались. Мы жили вполне обеспеченно. Но у меня был отдельный банковский счет.

– ...На котором лежали деньги, которые он вам давал?

– Нет, деньги, которые я зарабатываю сама, – злобно выпалила она. – У вас есть еще вопросы, мистер Макки?

– Пока нет. Во всяком случае, к вам. Мне всего лишь хотелось выяснить, являлись ли вы сообщницей вашего мужа в его махинациях.

Она вскочила со стула как ужаленная, кровь бросилась ей в лицо.

– За Томасом нет никаких махинаций. Слышите? Нет!

Хантер тоже встал и, опершись руками на стол, посмотрел ей прямо в глаза.

– У меня есть неопровержимые документальные доказательства. И хотите вы этого или нет, для тех двоих я добьюсь обвинения, чего бы это мне ни стоило. Хотя не скрою, ваша помощь могла бы оказаться в этом деле очень ценной. И если бы вы припомнили имена, даты...

– Подите вы к черту! – крикнула она ему в лицо и, повернувшись на месте, устремилась к двери.

Он поспешил следом за Кари, на сей раз успев опередить ее и вклиниться между нею и дверью. Казалось, она того и гляди задымится от бешенства. Да как у этого прокуроришки язык повернулся обвинить Томаса Уинна, святого человека, в таком чудовищном злодеянии, как растрата общественных

денег!

– Позвольте мне вызвать судебного исполнителя, чтобы вы прямо здесь могли засвидетельствовать свои показания под присягой, – произнес он. – Если все обстоит именно так, как вы утверждаете, и вы ничего не знаете, то... Что ж, будем считать, что это действительно так.

– Я не хочу иметь никакого отношения к этому нечисто-плотному расследованию, мистер Макки.

– Будучи вдовой мистера Уинна, вы, независимо от вашего желания, уже имеете к нему отношение.

– По закону жену нельзя заставить свидетельствовать против мужа.

– Под суд отдают не вашего мужа, а его сообщников. Расскажите мне все, что вам известно, и я больше не побеспокою вас.

– Я ничего не знаю.

– Заявите это под присягой. И все же я не советовал бы вам торопиться. Ведь вы, даже сами того не подозревая, можете знать об очень многом. Постарайтесь вспомнить, ну скажем, какие-то отрывочные факты, мелкие детали, которые сейчас, возможно, кажутся вам незначительными. Разрешите мне задать вам еще несколько вопросов по существу этого дела.

– Зря стараетесь! Разговор окончен, я ухожу. – Кари попыталась нащупать дверную ручку.

Однако Хантер Макки перехватил ее ладонь и совершен-

но неожиданно прижал ж своей груди.

– В таком случае я буду вынужден вызвать вас повесткой. Вам придется давать показания в суде.

– О, я абсолютно уверена, что вы неукоснительно выполните свой служебный долг, мистер Макки. – Она попыталась высвободить свою кисть из его пальцев, но безуспешно.

– Поймите, я не хочу заставлять вас страдать!

Забывшись, они оба поначалу пытались перекричать друг друга. Однако его последняя фраза заставила Кари удивленно вскинуть голову. Она ошеломленно уставилась на него. Его слова прозвучали с необычайной искренностью, поэтому она не могла не прореагировать на них. Их мягкая убедительность подействовала на нее гораздо сильнее, чем злобный крик.

Он наклонился к ней еще ниже. Его очки остались лежать на краю стола, и глаза, которыми Макки смотрел на нее сейчас, показались ей поразительно темными. Лицо его по-прежнему выражало твердость и решимость, но в то же время...

Сочувствие? Она покачала головой. Нет, не сочувствие. Это было совершенно невозможно. Разве может он ей сочувствовать, пытаясь одновременно опорочить имя Томаса? Ведь это все равно что нанести личное оскорбление ей, Кари Стюарт.

Постаравшись взять себя в руки, она проговорила ровным голосом:

– Не беспокойтесь, мистер Макки, я хорошо знаю, что такое страдание. Знаю, что чувствуешь, когда тебя вызывают в морг на опознание трупа. Знаю, что такое смотреть на холодное тело, узнавая в жертве нелепого дорожного происшествия собственного мужа. А вы не знаете... Не знаете, какой это был человек, но все равно пытаетесь... О господи! – Голос ее сорвался, и глаза защищало от слез. – Да выпустите же меня наконец!

Она не хотела плакать. Ни перед кем. Уж, во всяком случае, не перед ним. Однако несмотря на это, слезы боли и гнева мгновенно наполнили ее глаза. Кари наклонила голову, чтобы скрыть их.

Нет, это было выше его сил. Он заранее знал, что ему предстоит нелегкая миссия. Но увидеть себя в роли опереточного злодея... Ну почему именно ему выпало измываться над бедной женщиной, которая и без того уже достаточно выстрадала? И выглядела такой незащитной, такой одинокой...

Чертов Уинн! Надо же быть таким скользким сукиным сыном – дал дуба, и взятки с него гладки. Наломал дров и испарился! А расхлебывать теперь ей! Будь этот пронира сейчас жив, Хантер, наверное, был бы к нему чуть более снисходителен. Теперь же, глядя на светлый нимб волос вокруг прекрасной головки молодой вдовы, прокурор ненавидел ее презренного покойного супруга всей своей прокурорской душой.

Его пальцы, державшие тонкое запястье Кари, побелели от напряжения. Опомнившись, Хантер Макки ослабил хватку, но руки ее не выпустил. Почувствовав свободу, женские тонкие пальчики, сжатые в крохотный кулачок, тоже расслабились. Эта изящная ладошка словно заворожила его. Больше всего на свете ему хотелось прижать ее к своим губам и держать так до тех пор, пока сердце его не забьется наконец спокойно и умиротворенно. Он мысленно представил себе, как разгибаются эти тонкие пальчики, как его губы прикасаются к белому запястью, скользят вверх...

Не вполне сознавая, что делает, Хантер поднял свободную руку и украдкой поймал пальцами непослушный светлый локон. На ощупь ее волосы оказались именно такими, какими он их себе представлял, – мягкими, шелковистыми. Ему захотелось взять эту гриву в охапку и зарыться в нее лицом, чтобы губами ощутить их восхитительную мягкость и шелковистость.

Однако, пересилив себя, он опустил руку. Кари, кажется, даже не заметила этого мимолетного прикосновения. А если бы заметила, то, наверное, содрогнулась бы от омерзения. На этот счет у него не было никаких сомнений. Каким бы мерзавцем ни был ее муж при жизни, для нее он все равно оставался святым.

И ему, Хантеру Макки, уготовано судьбой низвергнуть этого идола с пьедестала. Хорошо, он откроет ей глаза. Но сам-то кем в ее глазах предстанет? Участь гонца, принося-

щего дурные вести, общеизвестна.

– Я не хотел заставлять вас страдать. – У него не было ни малейшего намерения повторять эти слова, тем более с таким сокрушенным видом и таким проникновенным шепотом, да к тому же слегка поглаживая большим пальцем внутреннюю сторону ее запястья.

Тем не менее шепот его был услышан, и Кари снова посмотрела ему в лицо. Яростный взгляд ее зеленых глаз был красноречивее самых гневных слов.

– До свидания, мистер Макки, – холодно произнесла она и резко выдернула руку. На сей раз ему не оставалось ничего иного, как отпустить ее.

Сжав губы в жесткую линию, он отступил в сторону и распахнул перед ней дверь. Откинув назад волосы и гордо расправив плечи, Кари прошествовала мимо.

Хантер вышел в коридор и проводил ее взглядом.

Даже если бы высшие силы даровали прокурору возможность самому создать женщину его мечты, ему вряд ли удалось бы придумать что-либо более совершенное. Ее сложение представлялось просто идеальным. Она была совсем тоненькой и в то же время на редкость женственной. Округлые ягодицы упруго ходили под юбкой, груди заметно поднимали лиф платья. О да, он заметил их, а заметив, не мог оторвать от них глаз, молчаливо проклиная себя за распутные мысли. Эти запретные мысли беспощадно терзали его разум, словно нечистый заставлял его думать о формах, цвете, упругости

и вкусе ее тела.

Туфли на шпильках и шелковые чулки делали ее длинные ноги просто бесподобными. От них можно было запросто сойти с ума. О чем он только что думал? Ах, да, о чулках. Хантер точно помнил, что они были шелковыми. Он мог почти наяву ощутить гладкое тепло этих обтянутых шелком ног – стоило только чуть-чуть напрячь воображение. Изящные изгибы божественных икр и бедер словно сами просились в его руки.

А ее волосы! А ее лицо, волшебным образом изменяющееся каждое мгновение! Разве можно найти на свете еще хоть одно женское лицо, такое же очаровательное, как это? А ее запах! Ее глаза! Ее рот! Господи!.. «А вот про рот – это уже лишнее», – попробовал мысленно обуздать себя Хантер, едва не теряя сознания от нестерпимого желания.

Дождавшись, когда она завернет за угол коридора, исполняющий обязанности окружного прокурора закрыл дверь кабинета и вернулся за свой стол.

– Разрази меня гром, – сокрушенно вздохнул он и, обессиленно рухнув в кресло, в отчаянии запустил пятерню в волосы.

Прошло всего три месяца, с тех пор как Кари Стюарт овдовела. Но даже если бы этот срок составлял сейчас три года, она с не меньшей силой возненавидела бы Хантера Макки за то, как он по долгу службы вынужден был поступить с репутацией ее мужа. Для нее это было не чем иным, как

надругательством над памятью покойного. Самого дорогого ей человека.

Все это понятно. Одно лишь неясно – как заглушить в себе желание, сильнее которого Хантер не испытывал еще ни разу в жизни? Он не виноват в том, что стал пленником этого чувства, что выбрал ее в толпе женщин. В сложившейся ситуации сознательный выбор был просто абсурдом. Следуя логике, он должен был сторониться этой женщины как огня. Он вовсе не желал влюбляться в нее. Так уж получилось. И что же, черт возьми, ему теперь делать?

Это было просто безумием, редчайшим случаем помешательства, которого не отыщешь ни в одном учебнике психиатрии, самоубийством, наконец, – политическим и профессиональным. И все же подобно лунатику он пошел по этому гибельному пути.

Он полюбил врага своего.

Глава 3

Когда Кари Стюарт вернулась на работу, главная редакция гудела как потревоженный улей. В воздухе витал запах сенсации, и она догадывалась, какой именно. Все сотрудники разбились на шушукающиеся кучки. Стоило ей приблизиться к какой-нибудь из них, шушуканье немедленно затихало. Она шла, ловя на себе любопытные вороватые взгляды. Всем все уже было известно.

Войдя в свой «загончик», Кари как ни в чем не бывало принялась за работу. «Пусть болтают, – подумала она. – Для них чесать языки – дело привычное». Хантер Макки, как видно, готов был землю рыть, лишь бы заручиться общественной поддержкой. А добьется только того, что выставит себя перед всем светом круглым идиотом. Подумать только, обвинить Томаса Уинна в разворовывании городских финансов! Не мог ничего умнее придумать... Да его все на смех поднимут. Потому что все его мелкие обвинения достойны только одного – презрения. Такого же, которое испытывает к нему она.

– Привет, детка.

Кари с готовностью улыбнулась. Правда, улыбка получилась немного вымученной.

– Привет.

Пинки оглянулся через плечо. В помещении, похожем на

пчелиные соты, конфиденциальный разговор зачастую очень скоро становился всеобщим достоянием.

– Вот и выяснилось, почему Макки приспичило с тобою встретиться.

Ее изящный подбородок гордо взметнулся вверх.

– Похоже на то.

– Об этом только сейчас стало известно. Паркера арестовали дома, Хейнса взяли на площадке для игры в гольф. Это, конечно, ненадолго. Думаю, уже через несколько минут они будут отпущены под залог. Но я им все равно не завидую. Н-да, не лучшие времена наступают для городского правительства. – Он сочувственно опустил ладонь на ее плечо. – Да и для тебя тоже.

– Но почему? – вскинулась она. – Даже если кто-то там и прокручивал какие-то аферы, Томас в любом случае не имеет к ним никакого отношения.

– Это тебе Макки сказал? То, что Томас непричастен?

Водянистые глаза Пинки вполне соответствовали его белесому облику. Они были бледно-голубыми, почти прозрачными. И все же их взгляд подчас мог быть тверже стали. Таким, каким был сейчас. Она смущенно посмотрела в сторону.

– Нет. Он думает, что Томас тоже замешан. Но этот парень просто идиот.

– Может, и идиот, но согласись, в его идиотизме есть нечто рыцарское. Я еще не встречал бюрократа, который за-

ранее предупреждал бы родственников подозреваемого, что для их семейства вскоре запахнет жареным.

– Это вовсе не было предупреждением. Он просто желал вытянуть из меня нужную ему информацию. – Кари встала и начала мерить шагами тесный «загончик», в котором едва хватало места для ее стола и стула. – Думал, что я помогу ему с выдвижением обвинений против других. Ты можешь себе это представить? Каков наглец! Предлагал судебного исполнителя пригласить, чтобы тот зафиксировал мои показания. Не хотел, видите ли, специально вызывать меня повесткой.

Закурив сигарету, Пинки потушил спичку, помахав ею в воздухе, и не глядя швырнул в корзину для мусора. Он не сводил глаз с лица Кари.

– Вот видишь, он готов был сделать тебе одолжение.

– Черта с два, – желчно огрызнулась она. – Скорее всего надеялся, что размякшая вдовушка быстренько расколется и выложит обаяшке-прокурору все мрачные секреты покойного мужа. Одного только не понимает: не было у Томаса секретов – ни мрачных, никаких других. Вскоре он в этом убедится и, таким образом, выставит себя полным дураком.

– А ты в этом уверена?

– В том, что у него будет дурацкий вид?

– Нет. В том, что у Томаса не было никаких секретов, – спокойно проговорил Пинки.

Кари крутанулась на месте, готовая к схватке. Несколько секунд она вызывающе глядела на начальника, ожидая услы-

шать от него более конкретные доводы. Но тот только отвел глаза. Кари раздраженно плюхнулась на свой стул и повернулась к нему спиной.

– Прости, милая. У всех у нас тут ум за разум заходит. Просто в голове не уместается, как такое возможно. Жаль, что вся эта хреновина приключилась с тобой как раз в тот момент, когда ты... – Он положил руки ей на плечи и слегка помассировал их.

Ее мышцы были напряжены, словно их свело судорогой. Только-только Кари начала приходить в себя, и вот вам, пожалуйста! Пинки не знал, кого придушил бы первым: Уинна – за все его финансовые художества, или Макки – за то, что он хочет взвалить на хрупкие вдовьи плечи ответственность за чужие грехи.

– Послушай, а почему бы тебе не поехать домой? – нашелся наконец директор отдела новостей. – А твой раздел сегодня вечером заполним каким-нибудь репортажем «о жизни простых людей».

– Ни за что в жизни, – твердо произнесла она и резко встала, сбросив его руки со своих плеч. Ее глаза яростно сверкнули. – Я не хочу доставлять мистеру Макки удовольствие думать, что ему удалось запугать меня. Сегодня вечером, включив свой телевизор, он увидит мое улыбающееся лицо. Я буду не просто улыбаться – я буду вся светиться от радости. Я ни в чем не виновата, и Томас тоже. А если мистер Макки надеялся, что я забьюсь в щель, будто чувствую за

собой какую-то вину, то придется ему в этом разувериться!

Кари пыталась убедить себя в том, что все неприятности уйдут сами по себе, если она станет продолжать жить так, будто ничего не случилось, и выкинет все мрачные мысли из головы. Однако она явно недооценила масштабов скандала, который, не успев разгореться в полную силу, уже потряс основы городского самоуправления. Вышедшая в тот же вечер «Денвер пост» поместила обстоятельнейшую статью, в которой называлась примерная цифра украденных денег. Был назван и источник, откуда появились эти данные: окружная прокуратура.

По всей видимости, Пинки запретил своим репортерам приставать к ней с расспросами. Но прочая пишущая и говорящая братия подобными запретами стеснена не была. Стоило ей выйти из здания телестанции, как на нее налетела шайка ретивых представителей различных изданий и других телеканалов. Кари держала рот на замке, молча расчищая путь к своей машине. Гнев и страх боролись в ее душе. Держа руль, она заметила, как дрожат ее руки. Сердце в груди бухало, как паровой молот.

Быстро поднявшись в свою квартиру, Кари невероятным усилием воли заставила себя успокоиться. Нет, так никуда не годится. Ведь излишние волнения могут повредить ее ребенку. Тише, тише, вот так... Главное, без паники. Она должна проявить выдержку, стиснуть зубы и ждать. Ждать, пока улягутся страсти. Тем более терпеть придется не так уж дол-

го – несколько дней от силы.

Еще одна иллюзия. Кари недооценила усердие мистера Макки. Подробности скандала пошли гулять по первым полосам ежедневных газет. А чтобы огонь, не дай бог, не затух, в него прилежно подливали масло программы новостей всех без исключения телеканалов. Макки добился-таки от большого жюри присяжных выдвижения обвинений против Паркера и Хейнса. Была назначена дата процесса.

В считанные дни Хантер Макки превратился в городскую знаменитость. Глядя на его самодовольную физиономию на экране телевизора, читая в газетах его бесконечные интервью, Кари все больше и больше ненавидела этого человека. Для нее он был не человеком даже, а просто чинушей – окружным прокурором, готовым на все ради достижения своей маниакальной цели. И цель эта заключалась в том, чтобы вывалить честное имя Томаса в грязь. Перед ней был враг, который при необходимости без колебаний раздавит ее саму и поставит под угрозу будущее ее ребенка.

Демонстрируя выдержку, достойную античного героя, Кари каждое утро вставала, приводила себя в порядок и отправлялась на телестудию, ни в чем не отступая от обычного распорядка дня. Уходя с головой в работу, ей удавалось хотя бы на время полностью отвлечься от гнетущих мыслей. Ночью же она беспокойно металась в кровати, пытаясь придумать, как защитить имя Томаса от грязных прокурорских лап.

Ею владела непоколебимая уверенность в том, что если ее покойный муж и причастен к этому делу, то только косвенно. Так есть ли в ее распоряжении хоть что-нибудь, что могло бы послужить его оправданию? Досье, письмо, записка? А может, она поднапряжется и вспомнит какой-то факт, который станет неопровержимым доказательством его невиновности?

Только бы нашлись эти свидетельства! Неужели память не в силах оказать ей эту услугу, которая сейчас ей так нужна? Господи, лишь бы получилось, и тогда она с радостью отбросила бы в сторону все свои обиды и отправилась напрямик к Макки. Эта мысль придавала ей силы, и Кари с утроенной энергией принималась за поиски, которые, к сожалению, оставались бесплодными. Отчаяние в душе росло.

Напряжение последних дней начинало сказываться. Оставалось лишь надеяться, что ее крайняя измотанность не проявляется внешне. Что же касалось беременности, то тут особого повода для тревог не было. Живот еще не скоро выдаст ее. Во всяком случае, к тому времени она уже успеет решить все свои нынешние проблемы. Тогда и можно будет объявить всем, что она ждет ребенка. А пока что Кари оставалась тощей, как щепка.

Пинки отыскал ее в небольшой гримерной, примыкавшей к той студии, где Кари обычно записывала сюжеты для своего раздела программы. В данный момент она, не жалея пудры, забеливала темные круги под глазами. Выглянув из-за

плеча Кари, Пинки уставился в большое театральное зеркало, внимательно изучая в нем отражение ее лица.

– Послушай, почему бы тебе не передохнуть немного от передач? С тех пор как поднялась эта шумиха, ты живешь, будто в камере пыток.

– Я в полном порядке. – Она деловито пригладила волосы щеткой и, подумав немного, наложила еще один слой пудры на пепельно-серые щеки.

– Нет, Кари, не в порядке. – Терпение Пинки лопнуло. – Далеко нет! Да ты сама на себя посмотри – краше в гроб кладут! Только заезженных кляч мне тут не хватало. В общем, бери несколько дней отпуска и отдыхай. Хватит с меня твоего геройства!

Пропустив его тираду мимо ушей, Кари встала и взяла со стола листки с текстом.

– Меня ждут в студии.

Пинки схватил ее за руку, когда она направилась к выходу мимо него. При виде его глаз, которые смотрели на нее с неподдельной тревогой, в душе у Кари что-то дрогнуло, и она в порыве признательности тихонько погладила верного друга по пухлой щеке.

– Все травят меня, Пинки. Окружной прокурор, пресса... Уже несколько дней у меня такое чувство, словно за мной по пятам несется свора борзых. Хоть ты меня не трогай. – Она поцеловала его в лысеющий лоб и вышла из гримерной.

Когда дверь за ней закрылась, Пинки разразился потоком

цветистых ругательств. Он искренне восхищался ее мужеством. А вот со здравым смыслом у нее было явно плоховато.

Телефон в квартире зазвонил как раз в тот момент, когда Кари вставляла ключ в замок входной двери. Вбежав внутрь, она торопливо схватила трубку.

– Алло... – произнесла Кари, задыхаясь от спешки.

– Мисс Стюарт?

Этот голос невозможно было спутать ни с каким другим.

– Да, – холодно ответила она.

– Говорит Хантер Макки.

«Еще бы мне не узнать тебя!» – захотелось ей злобно завопить в трубку. Вместо этого она просто промолчала.

– Как поживаете?

Она невольно заскрежетала зубами.

– Разве это имеет для вас хоть какое-то значение?

– Вы мне не поверите, но это действительно имеет для меня большое значение.

– Вы правы, мистер Макки, я не верю вам. Если бы мое благосостояние заботило вас хоть в малейшей степени, то вы не развязали бы этой кампании по очернительству имени моего покойного мужа.

– Это не кампания. Я всего лишь выполняю свои служебные обязанности.

– Обязанности палача. Которому не терпится растерзать в клочья репутацию Томаса.

Словно не замечая ее колкостей, он продолжил:

– Начиная расследование, я вовсе не стремился запятнать чью-либо репутацию, и уж тем более репутацию вашего покойного мужа.

– По заголовкам газетных статей этого не скажешь.

– Значит, вы неправильно интерпретируете заголовки.

Она коротко хохотнула:

– Неужели? Да ваше имя уже повторяют на каждом углу, а вам все мало. Вы хотите использовать этот процесс для того, чтобы привлечь к себе внимание публики. Неужели у вас язык повернется отрицать это? Разве есть более надежный способ завоевать голоса избирателей, чем изобличение шайки вороватых бюрократов, которые набивали карманы долларами, политыми кровью и потом рядовых налогоплательщиков? Вам одно надо – чтобы пост окружного прокурора навсегда остался за вами, или я ошибаюсь?

– Не стану отрицать, я хочу, чтобы эта должность стала моей.

– И чтобы завоевать ее, вы готовы принести в жертву ни в чем не повинного человека. – Ей было трудно дышать. В одной руке она крепко держала телефонную трубку, другая была сжата в кулак.

– Но если вы так убеждены в невиновности Уинна, то почему же не хотите замолвить за него слово? Почему не хотите помочь мне? Вспомните, я предлагал вам сделать это еще несколько недель назад.

– Я не могу помочь вам. И сказала вам об этом тоже несколько недель назад.

– Значит, не можете? – мягко переспросил Макки.

Что-то в его тоне внушало ей опасения.

– Что вы имеете в виду?

– Скажите, в вашем распоряжении есть какие-нибудь документы, записи, которые вел ваш муж и которые могли бы сейчас пролить свет на это дело? Доказать его невиновность?

Устало опустившись на ближайший стул, она потеряла лоб. Вот, значит, в чем дело? Прокурор уверен, что она скрывает от следствия какие-то важные улики. А не сказать ли сейчас, что она давно уже представила бы ему любые свидетельства, если бы ей удалось найти хоть что-то? Хотя нет, ей вовсе нет нужды говорить ему, что она занималась подобными поисками. Ведь это было бы равнозначно признанию того, что она допускает возможность виновности Томаса, разве не так? Пришлось напрячь волю, чтобы стряхнуть с себя смертельную усталость. Она не желала видеть в себе даже намек на слабость.

– Скажите прямо, вы хотите, чтобы я разрешила вам порыться в личных вещах Томаса?

На другом конце провода послышался раздраженный вздох, за которым последовало отрывисто:

– Я бы не стал это так называть.

– Но вы ведь именно этого хотите?

– Ну что-то вроде этого. Да.

– Увы, придется снова огорчить вас. Ничем не могу вам помочь, мистер Макки. Переезжая сюда, я взяла с собой лишь несколько вещей, которые имеют для меня особую ценность. Все, что ему принадлежало, осталось в его доме и находится в распоряжении его детей.

– С теми вещами я уже разобрался, заметьте, в присутствии адвоката мистера Уинна. Однако ничего противозаконного не нашел.

– Вот вам и ответ на ваши обвинения! – воскликнула Кари.

– Но и ничего, что могло бы его оправдать, там не было, – твердо добавил Макки. – Вы не хуже моего знаете, что человек со столь разносторонними интересами, как у вашего покойного мужа, обычно ведет двойную бухгалтерию. Вот я и спрашиваю: у вас есть его записи, мисс Стюарт?

– Нет! – выкрикнула она. И это было сущей правдой. Потому что Томас никогда ничего не записывал: ни телефонных номеров, ни адресов, ни поручений, которые предстояло раздать подчиненным, ни вещей, которые нужно упаковать перед поездкой. Ничего. Всю информацию он держал в голове.

Устав от многозначительных намеков, Кари спросила:

– Вы в самом деле думаете, что я намеренно что-то от вас утаиваю? Или как вы это там называете...

– Препятствование отправлению правосудия.

– Так вы полагаете, мне можно предъявить подобное об-

винение?

– А сами вы как думаете?

– Думаю, что нет.

– И готовы присягнуть в этом?

– Да.

После долгого молчания в трубке раздался тяжелый вздох.

– В таком случае, мисс Стюарт, именно это вам и остается сделать. Видит бог, я пытался избавить вас от необходимости появляться в суде, но вы вынуждаете меня вызвать вас в качестве свидетельницы.

– Мне нечего скрывать.

Она молила господу, чтобы Макки поскорее положил трубку. Напряженность их молчания была почти осязаема. Все было сказано, и добавить к этому было нечего. Но он, продолжая дышать в трубку, как бы давал понять, что можно было бы еще многое сказать. Наконец, пробормотав что-то неразборчивое вроде «доброй ночи», прокурор положил трубку.

Она сделала то же самое. Этот несложный, казалось, разговор лишил ее сил. Кари попыталась встать. Именно тогда и случился первый спазм.

Сидя в обнимку с бутылкой скотча, Пинки смотрел по телевизору древний фильм с Джоном Уэйном,⁶ когда раздался

⁶ Известный американский киноактер, снимавшийся в вестернах.

телефонный звонок.

– Да?

– Пинки... – Женский голос был очень слаб, но он сразу же узнал его, а потому поспешно спустил ноги в полосатых носках с края журнального столика. Нечаянно зацепленная глубокая тарелка с картофельными чипсами полетела на пол.

– Кари? Что с тобой? – Ему не было нужды спрашивать, все ли с ней в порядке. Что-то определенно было не так. Оставалось только выяснить, что именно.

– У меня кровотечение... – Ее голос то и дело срывался. – Кажется, я теряю ребенка.

– Ребенка?! – остолбенел он. Однако в следующий момент из его уст полился поток богохульств. – Подожди, я мигом...

Через двадцать минут Пинки был уже у нее. Вместе с ним была Бонни, не успевшая вытащить из волос розовые пластмассовые бигуди. Он выхватил свою верную помощницу из дому по пути к микрорайону, где жила Кари. Она встретила их на пороге дома, держась дрожащей рукой за дверной косяк. Ее глаза были красны от слез.

– Спасибо, что приехали, – произнесла Кари. Нелепее того, что она сказала, трудно было придумать. – Я вызвала врача. Он говорит, что мне нужно в больницу... Просто, чтобы удостовериться. – Она упала в объятия Бонни, и плечи ее заходили ходуном от бурных рыданий. – Ребенок... Я потеряла его. Ребенка Томаса. О боже! Его больше нет! Моего ребенка. Моего ребеночка...

– Еще супчику?

Кари слабо улыбнулась.

– Нет, спасибо. Было очень вкусно, но я наелась. Уже и не помню, когда меня в последний раз угощали домашней куриной лапшой.

Бонни убрала поднос с колен Кари и успокаивающе потрепала ее по плечу.

– Может, еще чего хочешь? Кока-колы? Сока? Доктор сказал, что тебе нужно есть побольше сладкого.

– Нет-нет, ничего больше не надо. Спасибо. Вы оба так добры ко мне. Даже не знаю, что и делала бы без вас. Сперва несчастье с Томасом. Потом скандал. И вот теперь это... – Ее голос осекся, и она опустила глаза на край атласного одеяла, который бессознательно теребила пальцами.

Она лишь час как вернулась из больницы, где ей пришлось провести ночь. Домой ее отвезли все те же Пинки и Бонни. Они хлопотали вокруг нее, как две большие наседки: постелили ей плед на диване в гостиной, таскали туда-сюда еду и подушки, переговариваясь почти шепотом. Ей вспомнились дни сразу после похорон Томаса. Скорбные лица Пинки и Бонни снова были как нельзя более кстати. В ее дом пришла новая смерть. Смерть ее ребенка.

Пинки понуро сидел у открытого окна. Бонни тоном диктатора заявила, что если ему невмоготу, то пусть уж курит, но только у окна. С неожиданным по-корством он подчинил-

ся. Думая, впрочем, не о Бонни, а в первую очередь о Кари.

– Как чувствуешь себя, милая?

– Пусто, – ответила она тихо. Тонкая рука скользнула по впалому животу. Этот жест подметили оба – и Пинки, и Бонни.

– Боже милосердный, ну почему ты не сказала нам, что беременна? Почему...

– Пинки, – осуждающе, с расстановкой проговорила Бонни.

Он злобно зыркнул на нее и глубоко затянулся сигаретой.

– Я просто хотел сказать, что если бы мы знали, то уж как-нибудь, черт возьми, заставили бы ее получше следить за своим здоровьем.

– Не вини себя, Пинки, – успокоила его Кари. – В том, что произошло, виноват только один человек. – «Хантер Макки, Хантер Макки, Хантер Макки», – застучало, словно скандируя, в ее мозгу. Господи, до чего же ненавистно было сейчас ей это имя.

От звонка в дверь вздрогнули все трое. Пинки вскочил с места, чтобы открыть.

– Миссис Кари Стюарт-Уинн дома? – осведомился некто в форменной одежде, смахивающей на полицейскую.

– Нет, – отрезал Пинки и собирался уже захлопнуть дверь.

– Пусть войдет, Пинки, – подала голос Кари со своего дивана. – Я давно уже жду этого визита. Вы с повесткой? – спросила она человека в форме, который двинулся к ней в

обход пунцового толстяка.

– Так точно, мэм, – вручил тот ей бумажку и удалился так же быстро, как и вошел. Обматерив его в спину, Пинки лязгнул дверью так, что задрожали стены.

– Вызов в суд. Мне нужно быть там семнадцатого числа, – прочитала Кари повестку.

– Семнадцатого? – удивленно спросила Бонни. – Так ведь это...

– Послезавтра! – закончил за нее Пинки. – О явке в суд не может быть и речи. Я лично позвоню Макки и сообщу о сложившихся обстоятельствах. Я ему скажу, я ему такое скажу...

– Ничего ты ему говорить не будешь, – выпрямилась Кари на диване. Резкое движение сразу же вызвало у нее переутомление, и она обессиленно откинулась на спинку. – Я буду там точно в назначенный день и час.

– Но ты же не в состоянии, – запротестовал Пинки. – Ты же от кровати до стула еле доползаешь. Господи, Кари, да у тебя же внутри все выскоблено...

– Заткнись, Пинки! – взорвалась Бонни. – В тебе деликатности не больше, чем в паровом катке. Ради Христа, успокойся. – Тут же присмирив, Пинки снова мешковато сгорбился на стуле, а Бонни, встав у дивана на колени, нежно взяла Кари за руку. – Подумай, хорошая моя, так ли это необходимо. Ты уверена, что сейчас тебе это под силу? Ведь это тяжкое испытание для любого человека и в любое время. Но

для тебя, сейчас... Давай-ка мы позвоним ему и просто скажем, что ты заболела. А о выкидыше – ни слова, коли ты того не хочешь. Скажем, нездоровится, и дело с концом.

– Нет, – твердо ответила Кари. – Он сочтет, что я испугалась, что я прячусь от него. Да только пусть не думает, что я струсилась. Он вызвал меня в суд, но последнее слово там будет за мной.

Она была в черном.

Он увидел ее сразу, едва она вошла в зал суда. На ней был черный костюм и розовая блузка. Узкая юбка, жакет сидит как влитой. Блузка виднелась лишь в небольшом вырезе, да еще две розовые полосочки манжет выглядывали из-под черных обшлагов. Волосы были собраны на затылке в кудрявый хвостик, перехваченный черной бархатной лентой. В ушах поблескивали небольшие жемчужины. Зеленый цвет глаз был единственным живым цветом в облике этой женщины. На ее бледном лице эти глаза казались неправдоподобно большими.

Их взгляд, метнувшись в его сторону, остановился немигающе и безучастно, а потом постепенно ушел куда-то. Огромные зеленые глаза больше не смотрели на него.

Она выглядела ангелом, принявшим страшную муку. А он еще никогда не чувствовал себя таким законченным негодяем.

Гай Брейди, его младший помощник, тихонько присвист-

нул.

– Ох, мамочки, а девочка-то наша ничего. В жизни даже лучше, чем по телику.

Обернувшись, Хантер смерил его таким испепеляющим взглядом, что молодому стряпчему не оставалось ничего, кроме как зарыться с деловым видом в кипу лежавших перед ним бумаг.

Хантер старался смотреть на Кари исподтишка, боясь, как бы его внимание не показалось ей излишне навязчивым. Она села во втором ряду. Сопровождал ее коротенький и плотный человечек с волосами соломенного цвета и красной, как свекла, физиономией. Он не отходил от нее ни на шаг, словно был ее телохранителем.

Объявили о прибытии судьи, суд возобновил работу. Слово было за Хантером, и он в очередной раз напомнил о сути обвинений, которые рассматривались на процессе в течение последних нескольких дней. Закончив со вступлением, прокурор вызвал двух свидетелей. Их показания оказались весьма скудными, повторяя в основном то, что суд уже слышал ранее от других.

Следующей по списку Хантера шла Кари Стюарт-Уинн.

Он молча прочитал ее имя. Вот он, решающий момент. Вызывать или нет? Если он сейчас не вызовет ее для дачи показаний, у него еще останется шанс завоевать ее расположение, дружбу, а там и... кто знает?.. Все может быть, хотя и маловероятно. Уж слишком оптимистична эта ослепитель-

ная мечта.

Если же он ее вызовет, то его шансы рассыплются в прах. Все до одного...

Но он давал присягу блюсти законность, и не его вина в том, что ее муж оказался подонком. И если сейчас он не поступит так, как велит ему долг, то разве не будет виновен в нарушении служебных обязанностей точно так же, как и те, кто сидит сейчас на скамье подсудимых?

– Ваша честь, для дачи свидетельских показаний вызывается миссис Кари Стюарт-Уинн.

Легкий гул прошел в зале заседаний. Свидетельница была хорошо знакома каждому в зале по телепередачам, и о ее причастности к рассматриваемому делу мог быть неосведомлен разве что тот, кто только вчера очнулся от летаргического сна.

– Думаешь, расколется? – спросил Гай уголком рта.

– Нет, – ответил Хантер, во все глаза глядя на женщину изумительной красоты, величаво идущую к стойке для свидетелей.

– Чего ж тогда ее вызывать?

– Если она станет упираться, то жюри волей-неволей придется задуматься: а с чего бы это? Верно я говорю? Таким образом, в голове у присяжных сам собой созреет вывод: виновна.

– Так ведь не ее же судят.

– Верно, не ее. Но, что бы она ни думала по этому поводу,

на скамье подсудимых незримо присутствует ее покойный муж.

Сраженный наповал железной логикой старшего товарища, Гай уважительно кивнул, однако Хантер не заметил этого кивка. Он по-прежнему смотрел на Кари, которая в этот момент произносила слова присяги. Ее рука, лежавшая на большой черной Библии, выглядела такой хрупкой, словно была сделана из фарфора. Он видел эту изящную женскую ручку в мельчайших подробностях – с переплетением голубых жилок, с тонкими косточками, проступающими под нежной кожей. Ему вспомнился момент, когда он прижимал эту ладошку к своей груди. Тонкая рука Кари была почти невесома, и все же он до сих пор чувствовал ее прикосновение.

Сев на свидетельское место, женщина спокойно встретила его взгляд. Сердце Хантера забилось вдвое чаще. Ну почему она так чертовски красива? И почему именно ему приходится выполнять неблагодарную миссию избиения младенцев? Почти не скрывая раздражения, прокурор водрузил очки на нос.

- Будьте добры назвать ваше полное имя.
- Кари Элизабет Стюарт-Уинн.
- Вы были замужем за Томасом Уинном?
- Да.
- Как долго?

На ее лице впервые мелькнуло нечто, похожее на эмоции.

Судя по всему, вопрос ее удивил, и все же она с прежним спокойствием ответила:

– Два года.

Ясно, что вопрос не имел прямого отношения к делу. Однако у Хантера были причины личного характера заинтересоваться именно этой подробностью ее биографии.

– Вы знакомы с господами Паркером и Хейнсом?

– Да.

– Как близко?

– Они входили в городской совет наряду с моим мужем...

Ныне покойным.

В уме ей не откажешь. Специально втиснула эту деталь, чтобы выставить его в роли мучителя беззащитной вдовы. Хотя, впрочем, таковым он и был на самом деле. Если так пойдет и дальше, то жюри присяжных скоро будет глядеть в рот только ей одной. Ну уж нет, этот фокус у нее не пройдет. А то, чего доброго, он и сам станет жертвой ее чар.

– Ваш муж, будучи членом городского совета, часто совершал путешествия?

– Да.

– И какого же рода это были поездки – деловые, с целью отдыха? Что вы можете сказать по этому поводу, миссис Уинн?

– Мой муж мертв. Каким образом вы можете судить его?

Два – ноль в ее пользу. Хантеру пришлось прибегнуть к помощи судьи.

– Ваша честь, не могли бы вы обязать свидетельницу дать ответ на мой вопрос?

– Так ведь и в самом деле ее мужа нет в числе обвиняемых, мистер Макки, – напомнил ему судья.

– Совершенно верно, ваша честь, однако если бы он был жив, то наверняка находился бы среди них. У меня нет в этом ни малейшего сомнения. Хотя, впрочем, прямого отношения к данному делу это не имеет. Тем не менее у меня есть серьезные основания полагать, что показания этой свидетельницы могут иметь прямое отношение к вопросу о степени причастности господ Паркера и Хейнса к финансовым злоупотреблениям, которые, как утверждается, имели место в городском совете.

– Что ж, будь по-вашему. Миссис Уинн, будьте добры ответить на заданный вам вопрос.

Кари нервно облизнула губы.

– Он часто уезжал по делам.

– Один?

– Думаю, что да.

– Но абсолютной уверенности в этом у вас нет?

– Он совершал эти поездки один, – уверенно произнесла она. Однако Макки знал, что эта уверенность напускная. Судья по всему, присяжные тоже понимали это.

– И вы никогда не путешествовали вместе с ним?

– Если вы имеете в виду именно деловые поездки, то нет.

– Никогда?

– Ни в одной деловой поездке я не сопровождала его, – повторила она.

Отвернувшись от нее, Хантер Макки быстро подошел к столу, на котором Гай заранее разложил все бумаги. Уверенно раскрыв папку, он начал рыться в ворохе квитанций.

– Остается предполагать, что отпуск вы проводили вместе.

– Да.

– И развлекаться вместе ездили?

– Да. Развлекаться, отдыхать, в отпуск – назовите это как хотите.

По тому, как она заерзала на стуле, Хантер мог сказать, что этот кажущийся бессмысленным допрос понемногу начинает выводить ее из себя. Вместе с тем всякий раз, когда она глядела на папку, в которой рылся прокурор, он мог видеть в ее глазах невольный интерес.

– Как бы вы охарактеризовали случай, когда фрахтуется частный самолет? Не думаете ли вы, что подобная роскошь сопряжена скорее с развлечением, нежели с деловой поездкой?

Этот вопрос был нацелен на то, чтобы выбить ее из колеи. Как он и ожидал, Кари оказалась неготовой к ответу. Задумавшись, она пробормотала:

– Не вполне уверена, что понимаю, о чем идет речь...

Настал его черед переходить в наступление.

– Если из пункта А в пункт В можно долететь обычным

регулярным рейсом, не покажется ли вам излишней роскошью нанимать для подобного путешествия частный самолет? От вас требуется простой ответ, мисс Уинн: да или нет.

– Я, право, не...

– Да или нет?

– Да! – выкрикнула она.

Хантер немного ослабил напор. Ему совсем не по душе были яркие пятна, симметрично выступившие на ее щеках. От этого ее лицо казалось еще бледнее. Тонкие сплетенные пальцы на фоне ее черного жакета выглядели бескровными. Неужели со времени их прошлой встречи она похудела еще больше?

Он заставил себя вновь сосредоточиться на деле. Ведь тебе нужно, чтобы их признали виновными, не так ли? И ты не хочешь, чтобы эти сволочи, пиявками сосавшие кровь из налогоплательщиков, ушли от ответственности? Так или нет? В таком случае, Макки, придержишься правил и перестань думать о ней как о женщине. Выбрось из головы мысль о том, что готов скорее защищать ее, чем атаковать каверзными вопросами. И ради всего святого, перестань любоваться ее личиком, как влюбленный телок.

Еле пряча раздражение, Хантер поправил на носу очки. Он заметил, что Гай с нескрываемым любопытством глазееет на него. Неужели его неуверенность очевидна до такой степени?

– И не считаете ли вы, что взятые напрокат яхты, лимузи-

ны и тому подобное также являются предметами роскоши, более подходящими для увеселительных прогулок?

– Пожалуй, да, считаю.

Тут уж он напустился на нее всю, словно стремясь доказать самому себе, что еще может быть твердым.

– А раз вы так считаете, то почему, по-вашему, мистер Уинн прибежал к столь дорогостоящим средствам передвижения, когда официально предполагалось, что эти поездки совершаются в интересах населения города Денвера?

– Он не делал этого!

– Протестую, – подал голос защитник из-за своего стола. – Мистер Макки заставляет свидетельницу делать умозаключения.

– Протест поддержан, – произнес нараспев судья.

Если бы Хантер позволил себе улыбнуться, то улыбка получилась бы в высшей мере самодовольной. Жюри присяжных выслушало обвинение и пылкое отрицание вины Уинна со стороны Кари. Только это ему и требовалось.

– Скажите, вы узнаете на этой квитанции подпись своего мужа? – сунул он ей под нос какую-то бумажку.

Она быстро пробежала ее глазами.

– По... похоже. Вполне возможно, что это действительно его подпись.

– А здесь? – появилась на свет еще одна бумажка. – И здесь?

Адвокат подскочил как ужаленный.

– Ваша честь, мистер Макки намеренно нервнрует свидетельницу! Она не может установить подлинность этих подписей, тем более сейчас, когда дает показания под присягой. Это может сделать только эксперт.

– Протест поддержан. Мистер Макки, думается, вы и так уже достаточно ясно дали свидетельнице понять, чего от нее добиваетесь.

– Да, ваша честь. – Он снова взглянул на Кари, и сердце его екнуло при виде капелек пота над ее верхней губой. Ее грудь бурно вздымалась.

Чуть подавшись вперед, он осведомился у нее:

– С вами все в порядке? Не хотите ли воды? – У него возникло бессознательное стремление взять ее ладони, чтобы согреть их. Отчего-то он был уверен, что сейчас ее пальцы холодны как лед.

– Спасибо, не надо, – твердо отказалась она, не глядя ему в глаза.

Хантер вернулся на свое место. Она явно презирала его. А ведь самое ужасное было еще впереди. Чтобы дать ей возможность немного прийти в себя, он сделал вид, что просматривает свои бумаги. Когда дольше тянуть было уже нельзя, прокурор снова взялся за дело.

– Скажите, миссис Уинн, не отвлекался ли ваш покойный муж во время деловых поездок на различные... э-э-э... увеселения?

– Я уже говорила вам, что не сопровождала его в подоб-

ных поездках. А потому не знаю.

– А вы подумайте получше.

Защитник снова вскочил на ноги.

– Протестую, ваша ч...

– Я поставлю вопрос в иной форме, – тут же поправился Хантер. Подойдя медленной походкой к стойке для свидетелей, он небрежно облокотился на нее, словно намеревался просто дружески поболтать с Кари. – Когда ваш муж был жив, вы часто устраивали дома, назовем это так, увеселительные мероприятия?

– Да. У Томаса было много друзей, и он любил принимать их у себя дома.

Его бровь вопросительно поползла вверх.

– А сами вы – нет?

– Я этого не говорила, – раздраженно отрезала она. – Я тоже любила встречать гостей. Очень любила!

– Значит, как явствует из ваших слов, мистер Уинн любил развлечения?

– Да.

– Таким образом, есть достаточно оснований предполагать, что мистер Уинн любил принимать гостей и в тех случаях, когда находился вне дома?

– Ваша честь, обвинитель...

Судья успокаивающе поднял руку.

– Кажется, я понимаю, куда клонит мистер Макки, и мне тоже хотелось бы выслушать ответ миссис Уинн.

– Но он снова требует от свидетельницы умозаклучений, – не унимался адвокат.

– Хорошо, я перефразирую вопрос, – милостиво согласился Хантер. – Вам известны какие-либо конкретные случаи, когда ваш муж принимал гостей, находясь вне дома?

Ее глаза забегали. Кари не знала, что ответить, а потому лихорадочно пыталась найти подходящий ответ.

– Нет, – вымолвила она наконец. Чутье подсказало Хантеру, что свидетельница не кривит душой.

– И он никогда не говорил вам, что устраивал где-то званные обеды или ужины?

– Может, и говорил. Не помню.

– Не помните, значит? А разве вы никогда не интересовались, чем он занимается, находясь в отъезде?

Вопрос не относился к сути дела, и Хантер знал это. Она также была достаточно умна, чтобы понимать это, а потому на сей раз посмотрела на него так же пытливо, как и он на нее.

– Я верила своему мужу.

Он не отрываясь смотрел ей в глаза. Ревность к Томасу Уинну глодала его изнутри, как дикий зверь. Мерзавец Уинн смог добиться от этой женщины беззаветной любви и доверия. И предал все, что она щедро подарила ему. Пусть же радуется, что умер, потому что, если бы сейчас он был жив, Хантер Макки придушил бы его собственными руками.

Чтобы немного успокоиться, он отошел от нее. Следую-

щий вопрос был брошен ей через плечо:

– Учитывая наклонности вашего мужа, его общительность и обаяние, не логично ли предположить, что он не чурался развлечений и во время деловых поездок?

Макки вызывающе взглянул на адвоката, словно приглашая его выступить с протестом. Однако тот оставался тих. И тогда Кари ответила, очень медленно:

– Да. Полагаю, что да.

– А коль скоро мы установили, что все деловые поездки он совершал в одиночку, остается предположить, что все увеселительные мероприятия, в которых он в это время участвовал, служили исключительно интересам дела. Так или нет?

Кари бросила в сторону защитника взгляд, исполненный мольбы, однако тот что-то деловито царапал на листке бумаги.

– Полагаю, что так, – осторожно произнесла она. – Хотя и не знаю наверняка. Прошу вас заметить, что у Томаса были и другие интересы, помимо тех, которые непосредственно касались городских проблем.

Вот сейчас-то все и начнется. О господи, если бы можно было обойтись без этого! Увы, другого пути не было. У него не было иного выбора, кроме как обрушить на ее бедную голову град жестоких ударов. Ей предстояло пережить глубочайшее унижение. Набрав полные легкие воздуха, Хантер Макки еще несколько секунд полистал бумаги, а потом положил их на стол. Медленно, но решительно прокурор дви-

нулся к стойке для свидетелей.

Подойдя к ней вплотную, так что носки его ботинок уперлись в деревянную панель, он задал вопрос:

– Ваш муж никогда не упоминал в разговоре с вами своего делового партнера по имени Глория Пэттен?

– Нет.

– Глорию Пэттен из Сан-Франциско?

– Нет.

– А Сирину Холли из Нового Орлеана?

Она с трудом сглотнула, но глаза ее смотрели ему в лицо по-прежнему не мигая.

– Нет.

– А как насчет мисс Дивайн из Нью-Йорка или мисс Ортеги из Пуэрто-Рико? Эти имена говорят вам хоть что-нибудь?

– Нет.

– А ведь со всеми этими дамами ваш муж вел дела. Очевидно, касающиеся проблем города Денвера, потому что частенько развлекал их за счет городской казны.

Тихо охнув, Кари прижала руки к сердцу.

– Перестаньте, – еле слышно пролепетала она.

– И какие же, интересно, дела ваш муж мог иметь с этими женщинами? Сами-то вы как считаете, миссис Уинн?

– Не знаю, – выдохнула она.

В зрительном зале нарастал возбужденный гул. Судья застучал своим молоточком, призывая всех к порядку. Зайдя сбоку, Хантер встал рядом со свидетельницей. Округлившись

мися от ужаса глазами она наблюдала за каждым его движением.

– Значит, вы не знаете, какие дела вел ваш муж с этими женщинами?

– Нет.

– А ведь дела эти были на редкость обширными. Бизнес просто процветал. Ну подумайте хорошенько...

– Ваша честь, это просто возмутительно! Свидетельницу...

– Мистер Макки...

– Пожалуйста, не надо, – простонала Кари.

Хантер между тем поставил ногу на ступеньку стойки.

– Он очень часто развлекал их. Каждый раз, когда наезжал в город, где жила та или другая.

– Нет!

– В гостиничном номере, который он снимал.

– Вы лжете!

– Ваша честь...

– Мистер Макки, будьте добры, проявите умеренность в ваших вопросах...

– А точнее, в спальне. Всю ночь напролет.

– Нет!!! – закричала она что было мочи.

И вскочила на ноги. Покачнулась. Ее глаза закатились. Кари показалось, что она проваливается в пустоту.

Глава 4

Хантер заранее подставил руки, чтобы подхватить ее. Прижав Кари к груди, он с беспокойством ощутил, что весит она не больше ребенка. Ее голова упала ему на плечо. Кари была мертвенно-бледна. Ее веки, сейчас бледно-лиловые, даже не вздрагивали; губы, белые как мел, были слегка приоткрыты.

Зал суда превратился на время в палату для умалишенных. Необычная манера прокурора задавать вопросы и последовавшая бурная реакция на них со стороны свидетельницы привели всех в состояние крайнего возбуждения. Корреспонденты и фотографы, как альпинисты, карабкались на самые высокие точки, чтобы получше видеть происходящее. Зрители, покинув места, ринулись в проходы, создавая неимоверную давку. Попытки судебных приставов навести порядок ощутимых результатов не приносили. Судья изо всех сил стучал своим молоточком и уже осип от крика. Истукпленно хрипя, словно в апоплексическом припадке, порывался выступить защитник.

Воспользовавшись сутолокой, напоминающей шабаш ведьм, Хантер понес Кари к боковому выходу.

– Прочь с дороги! – рявкнул он на пристава, который было заслонил ему путь. Служащий, оробев от грозного окрика, отскочил в сторону и услужливо распахнул дверь.

Буквально в паре шагов от выхода располагалась маленькая неприметная дверь без таблички, за которой скрывалась столь же неприметная комнатка. Это помещение было закреплено за Хантером, поскольку главное здание окружной прокуратуры находилось за несколько кварталов от суда. В небольшом офисе он мог отдыхать во время перерывов в заседаниях или же беседовать с глазу на глаз с ключевыми свидетелями. Сейчас эта комнатка требовалась ему для других целей. Хантер знал, что никто не сможет позаботиться о Кари так, как он. Войдя в свой кабинет, он ногой закрыл дверь и положил до сих пор не пришедшую в сознание женщину на старый кожаный диван.

Сорвав с носа очки и небрежно бросив их на пол, Хантер встал рядом с ней на колени.

– Кари! Кари, ты слышишь меня? – Его голос дрожал от тревоги. Господи, да что же он наделал? – Пожалуйста, очнись, – прошептал он и прикоснулся к ее щеке. Она была прохладной. Хантер погладил ее ладонью по щеке и начал растирать большим пальцем тонкие ключицы. – Прости меня, Кари. Прости за все. О боже, надо же было такому случиться...

Ее грудь едва поднималась. Только присмотревшись, можно было заметить, что в ней все еще теплится дыхание. Трясущимися пальцами он принялся расстегивать пуговицы ее жакетка. Справившись с этим делом, Хантер приподнял Кари. Она безжизненно привалилась к его груди, как боль-

шая тряпичная кукла.

Он быстро стащил с нее жакет и зачем-то отбросил далеко в сторону. Потом прижал ее к себе – крепко, изо всех сил, втайне желая, чтобы она принадлежала только ему, и никому больше. Он гладил ее спину, осторожно разминал ей мышцы, пытаясь привести женщину в чувство.

Ее волосы волной упали на плечи, и его пальцы запутались в них. Не удержавшись, он зарылся лицом в эту белокурую гриву и полной грудью вдохнул ее цветочный запах. Этот аромат оказался именно таким, каким Хантер представлял его себе с самого начала. Его рот оказался совсем рядом с ее ухом. От такой близости можно было сойти с ума. Медленно и бережно он опять уложил ее на потертые кожаные подушки.

Его глаза по-прежнему внимательно всматривались в это прекрасное лицо, пытаясь увидеть первые признаки возвращения сознания. Однако Кари лежала не шелохнувшись, словно мертвая. Ее дыхание было едва различимо.

Закусив нижнюю губу, он стал лихорадочно вспоминать, что полагается делать в подобных случаях. Может быть, для начала ослабить узел банта? От этой мысли его ладони мгновенно взмокли. Можно себе представить, какое светопреставление начнется, если Кари, очнувшись, обнаружит, что ее бант, ее блузка...

Однако пока ничто не указывало на то, что она может прийти в себя в ближайшее время. Робко взявшись за оба

конца банта, он потянул их на себя. Узел развязался. Затем все с той же осторожностью Хантер освободил ее горло. Пульс на шее почти не прощупывался. Правда, небольшой треугольничек у основания шеи слабо подрагивал.

Его руки сами собой потянулись к блузке Кари и расстегнули верхнюю пуговицу. Маленькие перламутровые пуговицы почти сами собой выскакивали из петель. И все же расстегивать их было не так легко, потому что руки его тряслись от волнения. Расстегнув три пуговицы, он полностью обнажил ее горло и ключицы, однако она даже не пошевелилась.

Собираясь в суд, Кари не намеревалась снимать в помещении свой жакет. Это он понял мгновенно, с профессиональной проницательностью. Иначе надела бы бюстгальтер, а не просто нижнюю рубашку с тонким, как паутина, кружевным верхом. Разве это одежда? Так, легкое облачко дыма.

Он попытался заставить собственный мозг не воспринимать ничего из того, что сейчас видели его глаза. Однако его сознание с фотографической быстротой и четкостью фиксировало все, на что натыкался возбужденный взгляд. Но он же живой человек, в конце концов! Такой же, как все. И к тому же мужчина. А какой мужчина, если он не гомик, сможет оторвать глаза от этих размытых очертаний сосков под двумя тонкими покровами ткани, легкой и мягкой, как дуновение ветерка?

Боже милостивый, до чего красива!

Хантер на секунду зажмурился, подавляя в себе мощный

прилив желания, который грозил захлестнуть все его существо. Когда же он снова открыл глаза, ложбинка между ее ключицами больше не пульсировала. Или, может быть, ему просто не хотелось видеть этого подрагивания? Чтобы был повод ощутить под руками ее сердце...

Как бы то ни было, массаж сердца оставался в этой ситуации единственным выходом. И Хантер положил обе ладони на ее грудь. Первые его движения были предельно осторожны – вначале нужно было только примять одежду, чтобы ткань не скользила под руками, и ощутить ее плоть. Мягкую, нежную, теплую. Женскую плоть. Ее тело.

Она слабо застонала. Этот звук был подобен для него удару молнии. Хантер склонился над ней еще ниже.

– Тс-с-с, Кари, все в порядке. – Он погладил ее по волосам. – Я не хотел сделать тебе больно. Честное слово, не хотел. Прости меня.

Хантер снова приподнял ее голову и ткнулся лицом в ее шею.

– Тише, тише, все в порядке.

Теперь, когда сознание стало понемногу возвращаться к ней, Кари испытала удивительное чувство. Ей давно уже не было так хорошо. Кто-то сжимал ее в объятиях – крепких и нежных одновременно. Эти руки обещали ей надежную защиту. Чьи-то теплые губы заскользили по ее шее возле уха, потом спустились по щеке к уголку рта, оставив там сладкий поцелуй.

О господи, хорошо-то как. Она потерлась о пахнущую одеколоном и кремом для бритья щеку, на которой уже успела слегка проступить щетина. Ее губы отыскивали мужественный рот и прильнули к нему.

Однако он почему-то напрягся и отстранился от нее. Неужели он снова покинет ее? «Нет!» – прозвучало в ее сознании. Она обвила руками его шею. Ей так хотелось прижаться к этому большому мускулистому телу. Его сила внушала уверенность, рядом с ним было спокойнее. «Ну прикоснись же ко мне, поцелуй меня!» – хотелось взмолиться ей. Однако ее язык отчего-то не повиновался мозгу.

В конце концов его губы все же вернулись к ней. Они снова заскользили по ее губам. Их шершавое прикосновение было очень необычным. Беспреданно двигаясь, они шептали слова любви и успокоения. Застонав, Кари приоткрыла рот. Его бархатистый язык раздвинул ее губы еще шире и проник внутрь. Каждое его движение выдавало жадность.

Странно. Томас никогда еще не целовал ее так. В его поцелуях никогда не было такой жажды. От этого поцелуя горел не только рот – все ее тело. Ее груди ощутили сладкое покалывание, будто слабый ток исходил от того, кто снова крепко прижимал ее к себе. Душа ее погрузилась в теплый океан, где чувственные волны мягко накатывали на нее одна за другой. Казалось, она вот-вот взорвется от наслаждения. Или боли. Ей до боли хотелось оставаться в этих объятиях, быть любимой...

Запустив пальцы в его густые волосы, она притянула этого человека к себе и страстно ответила на его поцелуй, сомкнув горячие губы вокруг этого ненасытного языка. Но этого было мало. Хотелось большего. И она со стоном несколько раз произнесла имя того единственного, с кем ей всегда было хорошо:

– Люби меня, Томас, Томас, Томас...

Он резко отпрянул от нее, высвободившись из ее ищущих рук. Губы, только что дарившие ей невыразимую усладу, мгновенно исчезли – от них осталась только пряная влага. Она неохотно открыла глаза.

И помертвела. Вовсе не лицо любимого мужа было перед ее глазами. Перед ней было лицо Хантера Макки, внушавшее ей только одно чувство – ненависть.

Случившееся было столь ужасно, что разум отказывался верить в это. Она боялась шевельнуться. Пошевелиться означало бы для нее убедиться, что картина перед ее глазами – не сон. Но это не могло быть явью. Это наверняка была галлюцинация, ночной кошмар. Она не верила своим глазам, и все же они не лгали ей. То, что она видела, происходило на самом деле.

Он встал, не в силах отвести взгляда от ее расстегнутой блузки. Его виноватый вид достаточно красноречиво говорил о том, что тут произошло, тюка она была в бессознательном состоянии.

– Я расстегнул... это, чтобы вам было легче дышать, – с

трудом откашлявшись, проговорил Макки.

Оглядев себя, Кари беспомощно пискнула и подняла на него разъяренный взгляд. Дыхание, только что бывшее таким ровным и легким, внезапно стало прерывистым. Поправив прическу и прошептав ругательство, она отвернулась, чтобы не видеть эту мерзкую рожу.

Кари опустила ноги с дивана на пол, но встать не смогла. Голова ее все еще кружилась.

– Вы... вы... – У нее не было слов, чтобы сказать, что она в эту минуту думает о нем. Непослушными пальцами она пыталась застегнуть перламутровые пуговицы на груди.

Хантер Макки опять виновато заглянул ей в лицо.

– Послушайте, Кари, я очень сожалею. Обо всем, что случилось. В зале суда вы упали в обморок, и я принес вас сюда. Я... Вы... – Он беспомощно пожал плечами.

Кари снова попыталась встать, но ноги под ней подкосились. Макки попытался было поддержать ее, однако она испуганно отстранилась от него, как от прокаженного.

– Не прикасайтесь ко мне, – грозно зашипела она. – Попробуйте только прикоснуться ко мне хоть еще один раз, и я...

– Умоляю вас, Кари, не надо. Понимаю, вы только что приняли меня за кого-то другого. Что я воспользовался ситуацией...

– И воспользовались на славу. На всю катушку воспользовались. Вы и тут своего не упустили, черт вас возьми! – Ее

грудь бурно вздымалась от гнева. – Послушайте, вам еще не надоело измываться надо мной? Ведь вы...

Внезапно дверь открылась, и в комнату ввалился Пинки, похожий одновременно на ангела мщения и пьяного забулдыгу из дешевой комедии. Его желтые волосы, стоявшие дыбом, образовывали над розовой головой нечто вроде светящегося нимба.

– Слава богу, Кари, ты здесь! – заголосил он с порога. – А я уж думал, не найду тебя.

– Закройте дверь, – с неожиданным хладнокровием велел ему Хантер. – Кто-нибудь еще знает, что мы здесь?

– Нет. Там такое творится – чертям тошно. К вашему сведению: защита отказалась от допроса Кари. Чтобы вы, господин окружной прокурор, выглядели последним сукиным сыном. Так что примите мои поздравления, – добавил Пинки с нескрываемым удовлетворением. – Судья объявил перерыв. Как ты, крошка моя? – обеспокоенно склонился толстяк над Кари, вглядываясь в ее лицо. Его пухленькие ручки ощупывали ее ладони и плечи, словно желая убедиться, что она не ранена.

– Пожалуйста, Пинки, уведи меня отсюда. – Она бессильно прильнула к нему, и он помог ей подняться на ноги.

– Он что, ваш друг? – осведомился Хантер.

Однако Кари лишь смирила его презрительным взглядом и подняла с пола свой жакет.

Тогда прокурор обратился к Пинки:

– Мисс Стюарт плохо себя чувствует.

Глаза толстяка забегали. Он обеспокоенно смотрел то на Кари, то на Хантера Макки. Острое чутье подсказывало ему, что дело тут нечисто. Ему с самого начала очень не понравились методы прокурора. Так свидетелей не допрашивают. По правде сказать, поначалу у Пинки даже руки зачесались набить Макки морду за то, как этот сукин сын бомбил Кари вопросами, ставящими под сомнение моральные качества Уинна.

Но затем тот же Макки подхватил ее на руки и унес, спасая от еще больших неприятностей. Это тоже было необычно: прокурор ставил на карту все, даже собственную репутацию. Нет, все-таки, пожалуй, нельзя видеть в Макки только плохое.

– Меня зовут Пинки Льюис, – с достоинством представился он. – Директор службы новостей Даблью-би-ти-ви. И друг Кари. Хотя в последнее время чаще приходится выступать в роли ее охранника.

– Думаю, ей следует показаться врачу. Она слишком долго пробыла без сознания.

– Пойдем, Пинки, – пробормотала Кари.

– Дело ясное, я сам позабочусь о докторе, – успокоил Хантера Пинки. – Говорил я ей: незачем тебе тащиться в суд сразу после...

– Пинки! – предупреждающе воскликнула Кари. За долгое время это было в ней первым проблеском жизни. До сих

пор казалось, что она вот-вот снова впадет в забытие.

– Сразу после чего? – пошел за ними по пятам, словно ищейка, Хантер, в то время как телевизионный начальник и его подчиненная медленно ретировались к выходу.

Пинки уже открыл дверь, но остановился на пороге, вопросительно посмотрев прокурору в глаза. Этот человек только что устроил над Кари публичную расправу. И все-таки, кажется, какие-то крупинцы совести у него остались. Что ж, пусть узнает, коли так нейдет.

– Сразу после выкидыша, – твердо произнес Пинки, не обращая внимания на протесты Кари. – Три дня назад она потеряла ребенка. Ребенка Томаса Уинна.

Онемев, Хантер Макки смотрел удаляющейся паре в спину. Выходя за дверь, Пинки бросил на него еще один многозначительный взгляд.

Резко повернувшись на месте, Хантер стиснул руки в кулаки и прижал их к глазам. Из уст его вырвалось грубое ругательство. Он повторил эти слова еще раз, еще более выразительно. И в бессильном гневе на судьбу и самого себя грохнул обоими кулаками в стену.

Пинки зашлепал к входной двери. Он был в одних носках, причем справа – с заметной дыркой на большом пальце. Рубашка вылезла из брюк. В зубах – сигарета, в руке – бокал с виски.

Распахнув дверь, он в молчании воззрился на высокого

человека, стоявшего на пороге.

– А вы – храбрец, честно вам скажу, – процедил наконец Пинки сквозь зубы.

– Можно войти?

– Это не мой дом.

– Может, все-таки впустите?

Подкрепившись еще одним глотком скотча, Пинки несколько долгих секунд изучал Хантера Макки. Сегодня прокурор был не похож на самого себя. Может быть, все дело было в том, что в руке он держал букет чайных роз. А может, в усталости, безошибочно читавшейся в его глазах и глубоких складках, пролегших по обе стороны упрямо сжатого рта. Как бы то ни было, Пинки почувствовал укол сентиментальности, что случилось с ним крайне редко. Да-да, вы не ослышались, ему внезапно стало жалко этого несчастного верзилу. Отойдя в сторону, Пинки впустил Хантера Макки в квартиру Кари.

– Как она себя чувствует? – поинтересовался Хантер, оглядываясь по сторонам.

– Сейчас неважнецки, но ничего, даст бог, восстановится. Врач велел ей лежать две недели в кровати, если она не хочет загреметь в больницу на месяц.

Кадык на горле Хантера нервно заходил вверх-вниз.

– Неужели так плохо?

– Истощение, усталость физическая и эмоциональная,

анемия, гипогликемия...⁷

Не дожидаясь приглашения сесть, Хантер тяжело опустился на стул и, свесив голову, уставился в пол. Прошла не одна секунда, прежде чем он поднял глаза и произнес:

– Но я же ничего не знал о ее... заболевании. Я не хотел причинить ей зла. Видит бог, не хотел.

Еще утром Пинки пылал желанием пришибить этого человека на месте. А вечером?.. Пусть все летит ко всем чертям, но сейчас он этому Макки верит. Возможно, в зале суда Макки и в самом деле сущий дьявол, но, допрашивая Кари, он не имел ничего против нее лично. И не хотел причинить ей боль. Однако в любом случае Пинки в первую очередь был на страже интересов Кари, а потому прокурору не получить отпущения грехов так быстро, как ему того хотелось бы.

– Выпить не желаете?

Помолчав недолго, Хантер криво усмехнулся.

– Если можно.

Робко положив букет роз на журнальный столик, он растегнул пиджак.

Пинки набулькал в стакан двойную порцию скотча без льда и содовой и протянул Хантеру. Тот залпом выпил все. Должно быть, прокурор даже не подозревал, насколько вырос его авторитет в глазах Пинки. Прожженный журналиста ни за что не станет доверять человеку, который пьет глоточками.

⁷ Пониженное содержание сахара в крови.

– А сами вы... э-э-э... живете тоже здесь, вместе с ней? – Хантер нерешительно вертел в руке пустой стакан.

Видимое безразличие, с которым был задан вопрос, не могло ввести Пинки в заблуждение. Если ему не изменяет чутье, этот парень сгорает от ревности. Вот так номер! Только ревности нам здесь не хватало...

Во второй раз Пинки не стал брать у Хантера стакан, а принес всю бутылку и уже тогда налил снова.

– Нет, я здесь не живу. Мы с Бонни время от времени за-скакиваем сюда после работы посмотреть, как она, ужин со-стряпать, то да се...

– Бонни – ваша жена? – спросил Хантер с надеждой в го-лосе.

Пинки поперхнулся виски.

– Упаси боже! Просто она тоже работает на Даблю-би-ти-ви, ну вот у нас и образовалось что-то вроде компашки. Кари ее любит, доверяет ей. Бонни как раз сейчас с ней возится, готовит ко сну.

– Понятно. – Хантеру Макки было не по себе. Всю вторую половину дня он никак не мог решить, навестить Кари или нет. В конце концов ему удалось убедить себя прийти сюда, однако он все равно не был до конца уверен, что поступает правильно. Ведь это из-за него она упала в обморок. Но даже если бы он и не был виноват в этом, то, что случилось после ее обморока, бесспорно было его виной. Виной тяжкой, ко-торую она ему наверняка не простит.

И вот теперь этот самый Пинки Льюис – ее друг, охранник или черт знает кто – внимательно рассматривает его, Хантера Макки, как жука в стеклянной банке. Хантер чувствовал себя, словно подросток, который впервые появился в дом к девчонке и сидит в семейной гостиной, готовясь побеседовать с папашей своей зазнобы один на один.

Чувствуя необходимость сказать хоть что-то в свое оправдание, он промямлил:

– Откуда мне было знать, что она ждет ребенка? – Тошнота подкатывала к его горлу, стоило ему только представить, как она теряет свое дитя. – Почему она не позвонила мне и не сказала, что не может явиться в суд? Я бы все понял и освободил бы ее от дачи показаний.

– А не врешь?

– Послушайте, мистер Льюис, я знаю, что вы сейчас думаете обо мне, но...

– Слушай-ка, зови меня просто Пинки, а всяких мистеров Льюисов и прочих оставим в стороне.

Глаза Хантера под стеклами очков удивленно заморгали. Однако прямота этого коротышки пришлась ему по душе. С такими не надо разводить антимионии, ходить вокруг да около.

– Хорошо, Пинки. Как я погляжу, ты очень близок с Кари... То есть мисс Стюарт.

– Да, очень.

– Так скажи на милость, почему никто не позаботился по-

ставить меня в известность, что она плохо себя чувствует? И почему она буквально вынудила меня посадить ее за стойку для свидетелей?

Пинки сокрушенно вздохнул.

– Да пытались мы. И Бонни, и я наперебой уговаривали ее, вызывались позвонить тебе, изложить все обстоятельства. – Он махнул рукой в сторону спальни. – Но девчонка упряма как осел. Возомнила себя железной леди. Даже слышать ничего не хотела. Никаких оправданий, и точка!

– Но это же вздор какой-то.

– В самом деле?

– Конечно. Знал бы я все обстоятельства, ни за что не стал бы настаивать на ее явке. Ну зачем она обошлась так с самой собой?

– Не хотела показать, что боится тебя, вот почему, – честно рубанул Пинки, внимательно наблюдая за реакцией Хантера.

На бесстрастном лице прокурора появилось нечто, напоминающее сомнение.

– Но почему?

– Потому что ты попер на Уинна, а она от своего старикана до сих пор без ума.

У Хантера был такой вид, будто он получил прямой удар в подбородок. Его голова слегка дернулась, и он весь как-то обмяк на диванных подушках.

– Что ж, понимаю, – еле слышно пробормотал он, и его от-

сутствующий взор остановился на розах. – Значит, без драмы в любом случае не обошлось бы.

Пинки ощутил знакомый зуд между лопатками. Казалось бы, он все расставил по своим местам. Однако шестое чувство репортера, никогда не покидавшее его, подсказывало, что все равно что-то здесь не так, концы не сходятся. Его природный радар определенно нащупал что-то, но что именно? Не хватало чего-то важного. Все было не так просто, как могло показаться на первый взгляд.

Точно так же зачесалась у него спина сегодня утром, когда он обнаружил Кари еле живую в кабинете этого человека.

Понять можно было только одно: с Кари произошло что-то необычное, из ряда вон. Да только что? Тут не то что без бутылки – без бочки не разберешься. А из Хантера и слова не вытянешь. Таких сразу видно: о своих делах с бабами – молчок.

Пинки готов был руку отдать, лишь бы узнать, что именностряслось в той комнатушке, прежде чем там появился он. Было ясно как божий день: там разыгралось что-то в высшей мере необычное. И если интуиция его не подводит, это что-то никак не было связано с тем, что произошло в зале суда. Что бы там между ними ни случилось, это их обоих здорово потрянуло.

Иначе почему Кари ушла в себя и несколько часов потом от нее даже звука добиться было нельзя? И с чего это окружной прокурор вдруг тащит цветы свидетельнице, кото-

рую незадолго до этого измордовал до полусмерти.

Странно, но этот парень сейчас выглядел влюбленным по уши.

Упершись локтем в колено, Пинки подался вперед.

– Скажи, Макки, зачем ты пришел сюда? Только честно.

– Хотел перед ней извиниться.

– В данный момент, мистер Макки, об этом не может быть и речи!

При резком звуке женского голоса, назвавшего его имя, Хантер машинально вскочил, ударившись коленкой о край журнального столика и расплескав виски. Если уж вид Пинки Льюиса показался ему не слишком дружелюбным, то что говорить о брезгливой мине Бонни Стрэнд, не предвещавшей ничего хорошего? У нее был такой вид, будто ей в нос ударил запах тухлятины.

Пинки представил ей прокурора. В ответ со стороны Бонни последовал весьма сдержанный кивок.

– Вас, мистер Макки, она хочет видеть в последнюю очередь, – язвительно произнесла надменная леди.

Однако, с точки зрения Пинки, Макки при всех его грехах все же заслуживал большего снисхождения. И ему не слишком понравилось бесцеремонное вмешательство Бонни в мужской разговор.

– Откуда тебе знать, чего Кари хочет, а чего нет? – буркнул он.

– Я знаю это лучше тебя, – холодно отрезала Бонни.

– Помалкивала бы уж. Сует нос не в свое дело, – глухо проворчал Пинки.

Вскинув голову, Бонни свысока посмотрела на Хантера.

– Розы ваши?

– Да.

Она смерила его взглядом – еще более презрительным.

– Она не слишком высокого о вас мнения. И я, честно говоря, тоже. Во всяком случае, если сведения о том, что произошло сегодня утром, соответствуют действительности.

Хантер внутренне напрягся. Откуда ей может быть известно о том, что он делал в своем кабинете? Впрочем, она, должно быть, имеет в виду только сцену в зале суда, и ничего больше. Кари никому на свете не рассказала бы о том, что они целовались.

– К сожалению, то, что вы слышали, правда. Как правда и то, что я не знал о физическом состоянии мисс Стюарт, когда вызывал ее. Надеюсь, мне все же удастся доказать и ей, и вам, что я не кровожадное чудовище.

На его губы набежала лишь тень улыбки, но и этого оказалось достаточно, чтобы заставить сердце Бонни учащенно биться. В конце концов, она была женщиной. «Удав» – это было первое слово, которое пришло ей на ум после знакомства со статным красавчиком прокурором. Смирение всегда украшает сильного мужчину. Однако Бонни была не так проста, чтобы растаять перед чьими-то широкими плечами, ослепительно белой полоской зубов и стеснительностью.

– Я не хочу, чтобы она испытала еще одно неприятное потрясение, – предупредила она серьезным тоном.

– Я сразу же уйду, стоит ей только нахмуриться. Клянусь вам.

Бонни вопросительно посмотрела на Пинки, и тот неопределенно пожал плечами. Поколебавшись, суровая дама отошла в сторону, не загораживая больше выход в коридор.

– Вторая дверь направо, – небрежно бросила она.

– Спасибо, – торопливо поблагодарил Хантер и, взяв розы, двинулся было вперед, однако, внезапно смутившись, вопросительно взглянул на Бонни. – Ничего, если я?..

– Ничего, идите. Она в постели, но еще не спит.

Собрав все свое мужество, Хантер толкнул дверь. Комната была погружена в полумрак. Лишь ночник тускло горел на стоявшем у кровати плетеном столике со стеклянной столешницей. Плетеной была и спинка кровати. Стены спальни были густого кремового цвета. Кое-где можно было заметить всплески темно-синего и красновато-коричневого. Разнообразие создавали цветные простыни, корзины с сухими цветами и восточный ковер на полу. Гигантские подушки, обтянутые грубой неотбеленной хлопковой тканью, были навалены грудой в углу перед плетеной ширмой, с которой свисали ремни, шейные платки и большая соломенная шляпа. Под потолком лениво вращались лопасти вентилятора. Комната была похожа на хозяйку – строгая и аккуратная внешне, но таящая в себе тайну.

Хантер осторожно притворил за собой дверь и шагнул внутрь спальни. Кари повернула голову на звук шагов, открыла глаза и резко села в постели.

– Что вы тут делаете? Кто вас впустил? Убирайтесь!

Она говорила хриплым шепотом, и он благодарил за это господу. Судя по выражению лица, она сейчас вполне могла бы завизжать так, будто ее режут.

Хантер успокаивающе поднял руки.

– Пожалуйста, Кари, успокойтесь. Пинки и Бонни сказали, что я могу зайти к вам на минутку. Я всего лишь хотел извиниться перед вами.

– Не нужны мне ваши извинения. Даже слушать вас не хочу! Можете извиняться хоть до второго пришествия – это все равно не изменит моего мнения о вас. А теперь извольте уйти.

Однако он упрямо качал головой, и Кари увидела, что спорить с ним бесполезно. Хантер подошел ближе и встал рядом с ее кроватью.

– Это вам, – проговорил он и положил розы на край постели. Хотя на душе у него творилось неладное: нужно быть последней сволочью, чтобы приходиться к женщине с цветами, после того как сделал все, чтобы заслужить ее ненависть.

– Спасибо, – прошептала она, думая, что надо быть последней дрянью, чтобы принять цветы от мужчины, которого ненавидишь.

Поймав взгляд ее глаз, он уже не отпускал его.

– Очень сожалею по поводу вашего ребенка.

Эти тихие слова пронзили ее, как игла надувной шарик. Внезапно обессилев, она упала на подушки.

– Вам не понять чужого горя, мистер Макки. Вы не знаете, что я чувствую.

– Действительно, я не могу знать, что у вас на душе. Но мне действительно очень жаль, что я не знал о случившемся с вами, когда заставил вас сегодня утром давать показания в суде.

Она посмотрела на него. Неестественно большие глаза горели ярким огнем, что только подчеркивало бледность ее лица.

– А если бы даже и знали. Какая вам разница?

– Я не стал бы вызывать вас в суд.

– Но как же ваше дело, мистер Макки? Ведь в таком случае оно пострадало бы, – произнесла она с ироничной любовью.

Он смущенно потупился:

– Возможно. Но незначительно.

– Вы по-прежнему уверены, что добьетесь обвинительного приговора?

Хантер плохо видел в полутьме, но ему все равно удалось перехватить настороженный взгляд ее глаз.

– Добьюсь. – Это было произнесено с твердостью, не оставлявшей никаких сомнений в его решимости бороться до победного конца. Кари взволнованно дышала. Он помнил

об обещании, данном им Бонни Стрэнд, однако в эту минуту никакие силы не способны были заставить его уйти.

– Но если вы так уверены в исходе этого дела, то почему вам потребовалось нападать на Томаса и меня?

– Не на вас я нападаю. Ни в коем случае. Я с самого начала не устаю твердить вам, что у меня и в мыслях нет причинять вам страдания. Говорю это совершенно искренне.

Кари откинулась на подушки и горько рассмеялась.

– А вы не задумывались над тем, какие страдания мне причиняют ваши лживые обвинения в адрес Томаса?

«Но это не ложь!» – захотелось крикнуть ему. Однако он вовремя прикусил язык. Томас Уинн до самой смерти оставался для нее святым и после смерти таким останется. И если он низвергнет Уинна с высокого пьедестала, то ему не останется ничего иного, как ринуться следом в ту же пропасть.

– Я прилюдно обидел вас и вполне осознаю свою вину. Очень сожалею, что так вышло.

Воспоминание об утренних событиях всколыхнуло в ее душе утихшую боль, и она закусила нижнюю губу, чтобы не дать волю чувствам. Хантер быстро склонился над ней.

– Вам больно? – осведомился он.

– Нет-нет, – затрясла она головой. Вид У нее был довольно жалким. – Прошу вас, уйдите. Я не хочу, чтобы вы здесь находились.

Даже искаженное гримасой боли, ее лицо все равно оставалось прекраснее всех женских лиц, которые ему приходи-

лось видеть. Ему нестерпимо захотелось взять это лицо в свои ладони, стереть с него маску скорби, утешить ее, успокоить. Ему захотелось снова прильнуть к ее губам. Господи, зачем ты раньше позволил ему поцеловать ее? Не знать вкуса ее губ было для него мучительно, но знать и не иметь возможности снова ощутить его стало адской мукой.

Выпрямившись, он отошел от ее постели. Ему пришлось засунуть руки в карманы, чтобы побороть в себе искушение дотронуться до нее. Ее запах был так сладок – он был слаще аромата цветов. В приглушенном свете ночника ее кожа, казалось, сама светилась матовым светом, точно жемчужина. Ее волосы казались живыми, словно длинная трава, шелестящая на ветру. У него возникла даже иллюзия, что он может расслышать их тихое шуршание. Разволновавшись, она не замечала, что одеяло сползло и обозначились очертания изящных бедер и даже – еле заметно – треугольник между ними. Ночная рубашка была простой, мягкой и облегающей. Он не видел ее груди, но воображение услужливо рисовало их ему.

Одним словом, не в меру живое воображение доставляло ему сейчас немало неудобств. Хантер Макки чертыхнулся про себя, ощутив физические признаки растущего возбуждения. Беда заключалась в том, что душой и телом Кари принадлежала другому, как раньше, так и сейчас. Ситуация, в которой оказался Хантер, была безнадежной. Это был тупик. Судя по всему, сам вид его был для нее невыносим. Да что

там, она всей душой ненавидела его.

В самом деле, какого черта он здесь делает? Зачем заставляет Кари ненавидеть его с каждой секундой все сильнее? Зачем мучит самого себя? И все же, прежде чем уйти, ему нужно было извиниться еще за одну вещь.

Чтобы сосредоточиться, Хантер отошел от нее подальше, заняв позицию возле туалетного столика. Подбирая нужные слова, он рассматривал личные вещи Кари, которыми она пользовалась каждый день, почти не думая о них. Щетка для волос. Золотые часики. Флакон духов. Его охватило желание поднести эту хрустальную бутылочку к носу, чтобы полной грудью вдохнуть их запах, однако ему и на сей раз удалось обуздать свое желание.

– Должен принести вам еще одно извинение, – прозвучал его тихий взволнованный голос.

Реакция Кари была столь болезненной, что можно было подумать, будто он в самом деле притронулся к ней. Она испуганно потянула ноздрями воздух, так что живот ее стал совсем впалым. Кари знала, к чему клонит ее гость, однако говорить с ним на эту тему казалось ей абсолютно бессмысленным.

– Слышать ничего не хочу, – подавленно прошептала она. – Уходите!

– Простите за то, что я поцеловал вас.

Она застонала, прикрыв рот ладонью.

– Уйдите. Оставьте меня в покое...

– Если уж быть честным до конца, то прошу у вас прощения за то, что сделал это, когда вы были не в состоянии действовать сознательно. А о том, что поцеловал вас, я не жалею.

Кари вскинула голову, взглядываясь в отражение высокого мужчины в зеркале.

– Разве не достаточно вам того, что вы втоптали в грязь репутацию моего мужа? Не достаточно того, что вы выставили меня перед всем светом на позор? Что из-за вас я потеряла ребенка? – Забывшись, она гневно молотила своими маленькими кулачками по простыням. Слезы текли по ее щекам. – Но даже если забыть обо всем этом, вы в любом случае не имели права прикасаться ко мне. Более того, прикасаться так, как это сделали вы!

Лицо Хантера страдальчески сморщилось.

– Все, все понимаю...

– Но как же тогда хватило вам наглости поцеловать меня? – спросила она дрожащим от слез голосом.

И тут его словно подменили. Хантер Макки, собравшийся было уходить, круто повернулся на месте. Вина за случившееся лежала не на нем одном. Она тоже была не без греха, и он, черт возьми, вовсе не намерен был соглашаться на роль козла отпущения!

– А вот представьте себе, хватило! – Перемена его тона была столь неожиданной, что у нее от удивления мгновенно высохли слезы и перехватило дыхание. – И знаете почему?

Потому что мне захотелось поцеловать вас еще тогда, когда я впервые увидел вас. С тех пор это желание не покидает меня! И можете орать, визжать, плевать, бросаться на меня с кулаками, звать своих сторожей... Главное, что теперь вы знаете! Вот именно, мне чертовски хотелось поцеловать вас. Да и вы, кажется, не были против. Кстати, когда я хотел оставить вас в покое, вы даже удержали меня.

– Удержала?.. Вас?.. Да вы килограммов на сорок тяжелее меня!

Кажется, Хантер попал впросак. В самом деле, трудно было придумать что-либо абсурднее утверждения о том, что она оказалась физически сильнее его. И все же в словесном поединке он не собирался отступать. Снова подойдя вплотную к ее постели, он решительно выпалил:

– Но именно ваши руки обнимали меня! И ласкали! Именно вы прильнули ко мне губами. Именно вы...

– Хватит!

– ...открыли рот и...

– Ни слова больше! Я запрещаю вам!

– ... поцеловали меня!

Она, вытаращив глаза, хватала ртом воздух. Каждый вдох давался ей с трудом.

– Я была без сознания, мне мерещилось... Вовсе не вас я целовала тогда! Я грезила о своем муже!

Уязвленный в самое сердце, Хантер сорвал с носа очки и навис над ней всей громадой своего тела. Нагнувшись, он

оперся о кровать Кари. Ее ноги, испуганно поджатые под одеялом, оказались между его расставленными ладонями.

– Что ж, в таком случае позвольте сделать вам одно признание, Кари Стюарт. Будь я вашим мужем, я не был бы настолько глуп, чтобы рисковать потерять вас.

Его намек был предельно прозрачен. Выходило, что Томас Уинн, проворовавшись, Показал себя просто недоумком.

– Убирайтесь! – злобно прошипела она.

– Можете спорить со мной или с кем-нибудь другим до хрипоты, но вы целовались со мной, и вам это очень нравилось.

– Не было этого!

Из-под полуопущенных век он пару секунд смотрел на ее дергающийся рот, а затем, наклонившись еще ниже, прошептал тихо, но убежденно:

– Было.

– Убирайтесь!!!

На сей раз ее визг был достаточно громок для того, чтобы Пинки и Бонни со всех ног бросились к ним, будто услышав сигнал бедствия. Они вбежали в спальню как раз в тот момент, когда Хантер уже направлялся к двери, надевая на ходу очки. Букет чайных роз полетел ему в спину. Однако он, судя по всему, даже не заметил этого. Пробормотав извинения, Хантер Макки бочком, мимо друзей Кари, выскользнул из комнаты, и через несколько секунд из передней раздался стук закрывшейся входной двери.

Глава 5

Процесс выздоровления был подобен для нее тюремному заключению, которое она отбыла «от звонка до звонка». И все же, побывав у доктора и получив у него разрешение выйти на работу, она должна была признать, что длительный отдых пошел ей на пользу.

Она чувствовала себя полностью обновленной. Почти пять месяцев прошло со дня гибели Томаса. Пора было заняться обустройством собственной жизни. До того как у нее случился выкидыш, Кари витала где-то в заоблачных мирах, однако теперь у нее появилась четкая цель – добиться, чтобы исполняющий обязанности окружного прокурора получил по заслугам.

Хантер Макки добился-таки обвинительного приговора членам городского совета Паркеру и Хейнсу. Хотя Томас Уинн был мертв и не мог защищаться, он был пригвожден к позорному столбу наряду с теми двоими. Этого Кари Стюарт-Уинн прокурору не могла ни забыть, ни простить.

Она проработала после болезни уже три недели, когда до нее дошел слух, заставивший ее сорваться с места и опрометью броситься к рабочему столу Пинки в главной редакции.

– Я только что услышала, что Дик Джонсон уходит от нас на Кей-эй-би-си.

Пинки пустил в потолок столб сигаретного дыма.

– Языки здесь работают быстрее, чем у проститутки счетчик, – буркнул он. – Мне самому эту новость на хвосте принесли каких-нибудь пятнадцать минут назад.

– Я хочу на его место.

Пинки хмуро посмотрел на нее. Его глаза задумчиво застыли на лице Кари, однако это не помешало ему одновременно отдать распоряжение проходившему мимо оператору отправляться с видеокамерой на вертолетную площадку и ждать там репортера.

– На химзаводе рвануло, так что снаряжайтесь как следует! – проорал он и только потом обратился к Кари, уже более спокойно: – Ладно, потом поговорим.

Она охотно последовала за ним в его служебный кабинет, где директор службы новостей бывал лишь в редких случаях. Комната со стеклянными стенами примыкала к главной редакции. Оттуда было видно все: что происходит, кто занят, кто свободен, а кто и просто сгорает от скуки. Если Пинки приглашал кого-нибудь в свой кабинет, это означало, что разговор предстоит непростой. Закрыв за собой дверь, директор разместился за столом. Кари села на стул напротив.

– Зачем? – спросил он без всяких предисловий. Она обескураженно заморгала.

– Как это – зачем?

– Зачем тебе городское правительство?

– Я занималась им до того, как вышла замуж за Томаса. Ты сам знаешь, почему мне пришлось отказаться от этой темы,

и знаешь также, что она – моя первая любовь.

– Угу... – Не видно было, чтобы ее объяснение Пинки считал достаточно убедительным. Закурив новую сигарету, он внимательно всмотрелся в собеседницу сквозь поднявшуюся дымовую завесу. – Но ты ведь уже застолбила за собой культуру. Весь шоу-бизнес – твой.

– Ты не представляешь себе, какая это скуотища, Пинки. Жизнь большого города со всеми его проблемами – вот чего мне не хватает. Кстати, у меня до сих пор сохранились отличные источники в городском правительстве.

– Что и говорить, умеешь ты лапшу на уши вешать, но я-то не дурак. – Пинки положил коротенькие ручки на стол и многозначительно подался вперед. – Тебе нужна сковорода, чтобы поджарить этого гуся – Хантера Макки.

Кари смущенно опустила глаза.

– Но я же профессиональный репортер, Пинки. Я не допущу, чтобы на мою журналистскую позицию влияли личные переживания. – Босс бросил на нее подозрительный взгляд, и она в отчаянии выкрикнула: – Честное слово, не допущу!

Откинувшись в кресле, он положил ноги на край письменного стола.

– Ну и что же будет с разделом программы, который ты ведешь сейчас? Давай рассмотрим этот вопрос чисто умозрительно. Потому что я еще не сказал, что согласен перевести тебя на другую работу.

– Отдадим его Салли Дженкинс. Она вполне сносно

справлялась с этой работой, пока меня не было.

– Ты не хуже меня знаешь, какое это хлебное место, Кари. Тебя не то что подсадить – зарезать готовы, лишь бы на него пробиться. В таких случаях ведь как иной раз бывает, а? Возвращаешься из отпуска – глядь, а местечко-то твое тютю... Так что если уступишь свой кусок хлеба с маслом мисс Большой Попке, а сама подашься вон туда и облажаешься, – Пинки мотнул головой в направлении центра города, где располагался комплекс зданий муниципалитета, – тогда уж на себя пеняй. Обратного ничего не получишь! Так стоит ли рисковать? Подумай хорошенько.

– Ей-богу не облажаюсь, Пинки! Ты что, уже совсем в меня не веришь?

– Верю. Но знаю также, что ты в первую очередь – женщина, которая живет не разумом, а эмоциями. И к тому же упрямая как осел. Надулась, видишь ли, на окружного прокурора, вот и вздумала...

– Ни на кого я не надулась.

– Черта с два не надулась! – взорвался Пинки. – Нечего меня на слове ловить! «Надулась» еще слишком мягко сказано о том, какие чувства ты к нему питаешь. – Он угрожающе поднес к ее носу похожий на обрубок указательный палец. – Короче, заруби себе на носу: мне вовсе не нужно, чтобы наша главная редакция превратилась в поле боя между тобой и Макки!

– До этого дело не дойдет. Я обещаю.

– Не позавидую тебе, если ты свое обещание нарушишь, – проворчал он, опуская ноги на пол.

Ее глаза радостно загорелись.

– Значит, решено? Новое место – мое?!

– Твое, твое...

– Спасибо, Пинки! – Она стремительно поднялась. – Когда приступать?

– Дик уходит в конце недели. Понедельник тебя устраивает?

– Значит, понедельник? Отлично! – Она повернулась было, чтобы уйти, но, вспомнив о чем-то важном, замерла на месте. – А можно Майк Гонсалес останется моим оператором?

– А прибавки к жалованью попросить не хочешь?

– Об этом я и не мечтаю.

– В таком случае забирай своего Майка, – ухмыльнулся Пинки, и она подпрыгнула на месте от радости. Поднявшись из кресла, директор отдела новостей глубоко затянулся сигаретой. Вид у него был не очень веселый. – Ты для меня все равно что дочь, Кари, и поэтому я хочу сказать тебе одну умную вещь: кинжал мести – оружие обоюдоострое. Иной раз колешь им кого-нибудь, а попадаешь в собственную задницу.

Она смешливо наморщила нос.

– Хорошо, запомню.

Однако у него оставались серьезные сомнения в том, что его предупреждение надолго задержится в ее белокурой го-

ловке.

– Ох, Кари, не нравится мне это.

– Да будет тебе ныть, трус несчастный. Где твоя любовь к приключениям? Сам подумай: ну что они могут с нами сделать, даже если и застукают?

Мученически вздохнув, Майк Гонсалес поволок свою тяжелую ношу выше по лестнице. В лифте госпиталя громоздкая видеочамера наверняка привлекла бы к себе излишнее внимание. Именно этого они сейчас пытались избежать.

– Да пойми же ты, не врачей с санитарками я боюсь, а Пинки.

Она тихо рассмеялась.

– Если мы притащим ему слезливую историю, которую можно вставить в шестичасовой выпуск, ему наплевать будет, каким образом мы ее раздобыли.

– А об окружном прокуроре ты подумала? Он такой тарарам устроит – только держись! Зря, что ли, он этого мужика ото всех прячет?

– Вот этим я и заинтригована. Отчего такая секретность? Почему никто из нас не видел этого человека, после того как он был арестован за убийство жены? Чего добивается Макки?

– Но как ты узнала, что его в тюрьме кондрашка хватил?

– Почаще в суд наведываться надо. Там в кафетерии много чего болтают. – Услышав это объяснение, Майк уважительно

хмыкнул. – Мои невольные информаторы уточнили даже, в какой именно госпиталь его уложили.

– А номер палаты ты откуда вынюхала? – спросил оператор.

Кари ответила ему озорной улыбкой.

– А это мой маленький секретик.

Так за разговором они в конце концов дошли до нужного этажа. Приоткрыв дверь, Кари настороженно взгляделась в глубь коридора.

– Надеюсь, наш несравненный мистер Макки не выставил охрану.

Охранников видно не было. Бесшумные и невидимые, телевизионщики шмыгнули в коридор, а затем в палату. Мужчина средних лет лежал на кровати, нервно вцепившись в одеяло.

– Кто вы? – спросил он, похожий на перепуганного кролика, когда Кари и Майк приблизились к нему.

– Меня зовут Кари Стюарт, мистер Гопкинс. Как вы себя чувствуете? – вежливо поинтересовалась она.

Его затравленный взгляд бегал от Кари к Майку, навьюченному устрашающим оборудованием. Затем в его настороженных глазах что-то промелькнуло: он узнал ее.

– Так вы та самая девушка с телевидения? – спросил пациент. На сей раз в его голосе звучал уже не испуг, а неподдельный интерес.

За долгие годы репортерской работы Кари усвоила пси-

хологическую закономерность: тех, кто каждый вечер появляется на экране домашнего телевизора, люди со временем начинают воспринимать как давних знакомых. В ситуациях, подобных этой, такая иллюзия личного знакомства как нельзя лучше играла ей на руку.

– Да. – Сев на стул рядом с кроватью, она украдкой нажала на кнопку диктофона. Еле заметного кивка Майку было достаточно, чтобы включить видеокамеру. Палату в ту же секунду наполнило мягкое, почти успокаивающее жужжание. – Вы видели меня по телевизору?

– О, конечно, мы с Эммой... – Мужчина тут же осекся, его губы затряслись, а в глазах сверкнули слезы. – Теперь ее уже нет...

– Я читала об этом в газетах. Может быть, вы расскажете нам, что все-таки произошло?

– Я не хотел убивать ее, даже не помню ничего. – Он заплакал, и камера Майка тут же отобразила его лицо крупным планом.

– Признайся, сильная вещь получилась, а?

– Что и говорить. Да только вонь от нее еще сильнее будет. А уж в том, что она поднимется, если мы дадим этот кусок в эфир, сомневаться не приходится.

Раздосадованно вздохнув, Кари повернулась к нему спиной. Она нервно мерила шагами крохотную монтажную, в то время как Пинки во второй раз просматривал интервью с

Гопкинсом, обвиняемым в убийстве собственной супруги.

– Так ведь получилось-то хорошо. Разве не так, Пинки?

– А я и не говорю, что плохо, – поднялся он со стула. – Но хорошо ли это с точки зрения журналистской этики? Вот в этом у меня серьезные сомнения.

– Что ты имеешь в виду?

– В материале должны быть представлены позиции обеих сторон – таков железный закон. А ты этого не сделала.

– Позиция другой стороны уже представлена. Ты же читал утверждения Макки в газетах. Он добивается для этого человека обвинительного приговора. Причем не просто приговора, а смертной казни.

– Ошибаешься, он вел речь только об обвинительном приговоре. Но ни слова о том, что это должна быть именно казнь.

– Все равно он и ее добьется – не мытьем, так катаньем. – Она положила подбородок на сцепленные пальцы. Ее поза была похожа на молитвенную. – Вспомни, сколько раз люди, по сути дела, оказывались осужденными заочно. И только лишь потому, что еще до суда пресса успевала изобразить их отпетыми негодяями.

– А ты, значит, поставила перед собой святую цель снять этого Гопкинса с крючка?

– Нет. Я просто дала ему возможность высказаться.

– Такая возможность у него еще будет. В суде.

Она с трудом удержалась от того, чтобы вспылить.

– Пинки, я уже два месяца сижу на городском правитель-

стве. Скажи, я хоть раз бросила грязью в сторону мистера Макки?

– Еще нет, но ты вплотную подошла к этому, – напомнил он ей.

– Зато люди не оставляют это без внимания, и наш рейтинг растет.

Ему было нечего возразить на это. В конечном счете все упиралось в этот самый проклятый рейтинг, и нравились ему ее методы или нет, но репортажи о городском правительстве, в особенности те, где затрагивалась деятельность Хантера Макки, получались у Кари не менее задиристыми и яркими, чем критические обзоры событий в мире шоу-бизнеса.

– Ладно, – сдался директор отдела новостей. – Хоть и не нравится мне это, но твой материал пойдет сегодня в вечернем выпуске.

– Спасибо, Пинки. – Она восторженно чмокнула его в щеку.

Он раздраженно вытер ее поцелуй.

– Не хотел бы я оказаться рядом с Макки, когда он увидит это по телевизору.

Пинки как в воду глядел. Кари оказалась совершенно одна, когда прокурор, кипя от негодования, ворвался в главную редакцию. В то утро она приехала на работу раньше, чем обычно, воодушевленная широким откликом, которое получило ее интервью с Гопкинсом. И сейчас в ее голове было

тесно от мыслей о том, каким образом продолжить сенсационную тему сегодня.

Кое-кто из репортеров и операторов к этому времени тоже уже подтянулся на телестанцию, однако в ранний час народ в основном кучковался вокруг кофеварок. Рядом с Кари никого не было, когда она в своем «загончике», подняв голову от письменного стола, внезапно увидела перед собой лицо Макки, перекошенное от злости.

– А-а, мистер Макки... Доброе утро. Чему обязана столь ранним визитом?

– Шутки в сторону, Кари! Я видел ваш сюжет во вчерашнем выпуске.

– В самом деле?

– Да. И не скрою, я зол как черт!

– А вот злиться вредно, особенно вам. Это может повредить вашему общественному облику.

Его губы сжались в тонкую линию.

– Каким образом вы проникли в палату к Гопкинсу?

– Ножками.

Он угрожающе надвинулся на нее. Его внушительная фигура, казалось, вот-вот целиком заполнит собой крохотный «загончик». Чтобы не чувствовать себя беззащитной, Кари поднялась со стула и тут же оказалась нос к носу с прокурором. Что и говорить, для двоих ее «загончик» был явно тесноват.

– До сих пор я мирился с намеками в свой адрес, которые

то и дело проскальзывают в ваших репортажах. Да-да, можете быть уверены, ничто не остается незамеченным, однако я предпочел оставить ваши выпады без ответа.

– Ваше поведение в высшей мере похвально.

– Я думал, что вам скоро надоест эта мелкая игра, недостойная профессионала, и вы начнете освещать события честно и беспристрастно, как это делают другие корреспонденты.

Это был чувствительный укол. Ее глаза вспыхнули от гнева.

– Но я и есть настоящий профессионал, и я информирую людей только о том, что вижу.

– Но только после того, как эта информация поварится достаточное время в вашем ядовитом мозгу, – повысил голос Макки. – Скажите, чего вы хотели достичь, давая в эфир это слезливое интервью с Гопкинсом?

– Ничего. Просто удачное интервью получилось. Мне подумалось, что люди имеют право увидеть этого надломленного, раскаивающегося человека, которого вы хотите отдать в руки палача.

Сейчас, казалось, он и сам не прочь был стать палачом, чтобы прямо здесь, у письменного стола, свернуть ей шею.

– Понятно, вы хотели пробудить в обществе жалость к убийце. А меня выставить кем-то вроде троюродного братца Адольфа Гитлера только за то, что я осмелился привлечь к уголовной ответственности убийцу.

– Но у него был сердечный приступ!

– Вам следовало повнимательнее прочесть медицинское заключение, мисс Стюарт! У него всего лишь ангина. Да-да, хроническая ангина, которой он страдает уже не первый год. А в тюрьме он начал жаловаться на боли в груди, вот я и поместил его в лазарет на всякий случай. Послушайте, могу я сказать вам кое-что не для записи? – В ответ Кари упрямо выпятила подбородок, и у него мелькнуло подозрение, что она в следующую секунду откажется от дальнейшей беседы. – Так могу я надеяться, что сказанное останется между нами? – упрямо повторил он.

– Конечно.

– Что ж, отлично! – Хантер Макки протянул ей руку. – Разговор начистоту, но не для передачи. Ну что, по рукам?

Глядя на его открытую ладонь, Кари не решалась ответить ему рукопожатием. Какое-то шестое чувство подсказывало ей, что если она сейчас прикоснется к нему, то это будет иметь для нее крайне серьезные последствия. И все же она взяла его руку, дважды энергично тряхнув ее.

– Ладно, пусть будет не для передачи, – неохотно согласилась Кари.

– Гопкинс, каким бы жалким и подавленным он ни выглядел сейчас, все же убил свою жену. Лишь через две недели после того, как он избавился от ее тела... Надеюсь, вы знаете, что он сделал с ее телом?

Подавив поднимающуюся изнутри тошноту, она кивнула.

– Да, знаю, если, конечно, газетные сообщения соответствуют истине.

– Соответствуют, соответствуют... Я сам был на задворках его дома, когда криминалисты проводили там раскопки. Им пришлось вырыть двадцать шесть ям.

Кари зябко поежилась.

Он же снял очки и сунул их в нагрудный карман пиджака. У него были очень необычные глаза. Она снова обратила на это внимание. Сердце затрепетало в груди – совсем как тогда, в его кабинете, когда он сказал, что на телеэкране она всегда красива.

– Так на чем я остановился? – рассеянно спросил Хантер Макки.

– Через две недели...

– Ах, да! Прошло целых две недели, прежде чем ее наконец хватились. Соседям показалось странным, что его жена так долго не выходит из дому. Но если он был так потрясен содеянным, то почему же не пришел к нам в слезах раскаяния сразу же после того, как зарубил ее топором?

Кари болезненно наморщила лоб.

– Не знаю, мистер Макки. Должно быть, он был просто раздавлен случившимся. Напуган до смерти. Испытывал сильнейший стресс. По его словам, она более тридцати лет изо дня в день пилила его.

Хантер горько рассмеялся:

– По-вашему, выходит, всякий раз, когда выясняется, что

человек убил свою жену лишь из-за того, что она пилила его, мы должны говорить: «А-а, ну тогда другое дело».

– Не смейтесь надо мной!

Он мгновенно посерьезнел.

– Мне не до смеха, Кари. Я не вижу абсолютно ничего смешного в вашем вчерашнем поступке. И дело вовсе не в том, убил Гопкинс свою жену или нет, действительно он сумасшедший или хитрее всех нас, вместе взятых. Вся проблема в том, что вы взяли на вооружение избитые приемчики желтой прессы. В чем заключается ваша цель, Кари? В том, чтобы настроить против меня общественное мнение?

– А что, если вы и в самом деле заслуживаете этого?

– Но почему? Ведь я всего лишь выполняю свой служебный долг. Долг, состоящий в том, чтобы преследовать преступников и помогать поддерживать правопорядок. Ну почему вы с такой одержимостью кидаете камни в мой огород? Потому что я делаю то, чего ожидают от меня законопослушные граждане?

– Потому что мне не нравятся ваши методы. – Она отвернулась от него, но он, схватив Кари за руку выше локтя, в ту же секунду повернул ее снова к себе лицом.

– А мне не нравятся ваши! И еще мне не нравится, когда нарушают мои распоряжения. А я распорядился, чтобы к Гопкинсу никого не пускали. Кто вас провел к нему в палату?

– Никто! И отпустите меня. Мне больно!

Это не вполне соответствовало истине. Его пальцы вовсе не причиняли ей боли. Но Кари и Хантер стояли вплотную друг к другу, и близость его тела действительно доставляла ей беспокойство. Не говоря уже о странном чувстве беззащитности, которое она испытывала, ощущая его горячее дыхание на своем лице.

Он растерянно посмотрел на свои пальцы, сжимавшие ее руку, и медленно разжал их. Дав волю чувствам, он, судя по всему, был сконфужен своей несдержанностью. Она же, чтобы скрыть собственное смущение, потерла руку, где только что были его пальцы, делая вид, что боится теперь синяков.

Кари первой нарушила молчание. Она говорила с ним таким тоном, каким обычно разговаривают с собакой, которую только что отстегали за непослушание.

– У двери не было полицейского. Я вошла в палату беспрепятственно.

Однако Хантер вовсе не чувствовал себя побитым псом.

– Кто-то назвал вам номер палаты. Кто именно?

– Это тоже останется без последствий?

– А вот это уж черта с два! Я прямо отсюда поеду в госпиталь и оторву виновному голову.

– В таком случае, мистер Макки, весьма сожалею, но я никогда – слышите? – никогда! – не открою вам своих источников. Вам следовало бы знать, что это неписанный закон каждого уважающего себя репортера.

Хантер Макки едва не дымился от ярости, и Кари испыта-

ла сладкое ощущение триумфа. Она загнала его именно туда, куда хотела. Вот он, перед ней, униженный, разозленный. Такое же бессилие чувствовала и она, когда Макки выдвигал обвинения против Томаса.

Однако триумф оказался недолгим. Хантер Макки не замедлил показать, что его еще рано списывать со счетов. Не торопись, Кари. Он сделал шаг вперед, так что их одежда соприкоснулась. Стоило ему двинуться еще немного, и она оказалась бы прижатой к стене. Его загадочные глаза впились в ее рот и замерли. Остановились... Наконец он мягко вымолвил:

– Вы сами напрашиваетесь на неприятности, Кари.

Его глаза оставались прикованными к ее губам. Она же не двигалась с места, не желая подавать виду, что этот пристальный взгляд порождает в ее душе величайшее смятение. Наконец, не выдержав, Кари облизнула губы.

– Я не боюсь вас, – произнесла она низким голосом.

Уголок его рта дернулся. Очевидно, это должно было означать ухмылку. Затем, медленно подняв глаза, Хантер посмотрел ей прямо в лицо. Казалось, он заглянул ей в душу, и от этого у нее похолодело в груди.

– Думаю, все-таки боитесь.

Не сказав больше ни слова, он вышел.

– Трудновато тебе придется. Сунуть руку тигру в пасть и то легче.

Хантер Макки, сидевший, закинув ноги на край письменного стола, снял очки и устало потер глаза.

– Сам знаю. Да тут еще присяжных таких набрали – хуже некуда.

Они с Гаем Брейди уже несколько часов листали объемистые тома уголовного дела. Было уже поздно, и прокурор изрядно устал. Сбросив ноги вниз, он поднялся и с наслаждением потянулся, уперев кулаки в поясницу.

– Хорошо хоть судья постановление вынес в нашу пользу. Мы получили право судить этого парня как взрослого, – заметил Хантер.

Со времени ареста Гопкинса прошел ровно месяц, однако тот так и не предстал перед судом. Проведя дотошную психиатрическую экспертизу, несколько врачей огласили заключение: подсудимый невменяем, а потому неподсуден. И Гопкинса уперли в психушку с тем условием, что, как только он выйдет, его можно будет привлечь к уголовной ответственности за убийство жены.

Новое дело было не менее скользким. Перед Ханте-ром стоял неумолимый выбор: выпустить убийцу на волю или претерпеть невыносимые муки, но все-таки добиться обвинительного приговора.

Гай, хмурясь, с трудом разбирал собственные каракули.

– Представляю, какой хай поднимут правозащитнички. И за что нас только бог карает? Ну почему ему всего шестнадцать?

– Шестнадцать – всего лишь цифра в метрике, – отозвался Хантер, беря на себя роль адвоката дьявола. – Зато делшек за ним столько, что не всякий взрослый уголовник похвалиться может. Ты список арестов, которым он подвергался, видел? Вслух читать – язык отсохнет. Мелкое воровство, кража со взломом, ограбление, разбойное нападение, вандализм, хранение наркотиков, незаконное ношение оружия... Это тебе не какой-нибудь шестнадцатилетний молокосос-старшекласник. Этот паренек с девяти лет чудит. От него все только одного ждали: когда же он замочит кого-нибудь? Ну вот и дождались.

– Он утверждает, что это была вынужденная самозащита. Оправдание вообще-то довольно хлипкое – попробуй докажи, что твоей жизни действительно угрожали.

– Об этом пусть у защиты голова болит. На мой взгляд, заключение медэксперта на руку скорее нам, чем адвокату. Мыслимое ли дело – пырнуть собственного отца сорок три раза, а потом говорить, что убивать его даже в мыслях не было. – Из россыпи съедобной дряни, купленной в автомате, Хантер выбрал печенье «Твинки», с сомнением посмотрел на него, а затем, освободив от обертки, сунул в рот. – Для меня это дело ясное как божий день. Мальчишку я допросил, все материалы изучил. Мнение однозначное: у парня ни стыда ни совести.

– Но не забудь про козыри защиты: низкий социально-экономический статус семьи, переполненная квартира, безот-

ветная мать, побои от отца-алкоголика...

– Ты, случаем, к Кари Стюарт в союзники не метишь? – сухо заметил Хантер. – Кажется, я только что слышал ее голос.

Гай хмыкнул:

– Ну и вцепилась же она тебе в холку! Хватка у нее почище бульдожьей.

– Не спорю, этот процесс для нее – просто дар судьбы. Очень скоро у нее на руках будет полный комплект фактов, чтобы в очередной раз сделать из меня кровожадного мерзавца. Надеюсь, господь не допустит, чтобы все поверили в то, что я получаю извращенное удовольствие, добиваясь обвинительных приговоров. Такова печальная необходимость. К тому же именно за это мне платят жалованье.

Засунув руки в карманы, он подошел к окну. Ночной дождь дочиста вымыл городские улицы. Машины мчались, оставляя на мокрой мостовой красные и белые полосы следов габаритных огней. На улице до сих пор моросило – к дождю прибавился еще и мелкий снег. Пробежав по силуэтам городских зданий, задумчивый взгляд Хантера остановился на телебашне Даблью-би-ти-ви.

Интересно, она все еще на работе? Вряд ли. Поздно уже. Лучше бы ее сейчас там не было. Добираться домой в одиночку, да еще в столь поздний час...

О чем он, черт возьми, думает?!

Ведь она презирает его. Более того, целую кампанию раз-

вернула, чтобы выставить его перед всем честным народом шутом гороховым, и это в лучшем случае, а в худшем – грязным, беспринципным политиканом. А он, видите ли, стоит сейчас перед окошком и переживает, как она поедет домой по скользкой дороге.

«Признайся, приятель, не идет она у тебя из головы», – пропищал у него в мозг тоненький голосок.

Чертовщина какая-то! Вечерами он, кипя от гнева, смотрит ее репортажи по телевизору, а потом ложится в постель, и она предстает перед ним снова – в эротических сновидениях. Для человека, свято верящего в логическую взаимосвязь любых событий, это было просто непостижимо.

От этих переживаний Хантер прямо-таки весь извелся. Дошло до того, что он засомневался даже, достаточно ли был беспристрастен в деле о скандале в городском совете. Что, если голова Уинна понадобилась ему лишь потому, что он воспылал страстью к вдовушке «слуги народа»? Ранее Хантер никогда не сомневался в правильности принятых решений. Углубленный самоанализ был для него явлением совершенно новым и неожиданным.

И все же, сколько бы он ни прокручивал в мозгу одни и те же вопросы, всякий раз выходило, что стыдиться ему нечего. Он все делал правильно. Каждое его действие вполне согласовывалось с законодательством и диктовалось только одним стремлением – до конца выполнить прокурорский долг. А то, что Кари Стюарт могла заставить его сомневаться в са-

мом себе, только еще раз доказывало ее опасность.

– Ничего, на сей раз я заткну ей рот, – пробормотал он.

Гай закашлялся, поперхнувшись теплой кока-колой.

– Ого! Ты собираешься надеть на Кари Стюарт намордник? И каким же образом, если не секрет?

– Добьюсь от судьи запрета на видеокамеры в зале суда. А без камеры она бессильна. Процесс обещает стать подлинной сенсацией – о нем раструбили по всей стране. И нам надо как следует постараться, чтобы его окончательно не превратили в цирк для прессы.

– Думаешь, тебе удастся уговорить судью? Вспомни, Хантер, он как раз из тех, кто просто обожает красоваться перед объективами.

Макки вернулся за стол, надел очки и раскрыл очередную пухлую папку.

– Придется постараться, – повторил он.

Однако его стараний оказалось мало. Судья мягко отклонил просьбу прокурора.

– Подождем денек-два, посмотрим, как у нас пойдут дела. И если, как вы предсказываете, начнется балаган, я пойду вам навстречу.

Возвращаясь от судьи в свой офис, Хантер всю дорогу ругался самыми черными словами. На следующий день настроение не улучшилось: когда он появился в здании суда на открытии процесса, первым репортером, подлетевшим к нему

с вопросом, была Кари Стюарт собственной персоной.

– Правда ли то, что вы пытались изгнать из зала суда телеоператоров и даже художников-скетчистов?

Интересно, откуда у нее такие источники? Ему бы таких информаторов – тогда во всем Денвере от преступников не осталось бы и следа.

– Да, пытался. – Господи, до чего хороша! Особенно в этом красном свитере с высоким воротом, который только подчеркивает румянец ее щек, а волосы заставляет вспыхивать золотым пламенем.

– Но почему, мистер Макки?

– К сожалению, сейчас у меня нет времени распространяться на эту тему. Так что прошу покорно меня извинить.

Он ловко обогнул кучку корреспондентов. Они ринулись за ним в зал суда и тут же, не мешкая, устроили свалку в борьбе за самые удобные места. Процесс был объявлен открытым.

В тот же вечер в выпуске новостей Даблью-би-ти-ви эту церемонию увидели телезрители. Кари Стюарт не пожалела красок, расписывая подсудимого как жертву неблагополучной социальной среды. Зрителей щедро потчевали кадрами, на которых он был запечатлен рыдающим на плече матери. Все это было густо приправлено его причитаниями о том, как он раскаивается в убийстве отца. Заметьте, вынужденном! Однако Хантер лучше других знал цену подобным всхлипываниям. И рассуждениям о том, что винить в преступлении

нужно не преступника, а условия среды, в которой он вырос.

На следующее утро первым, что он увидел, войдя в зал судебных заседаний, была торжествующая улыбка Кари. Его глаза зловеще потемнели.

К искреннему изумлению корреспондентки, он направился прямо к ней.

– Мисс Стюарт, не могли бы мы встретиться в перерыве между заседаниями за чашкой кофе?

От подобного приглашения у нее отнялся язык. Майк, сидевший рядом, казался не менее ошарашенным.

– Извините, не могу, – вежливо отказалась она. – Мне нужно спешить на телестанцию, чтобы успеть подготовить репортаж для вечернего выпуска.

– Это займет всего пару минут, обещаю вам.

В его голосе явно звучал вызов, который она не могла не принять. Она не намеревалась пасовать перед ним. Ни за что на свете!

– Хорошо. Где?

– Как насчет «Корабельной таверны» в гостинице «Браун палас»?

Он не уставал удивлять ее, однако она не подала виду, что удивлена.

– Прекрасно, я смогу быть там через четверть часа после того, как будет объявлен перерыв.

Холодно кивнув, он сразу же отошел от нее.

– Чего это он? – спросил Майк, скосив рот набок, в то

время как всеобщее внимание было приковано к появившемуся судье.

– Понятия не имею, – прошептала в ответ Кари. – Но я пойду, даже если разразится землетрясение.

Глава 6

Вестибюль отеля «Браун палас», денверской достопримечательности, был одним из тех мест, где Кари нравилось бывать больше всего. Каждого входящего в вестибюль обволакивала теплая, как мягкая шаль, атмосфера. Сквозь витражи в крыше, с высоты нескольких этажей, падал приглушенный свет, создавая впечатление, что находишься в викторианской гостиной, только увеличенной в сотни раз. Обшивка, потемневшая от времени, начищенные до солнечного блеска бронзовые ручки и перила, роскошные пальмы в кадках... Мягкая мебель словно приглашала усталого путника присесть. Все вокруг было основательно, спокойно, неброско, располагая к отдыху и негромкому разговору.

В глубине этого великолепного зала и располагалась «Корабельная таверна». Заведение, в убранстве которого преобладали морские мотивы, было не просто баром. Оно было как бы продолжением роскошного гостиничного вестибюля, и обстановка благородного спокойствия здесь полностью сохранялась.

В это время дня тут никогда не бывалолюдно. Время обеденного перерыва уже прошло, и волна клиентов схлынула. В разгар рабочего дня в полутьме гостиничного бара Кари стало как-то не по себе. Лишь несколько мужчин, судя по виду, заезжих бизнесменов, убивали время у длинной поли-

рованной стойки. Ей не составило труда отыскать взглядом Хантера за одним из столиков. Она уверенно направилась к нему, пытаясь не замечать заинтересованных взглядов, которыми собравшиеся в баре бездельники провожали ее.

Хантер встретил ее стоя. Он сел только после того, как она заняла место напротив.

– Спасибо за то, что пришли. Есть хотите?

– Нет. Предпочла бы чего-нибудь выпить.

– Чего бы вам хотелось?

Из пустоты перед ними немедленно материализовался официант в строгом черном костюме.

– Будьте добры, «Перье»⁸ с зеленым лимоном, – улыбнулась ему Кари.

– Рады вас видеть здесь, мисс Стюарт, – чинно произнес официант.

– Вы знаете меня?

– Конечно. По телевидению. Для меня высокая честь обслужить вас. Осмелюсь заметить, что в жизни вы еще привлекательнее, чем на экране.

– Хорошо, хорошо... Спасибо.

Официант услужливо повернулся к Хантеру, очевидно, ожидая увидеть еще одну знаменитость.

– А я тут так, сбоку припека, – широко ухмыльнулся прокурор. – Но все равно очень хотелось бы черного кофе.

– Разумеется, сэр.

⁸ Французская минеральная вода.

Переведя взгляд на Кари, Хантер все еще улыбался. Сейчас он был без очков, и она заметила мелкие морщинки, лучиками разбегающиеся от уголков его глаз. Все-таки он в самом деле очень хорош собой. Ну и что из этого?

– Почему именно здесь вы назначили мне встречу?

– Мне тут нравится, – просто ответил он.

– Мне тоже, но здешняя обстановка как-то не очень соответствует... Ну да бог с ним.

– Так чему же все-таки не соответствует здешняя обстановка?

– Тому, что мы с вами можем сказать друг другу. Вы, случайно, не догадываетесь, что думают, глядя на нас, вон те мужчины?

Быстро оглянувшись через плечо, он склонился над столом, изобразив всем своим видом внимание, потому что Кари говорила слишком тихо.

– Чтение мыслей на расстоянии не относится к числу моих достоинств. Так что же они думают?

Его насмешливая манера не слишком пришлась ей по душе.

– А вот что: или проститутка примчалась по вызову, или неверный муж крутит роман на стороне, подальше от глаз жены.

Хантер внимательно посмотрел на нее, потом – снова на группку мужчин.

– Неужели? Стыд им и позор!

– Я ухожу!

– Подождите. – Его рука, протянувшись над столом, удержала ее пальцы.

Хантер Макки был очарователен, весел и мил. Только ей не хотелось, чтобы все эти качества он демонстрировал. Пусть уж лучше будет самим собой – расчетливым конъюнктурщиком, а в том, что он именно таков, у нее не было ни малейшего сомнения.

– У меня сегодня много работы, мистер Макки.

– О чем вы думаете? О том, что я специально пригласил вас сюда, чтобы поставить в неловкое положение?

– Есть такое подозрение, – процедила Кари сквозь зубы.

– Вот ведь дьявол! – не сдержался Хантер, отпустив ее пальцы. Однако у нее возникло ощущение, что он оттолкнул ее. – Вам не угодишь, хоть наизнанку вывернись! Я вас сюда потому пригласил, что это уединенное, безлюдное место. О вас же заботился! Признайтесь, вам наверняка не понравилось бы, если бы нас заметили вместе в каком-нибудь кафе рядом со зданием суда, где всегда полно людей, которые знают нас обоих.

Она вполне могла, не говоря ни слова, подняться и уйти. Но почему-то осталась сидеть за столом, накрытым клетчатой скатертью, и смотреть на этого человека, в глазах которого внезапно проглянула смертельная усталость.

В этот напряженный момент к ним подошел официант с напитками и тут же отошел, не проронив ни звука. Сделав

глоток минералки, она пожалела, что вовремя не проявила сдержанность. Черт ее дернул упрекнуть прокурора за то, что он выбрал не то место для встречи! И вот вам результат: он сидит надувшись, а она красуется в роли мелкой склочницы. Получается, в природе нет нейтральной территории, на которой они могли бы встретиться один на один без взаимных упреков и оскорблений. Ей захотелось как можно быстрее преодолеть возникшую неловкость.

– Так о чем же вы хотели со мной побеседовать?

Хантер замялся. Ему не очень хотелось переходить к сути дела. Когда еще представится возможность побыть с ней наедине – вот так просто сидеть и смотреть на нее? Между тем она снова насторожилась, поэтому нужно срочно менять тактику, прежде чем она сорвется с места, не слушая его объяснений.

– Вы себя сейчас нормально чувствуете?

Она удивленно рассмеялась:

– Вполне. А почему вас так интересует мое самочувствие?

– Не могу забыть, как вы выглядели в тот вечер, когда я пришел к вам домой. Скажите, вы полностью выздоровели после...

– После выкидыша? – В ее голосе зазвучала горечь. – Да. Физически выздоровела. А вот душа еще долго не заживет.

В самом деле, с какой стати ей деликатничать, щадя его нервы? Ведь это он приложил руку к тому, чтобы довести ее до столь плачевного состояния. Впрочем, со стопроцентной

уверенностью она не могла сказать, что именно по его вине потеряла ребенка.

Хантер мысленно выругался. Ну когда же ему наконец удастся избавиться от этого проклятого комплекса вины? Умом он понимал, что не совершил ничего, что могло бы спровоцировать у нее выкидыш. Во всяком случае, о его непосредственной вине не могло быть и речи. Однако отчего-то ему становилось плохо всякий раз, стоило только подумать об этом случае. Давно пора было забыть обо всем этом, и все же мысль о собственной мерзости продолжала изводить его, как больной зуб. Даже когда зуб не болел, сохранялось искушение потрогать его, чтобы проверить: а вдруг не до конца отпустило?

– Ваш муж знал о ребенке?

– Нет. Я сама выяснила, что беременна, лишь через несколько недель после... смерти Томаса.

Должно быть, она забеременела в одну из последних ночей, проведенных с Уинном. От этой мысли яд ревности питал каждую клеточку тела Хантера. Это чувство было в высшей мере нелогично, даже глупо! Но вопреки всякой логике, представлять, что она могла заниматься любовью с другим мужчиной, пусть даже собственным мужем, все равно было для него невыносимо.

У Кари внезапно мелькнула мысль о том, что на столь интимные темы с посторонними беседовать не принято. Но можно ли назвать его посторонним в полном смысле этого

слова? И отчего ей все время кажется, что он читает ее мысли?

Вероятно, все дело в его взгляде – внимательном, настроенном, пронзительном. Вот и сейчас он смотрит на нее именно так. Ей снова стало неловко. Кари решительно отодвинула недопитый бокал в сторону.

– Весьма благодарна вам за заботу о моем здоровье, мистер Макки, но не могу поверить, что вы пригласили меня сюда исключительно для разговора на эту тему.

Сарказм Кари действовал на него раздражающе. Какого черта она постоянно пытается поддеть его, в то время как он, глядя на нее, тает от вожделения? Интересно, как бы она вела себя, если бы они были любовниками, заскочившими сюда выпить чуть-чуть, прежде чем подняться в гостиничный номер, где их ожидает долгая ночь любви?

Вот уж когда она наверняка не стала бы хмуриться. Наоборот, улыбалась бы сейчас сладкой улыбкой женщины, знающей, что ее любовник жизнь готов отдать, лишь бы обладать ею. И сидели бы они рядышком, перешептываясь и обмениваясь мимолетными поце-луйчиками. А рука ее, вероятно, – помечтать уж нельзя? – лежала бы сейчас на его бедре. И он, возможно, – ах, мечты, мечты... – легонько, словно невзначай, скользнул бы кончиками пальцев по ее груди. Она бы, конечно, округлила глаза в притворном гневе, оттолкнула бы игриво его руку, но глаза ее говорили бы в эту минуту, что и в ее душе растет неукротимое желание.

Да что же это он делает? Ведь так и свихнуться недолго! Но он, как ни старался, ничего не мог поделывать со своим воображением. Ему хотелось одного – раствориться в этой женщине, глубоко погрузившись в ее плоть. А что, если сейчас притянуть ее к себе и целовать, целовать до тех пор, пока ее жесткие губы раскроются и потянутся ему навстречу?

«Нет, скорее она вытащит из своей сумочки револьвер и пристрелит меня на месте», – удрученно подумал он, с трудом заставляя себя настроиться на деловой лад.

– Совершенно верно, – сухо проговорил Хан-тер. – Я позвал вас сюда вовсе не за тем, чтобы вести разговоры о вашем здоровье. Я пришел, чтобы предложить вам перемирие.

Кари растерянно моргнула.

– Что?

– Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду.

– Боюсь, что нет, – холодно отрезала она.

– Да перестаньте вы. – Положив руки на стол, он подался вперед. – Я знаю, как вы меня не любите. Горько, конечно, но уж как-нибудь я пережил бы это. Однако в последнее время в своей ненависти вы заходите слишком далеко. Вы вставляете палки в колеса правосудия.

– Надо же такое придумать: в колеса правосудия! – насмешливо воскликнула она. – И где это вы такое выражение выкопали? Не иначе, недавно услышали в старом сериале о Перри Мейсоне.⁹

⁹ Популярный американский телеперсонаж – честный и в то же время ловкий

Ему хотелось казаться непреклонным, а он вместо этого выставил себя напыщенным болваном. Что ж, придется испытать силу логических доводов.

– Вот вы утверждаете, что все ваши репортажи объективны.

– Да, объективны.

– А слезливое интервью матери убийцы – это, по-вашему, тоже образец объективной журналистики?

– Но я показала только интервью, без всяких комментариев.

– Комментарии были излишни – вы без слов подталкивали зрителя к нужному для вас выводу. Но вместе с тем почему-то забыли упомянуть, что долгие годы эта женщина безмолвно наблюдала, как ее муж дубасил сына, пока тот не стал зверем. И не спросили ее, почему она не показала мальчика психиатру, когда он был впервые задержан за попытку изнасилования – и это в двенадцать-то лет!

Кари понимала, что он прав, но не могла признаться в этом даже себе самой.

– Я этого не знала.

– Скорее не потрудились узнать.

– Оставьте свои замечания при себе! В своей работе я разбираюсь лучше вас.

– Вот и я о том же. Давайте договоримся: я не делаю замечаний вам, но и вы не указываете, что должен делать проку-

пор! – Они уже не замечали, что ведут разговор на повышенных тонах, однако, когда их голоса зазвучали слишком громко, оба одновременно спохватились и испуганно посмотрели в сторону мужчин у стойки бара. Один из выпивох подмигнул и в приветственном жесте поднял низкий стакан с виски, давая понять, что болеет за Хантера.

Хантер быстро взглянул на Кари. Ему совсем не хотелось спорить с ней. Ему хотелось просто запустить пальцы в эту гриву светлых волос и прильнуть губами к жемчужине в изящном ухе.

– Ваши коллеги вряд ли обрадуются, если мы закроем зал суда для видеокамер, – спокойно обронил он.

– Значит, именно это вы угрожаете сделать, если я откажусь изображать вас рыцарем в светлых одеждах?

Он вздохнул. Все попытки дружеского убеждения, похоже, пошли прахом.

– Я сделаю это, если вы не перестанете изображать из подсудимого только жертву. Вы делаете это очень тонко, но, уверяю вас, никакие ухищрения вам не помогут.

– В сообразительности вам не откажешь. О да, вы прекрасно понимаете, что такое телевидение. Понимаете, что без картинки мой репортаж – ничто!

Его улыбка излучала очарование.

– Понимаю целиком и полностью.

Кари в раздражении отвернулась от него. Он открыто признавал, что не остановится ни перед чем, чтобы свести все

ее усилия на нет.

– Однажды вы уже пытались ввести запрет на видеокамеры. Однако судья ответил вам отказом.

– Полагаю, на сей раз он прислушается к моей просьбе более внимательно. Когда пресса начинает слишком рьяно гнуть в одну сторону, у защиты появляется отличный повод закатить скандал и возбудить ходатайство об отмене процесса ввиду нарушения принципа беспристрастности суда. Не думаю, что в интересах судьи отпустить убийцу на все четыре стороны, признав техническую ошибку в разбирательстве.

Кари отчаянно вцепилась в свою сумочку.

– Я тоже не хочу, чтобы убийца спокойно разгуливал по городским улицам, мистер Макки. – Она поднялась из-за стола. Следом за ней поднялся и Хантер.

– Так вы обещаете не доставлять мне беспокойства в зале суда?

– Неужели мой вид так сильно вас беспокоит?

Она слегка запрокинула голову, чтобы лучше видеть его лицо. Ей хотелось выглядеть дерзкой. У нее даже в мыслях не было флиртовать с ним. Однако, судя по возбуждению, вспыхнувшему в глазах прокурора, ее вопрос был воспринят совсем не так, как ей того хотелось. Теперь она отдала бы все на свете, лишь бы взять свои неосторожные слова назад.

– Да, беспокоит.

Голос Хантера Макки настораживал даже больше, чем взгляд его глаз. Голос низкий, сипловатый, чувственный...

Они стояли на значительном расстоянии друг от друга, однако ей казалось, что этот голос, проникая сквозь одежду, обволакивает все ее тело.

– Мне пора на работу, – быстро пробормотала Кари, недоумевая, почему учащается ее дыхание. – Ничего вам не обещаю, но все равно... Спасибо за воду.

Хантер смотрел ей вслед, раздумывая, удалось ли ему убедить эту упрямицу. Она выглядела по-прежнему чертовски непреклонной.

И чертовски желанной.

Кари в глубокой задумчивости сидела перед монтажной консолью, всерьез пытаясь разобраться в самой себе. Она уже дважды просмотрела «сырую» видеозапись, которую сделал для нее Майк. Придаться было не к чему: картинка получилась вполне нейтральной. Направленность репортажа будет зависеть только от голоса автора на звуковой дорожке. И главную роль при этом будет играть даже не что, а как она скажет.

Неизвестно, преднамеренно или нет, но Хантер Макки затронул чувствительную струну ее души, заставив остановиться и задуматься, все ли она делает правильно. Личные симпатии и антипатии не должны были иметь к ее работе никакого отношения. Личные переживания, какими бы сильными они ни были, – не повод, чтобы в ее репортажах появлялся перекосяк в ту или иную сторону.

К чему это может привести? Что она получит в итоге? Скорее всего дружное презрение со стороны остальных журналистов. До сих пор она пользовалась среди коллег заслуженным уважением. Так стоит ли, объявляя Хантеру Макки вендетту, рисковать своим добрым именем в мире прессы?

Не менее важно было и то, какие последствия эта вендетта будет иметь для нее как личности. Она знала, что отец вряд ли одобрил бы ее позицию в отношении прокурора. Что касается Пинки, так тот уже был разочарован ее поведением и не скрывал этого. Возможно ли, что все вокруг заблуждаются и только она одна права? Не случилось ли так, что она составила об этом человеке ошибочное мнение?

Взвесив все трезво, отбросив на время в сторону предубеждения и обиды, Кари пришла к выводу, что Макки просто выполнял свой служебный долг. Конечно, для нее он по-прежнему оставался негодяем. У нее по-прежнему вызывало омерзение то, как подло он использовал собранные улики против Томаса и как терроризировал на суде ее саму. Особенно оскорбляло ее то, как он разговаривал с ней, смотрел на нее, и то, как чувствовала она себя под этим взглядом.

Но – и это «но» имело существенное значение – в конечном счете она была лишь репортером, но никак не комментатором. Для Кари Стюарт профессиональная репутация значила так же много, как и для Хантера Макки. Так что же ей теперь делать? Только одно – быть беспристрастной.

Через час репортаж был отшлифован и полностью готов к эфиру. Передав свое творение продюсеру, Кари словно сбросила с плеч тяжелую ношу. Бодрым, упругим шагом она выбежала из здания, чтобы отправиться домой. Все переполнявшие ее чувства можно было описать одним-единственным словом: облегчение. То-то Макки обрадуется, поняв, что Кари наконец-то слезла с его шеи! Но и она сама радовалась тому, что освободилась от тяжелой обязанности чуть ли не ежедневно размазывать его по стенке.

Хантер в своей квартире по обыкновению смотрел вечерний выпуск теленовостей. У него перехватило дыхание, когда объявили очередной сюжет – репортаж Кари Стюарт из зала суда. И только через минуту, когда мелькнули последние кадры, он с облегчением выдохнул. В ее репортаже были только факты. Что же касается отношения к прокурору, то оно по сравнению с предыдущими репортажами значительно смягчилось.

«Слава тебе, господи», – воздал он молчаливую хвалу небесам. Наконец-то все эти дразги позади. Отныне ему не о чем беспокоиться.

На следующее утро, едва войдя в зал судебных заседаний, прокурор начал выискивать из множества лиц одно, которое было для него дороже всех на свете. Вскоре напряженные поиски увенчались успехом: он увидел ее. В отличие от предыдущих дней сегодня она не гоняла своего оператора вперед, создавая суматоху в рядах зрителей.

На сей раз репортер и оператор мирно беседовали. Кари сидела тихо, держа на коленях блокнот. Должно быть, напарник только что сказал ей что-то смешное. Откинув белокурые волосы назад, она мягко рассмеялась.

Хантер сразу услышал этот негромкий смех. Проходя мимо ряда, в котором сидела Кари, он украдкой посмотрел на нее. Его взгляд упал на изящную ногу, обтянутую шелковым чулком. Сегодня Кари была в строгом зеленом платье, но выглядела очень сексуально. В эту секунду она обернулась, чтобы переброситься парой фраз с другим репортером, сидевшим сзади. Ее грудь под платьем четко обозначилась.

Заняв свое место за столом обвинения, Хантер Макки посмотрел на часы на задней стене зала. На его руке были очень точные часы, однако сейчас он отдал предпочтение «официальным» настенным, поскольку под этим предлогом он мог оглядываться назад, сколько заблагорассудится. Словно по уговору, Хантер встретился взглядом с Кари.

В ее глазах читалось любопытство. Казалось, они молчаливо спрашивали, видел ли он ее репортаж во вчерашнем вечернем выпуске. Потупив взгляд, он коротко кивнул и, отвернувшись, стал смотреть прямо перед собой.

«Дьявольщина!» – выругался про себя Хантер. Впереди нелегкая битва в суде, а его ум занят неизвестно чем. Ему о деле думать надо, а не о том, что пульсирует у него между бедрами!

Нет, с этой юношеской влюбленностью пора завязывать!

И дело тут не только в неудобствах чисто физического свойства. Так и до настоящей беды недалеко. Пока Кари Стюарт открыто атаковала его, не стесняясь в выражениях, он жил как на вулкане, зато держал свои чувства в узде. До сих пор она не давала ему расслабиться. Но теперь... Кари кроткая, Кари приветливая – это такая опасность, против которой он абсолютно беззащитен. Если так пойдет и дальше, то ему ни за что не сосредоточиться на стоящей перед ним задаче, от которой зависит вся его дальнейшая карьера.

Как только судья вошел в зал и опустился в кресло, Хантер Макки быстро вскочил из-за своего стола.

– Ваша честь, – вкрадчиво произнес он, – я прошу вашего согласия на то, чтобы зал суда был очищен от всего, что может составить помеху правосудию. В первую очередь от видеокамер.

Не веря своим ушам, Кари тихо охнула.

– Ну и сволочь, – еле слышно прошептала она, только сейчас поняв, как ловко ее обвели вокруг пальца. А ведь он казался ей таким честным, таким искренним... Жизнь еще раз подтвердила, что он беспринципный, расчетливый человек.

Просмотрев ее материал на одном из редакционных мониторов, Пинки задумчиво потер переносицу.

– Ну ты, милая, и наворотила. Семь верст до небес. Черт знает что!

После коротких дебатов, последовавших за запросом

Макки, судья вынес решение в его пользу. К великому неудовольствию всех телерепортеров, операторы с камерами вынуждены были покинуть зал. Судья милостиво согласился оставить художников-скетчистов, чтобы корреспонденты имели хоть какую-то картинку к своим сообщениям.

В репортаже Кари явственно прослеживался намек на то, что введенный усилиями Макки запрет на видеокамеры в зале суда был направлен на то, чтобы держать общественность в неведении о собственных интригах.

– Но не станешь же ты утверждать, что сказанное мною – клевета!

– Если и не клевета, то очень близко к ней. – Пинки раздраженно одернул на себе засаленную курточку. – Знаешь, Кари, я, наверное, скоро устану.

– От чего?

– От твоих детских игр!

– Но это не игры!

– Называй это как хочешь, но то, что ты делаешь, недостойно профессионала. От твоего творчества за версту разит бульварщиной, причем такого рода, что даже мне ее переварить не под силу. Так что ты уж извини меня.

Услышать такое от Пинки, давнего друга и союзника! Это было равносильно пощечине.

– Что ж, очень жаль, что ты видишь все в таком свете.

– Мне тоже. – Пинки устало побрел к выходу. – Мне просто тошно. Так тошно, что я, наверное, даже попрошу Бонни

напиться со мной на пару. – Шаркая ногами, он вышел из редакции.

Никогда еще Кари не было так одиноко. В машине по пути домой она думала о том, почему ее душу наполняет сейчас не радость, а смертная тоска. Она снова загнала Макки в угол, однако эту победу было не с кем отпраздновать, а потому не было и радости.

Повернув ключ в скважине, она вошла в свою квартиру, привычным движением включила свет и бросила сумочку на стул. И вдруг испуганно замерла на месте.

В глубине комнаты, в кресле-качалке, сидел Хантер Макки. Его глаза цвета мха выражали глубокое удовлетворение. Очевидно, он радовался тому, что дичь так легко попалась в расставленные им силки.

Его пиджак валялся на диване, жилет был расстегнут на груди, две верхние пуговицы сорочки тоже были расстегнуты. Узел галстука ослаблен, рукава закатаны до локтя. Вся его поза указывала на то, что он давно поджидает ее. В руке прокурор держал стакан с недопитым виски. Волосы на его голове казались взъерошенными сильнее обычного.

Не спуская с нее глаз, Хантер Макки поднялся из кресла. Допив виски, он аккуратно поставил стакан на журнальный столик. И двинулся к ней, ловко огибая по пути мебель.

– Как вы попали сюда? – спросила Кари немеющим от страха языком. Решительно выпяченная челюсть Хантера, мощь его тела повергли ее в паническое состояние. Он бук-

важно олицетворял собой мужской гнев, достигший такой степени, когда простые увещевания уже не помогают.

– У меня степень магистра по криминалистике.

– Но охранная система...

– Отключил.

– Неужели такая кондовая?

– Нет, довольно хитрая.

– Но вы же отключили...

– Да, отключил. А потом опять включил.

Он стоял близко от нее. Слишком близко. Она ощущала жар его тела; ее лицо и шею обдавало дыхание, сдобренное густым запахом виски; в ноздри бил терпкий цитрусовый аромат одеколona. Ее сердце быстро застучало, словно побежало куда-то, сорвавшись с места.

– Что вам здесь надо, мистер Макки?

– Как-то суховато вы со мной обращаетесь. Вам не кажется? Ведь вы так ненавидите меня, что, наверное, чуть ли не ежеминутно мысленно произносите мое имя. Отчего бы вам в таком случае не называть меня по имени и сейчас? Ну же, попробуй. Вот видишь? Я не боюсь разговаривать так с тобой. – Он злобно цедил слова сквозь зубы. В нем было столько злобы, что она слегка отшатнулась.

Ни одного мужчину она не видела столь разгневанным. На виске у него вздулась и пульсировала вена. Он только что назвался специалистом по криминалистике. Так, может, он знает, как безнаказанно совершить преступление? Холод-

ное, расчетливое убийство, которое никто не раскроет...

Однако главную тревогу внушало не то, что он мог совершить с ней физически. В его словах звучала какая-то другая, совершенно ей неведомая угроза.

– Произнеси вслух мое имя, Кари, – прошептал он, двигаясь ближе.

– Нет.

Он заставил непокорную посмотреть себе в глаза, грубо схватив ее за подбородок. Большой палец придавил ее нижнюю губу.

– Мое имя. Назови его.

Эти слова были произнесены подчеркнуто спокойно, однако в голосе его звенел металл. Впечатление усиливалось от его огненного взгляда. Он снова нажал пальцем на ее губу.

– Хантер, – испуганно выдохнула она.

– Еще раз.

– Хантер, – повторила она. Его глаза внимательно следили за шевелящимися губами испуганной женщины. Казалось, он и не собирался отпускать ее подбородок. Однако пальцы внезапно разжались, и Хантер Макки на шаг отступил от нее.

Голова у Кари шла кругом. Она презирала и ненавидела себя за то, что подчинилась его грубой силе, но в то же время не хотела показать, что ему удалось сломить ее.

– Ну вот, я произнесла твое имя. Это все, что ты хотел?

– Нет, еще больше я хотел отшлепать тебя по заднице. – Он упер руки в бока. – Хорошенький репортажик ты пере-

дала сегодня вечером. Ну что, горда собой?

– Еще как! В особенности после финта, который ты разыграл со мной.

– Финта? Какого еще финта?

От этой неуклюжей попытки изобразить из себя невинного агнца кровь бросилась ей в голову.

– Но ты же заставил меня поверить в то, что, если я умерю тон своих репортажей, телеоператоры не будут удалены из зала! Или я разговаривала с кем-то другим?

– Моя просьба очистить от них зал никак не связана с нашим вчерашним разговором.

– Неужто? Значит, вовсе не из-за меня ты попросил судью вытолкать их взащей?

– Вообще-то из-за тебя. Но совсем не по той причине, о которой ты думаешь.

– А разве может быть другая причина?

«Может! – подмывало его завопить во всю глотку. – Из-за тебя я становлюсь похотливой скотиной!» Однако он предпочел более тонкий ход, переложив вину с больной головы на здоровую.

– Давай-ка разберемся в этом деле до конца, чтобы больше не было никаких неясностей. И определим, кто кому и сколько должен. Вот уже несколько месяцев ты травишь меня за то, что я застукал твоего муженька, запустившего лапу в общественную кассу. Но не моя вина, что именно я застукал его.

– Он не был виновен!

– Его вины хватит на всех грешников в аду. Кстати, у него на счету не одно это дельце.

Прищурившись, она набрала полные легкие воздуха.

– Я знаю, почему ты дискредитировал его заодно с другими.

– Он сам себя дискредитировал.

– Потому что он возражал против твоего назначения!

Это неожиданное откровение застало его врасплох. Он открыл рот, но не смог вымолвить ни слова. Наконец прокурор пробормотал:

– Кто тебе это сказал?

– Сайлас Варне, – торжествующе поведала Кари.

– Ты разговаривала обо мне с бывшим окружным прокурором? Когда?

– Я позвонила ему сразу после нашей первой встречи. Мне показались невероятными твои обвинения против Томаса. К тому же у меня сложилось впечатление, что за этими обвинениями стоят совсем не те мотивы, которые ты мне назвал. Ты сам признал, что приехал в наш город из Сент-Луиса, потому что не мог там достаточно быстро продвинуться вверх по служебной лестнице. Я и подумала, что тебе не терпится скакнуть вверх, а громкое дело Томаса использовать в качестве трамплина. Поэтому я и позвонила мистеру Барнсу, чтобы узнать его мнение о тебе.

– И что же он тебе наплел?

– О, можешь быть спокоен. Для него ты пай-мальчик с шелковыми кудряшками. Старик заявил, что, даже если бы на него работала целая армия молодых блестящих юристов, он все равно остановил бы выбор на тебе как на своем преемнике. Но! – воздела она руку, когда Хантер попытался перебить ее. – Но он сказал также, что именно Томас выступил против твоей кандидатуры. Конечно, это было сказано конфиденциально, однако Томас не стал делать секрета из своей позиции, и вскоре весь городской совет знал о том, что, по его мнению, ты опасно честолюбив.

Хантер обескураженно затряс головой и запустил пальцы в шевелюру.

– Если ты думаешь, что я решил отомстить Уинну за то, что пришелся ему не по вкусу, знай: ты глубоко заблуждаешься. Я ни сном ни духом не ведал, что он имеет что-то против меня.

Она презрительно фыркнула:

– И ты думаешь, я тебе поверю?

– Нет, не думаю, – зло выпалил он. – Ты сотворила из Томаса Уинна кумира и надела на глаза шоры, лишь бы не знать о нем правды. А спросила ли ты Барнса, что он думает о моих обвинениях в адрес Уинна?

В ответ Кари высокомерно вскинула голову.

– Естественно, он оказался с тобой заодно.

– Боже правый! – хлопнул он себя в отчаянии по бедрам. – Истина лежит перед тобой как на ладони, а ты отказываешь-

ся замечать ее. А ведь как все просто: преступник – именно твой муж, а не я.

Ее передернуло от острой ненависти.

– Господи, до чего я презираю тебя! Ты проныра...

– Я всего лишь проникателен.

– И ловкач.

– Я просто не зеваю по сторонам.

– И еще честолюбив без меры.

– Честолюбие – не порок.

– Ты – кровожадный гонитель!

– А ты – мстительная сучка.

– Я выполняю свой долг!

– А я – свой!

Хантер даже не заметил, как сжал ее в объятиях. Он опомнился, лишь когда почувствовал жаркое прикосновение ее тела. Опустив взгляд, он сквозь красную пелену бешенства увидел собственные руки, вцепившиеся в хрупкие женские плечи.

И внезапно ощутил ее всю, целиком. Ее груди прижимались к его ребрам, живот мягко уступал напору возбужденного столба, бедра соприкасались с бедрами.

Разозленная, она выглядела особенно красивой. В полумраке комнаты ее глаза казались невероятно большими и темно-зелеными. Кари шумно дышала, ее влажные губы были приоткрыты.

Не раздумывая ни секунды, он склонился и приник к ее

губам. Сильные руки обвили Кари и неумолимо прижали к сильному, мускулистому телу.

Его ищущий рот раздвинул губы женщины, и язык пробежал по ровному ряду ее зубов, вызвав у нее возмущенный стон. Тем не менее Хантер продолжал целовать ее яростно и страстно, пока она, задыхаясь, не открыла рот. И тогда его язык проник внутрь.

Это было неприкрытое насилие. Оно переходило всякие границы. И это было прекрасно. Его язык между тем продолжал действовать с прежней яростью, пока тело ее не ослабилось, став совсем податливым.

Поначалу Кари была слишком ошарашена, чтобы пошевелить даже пальцем. Однако затем, попытавшись сопротивляться, поняла, что не сможет противостоять его силе. Каким же подлецом надо быть, чтобы обходиться с ней так грубо и нагло! Она ненавидела его, но еще сильнее она ненавидела саму себя.

Потому что этот поцелуй начинал ей нравиться.

Да и могла ли она обвинить его в жестокости теперь, когда этот язык ласкал ее? Его губы по-прежнему были словно приклеены к ее рту, но язык больше не был грубым и жестким. Напротив, он стал бархатисто-нежным, и движения его были не злобными и беспорядочными, а осторожными и убеждающими. Перед этой сладкой агрессией вот-вот должен был пасть последний бастион.

Самисобой руки Кари обвили вокруг того, кто столь

бесцеремонно пленил ее. Почувствовав жесткий холм, упирившийся вершиной в ее живот, она внезапно осознала, что ее воля к сопротивлению окончательно сломлена. Ее увлажнившаяся плоть сладко ныла, набрякшие груди пылали от жажды любви. Ею овладело сумасбродное желание почувствовать прикосновение его губ к своим затвердевшим соскам.

Хантер поцеловал молодую женщину еще раз, дразняще лаская ее язык. Низ ее живота еще раз ощутил прикосновение твердого бедра. Потом он постепенно отстранился. Его рот долго не хотел расставаться с ней, оставляя на ее распухших губах последние нежные, легкие поцелуи. Однако потом и они исчезли. Хантер Макки отступил на шаг, на сей раз окончательно.

Теперь он стоял не шевелясь, глядя на нее сверху вниз. Ей же хотелось провалиться сквозь землю. «Я не ответила ему, – пыталась убедить себя Кари. – Не ответила! А если все-таки ответила? В таком случае лучше не жить». Пересилив себя, она подняла на него глаза.

– Так в чем же моя вина? Скажи, Кари. В том, что я дискредитировал Томаса? Или в том, что ты потеряла ребенка? В том, что хочу тебя? Или возбуждаю в тебе ответное желание?

Хантер взял с дивана свой пиджак. В дверях он обернулся.
– Очень скоро ты разберешься, почему не выносишь меня.

Он ушел.

Войдя в свою темную квартиру, Хантер направился напрямиком к телефону. Долго же он терпел. Но сегодня вечером он наконец поцеловал Кари Стюарт. Поцеловал по-настоящему! Это событие все в нем перевернуло. Отныне в его душе не оставалось сомнений. Он набрал код другого города, потом телефонный номер. После третьего гудка в трубке прозвучал женский голос.

– Здравствуй, Пэм. Это я, Хантер. Ты права, я действительно вел себя, как осел. Я дам тебе развод.

Глава 7

Он решил провести день выборов дома.

Он понимал, что с ним творится что-то неладное. Он, сто-процентный американец, предпочел оживленной толпе одиночество. Предпочел смотреть по телевизору вечерний выпуск новостей вместо того, чтобы веселиться на вечеринке.

Он уселся перед телевизором, уставившись в экран, как извращенец, вознамерившийся насладиться порнофильмом. Зачарованный, он смотрел на нее. Ее слова, интонации, выражение лица, жесты, – все это было ему знакомым и бесконечно близким. Теперь его повсюду, как наваждение, преследовал цветочный аромат ее волос. Подушечки его пальцев помнили ее нежную кожу. Его языку был памятен вкус ее рта. Он бесконечно жаждал ее.

А она, по ее словам, не чувствовала к нему ничего, кроме презрения.

Но что, если бы они встретились при совсем других обстоятельствах? Что, если бы он познакомился с ней года через два после гибели Уинна? Или если Уинна не существовало бы вовсе? Наверняка все сложилось бы иначе. Они с первого взгляда понравились бы друг другу. Мир фантазий тем и хорош, что в нем нет ничего невозможного. Не так ли?

В своих мечтах он уже несколько раз приглашал ее поужинать. Они говорили о работе, последних событиях, книгах

и кинофильмах. Он всю использовал свой арсенал шуток, и она находила его очень забавным. И внезапно оба обнаружили, что у них удивительно много общего.

И вот как-то раз она приглашает его на чашку кофе и весь вечер улыбается ему приветливо и загадочно. И когда он пытается обнять ее, охотно припадает к нему, словно только того и ждала. Ее губы послушно раскрываются под напором его губ. Да-да, она жаждет его поцелуев, его ласки. Почти требует их!

– Я не хочу ничего утаивать от тебя. Я был женат...

– Был? – Копна белокурых волос рассыпается в его руках – Кари вопросительно запрокидывает голову. Его губы соскальзывают с ее подбородка на тонкую шею, теплую от возбуждения.

– Я разведен. – Его ладонь ощущает восхитительную упругость женской груди. Большой палец нащупывает трепетный сосок, и губы сами собой шепчут ее имя. – Я давно уже живу совсем один. С тех пор как встретил тебя... Еще ни одна женщина не заставляла меня чувствовать то, что я чувствую, видя тебя. Ты нужна мне, Кари. Мне нужны твои нежность, мягкость, женственность. Без тебя моя жизнь лишена смысла. Прошу, позволь мне любить тебя.

Тонкая ладошка сжимает его пальцы. Рука об руку они идут в спальню и там...

Телефонный звонок прогремел так резко, что Хан-тер даже подпрыгнул от неожиданности. Схватив трубку, он бурк-

нул:

– Макки слушает.

– Неправильно! Надо говорить: окружной прокурор у провода! – Гай орал во всю глотку, стараясь перекрыть шум и гам в помещении, откуда звонил. – Поздравляю с победой! В общем-то, в ней никто и не сомневался, но только что объявили окончательные результаты. Ну вот, свершилось! Короче говоря, с этого момента ты у нас окружной прокурор. Официально!

– Спасибо, что сообщил. Теперь буду знать.

– Ну и везунчик же ты! Вся неделя – сплошные победы. Сначала обвинительный приговор мальчишке, угробившему своего папочку. Теперь победа на выборах...

Нельзя было сказать, что, упрятав шестнадцатилетнего подростка в камеру смертников, Хантер готов был прыгать от радости. Однако ликование Гая было настолько искренним, что он не нашел в себе сил осадить младшего партнера.

– Ладно, ладно, спасибо... Тебе и всем, кто помогал мне.

– А отметить? Неужели такая победа – и без выпивки? Поверить не могу! Так нам ждать тебя?

– Нет.

– Ты что, серьезно? Ты это брось, Макки, вся компания уже в сборе! Не знаю точно, чья это квартира, но тут есть все, что душе угодно: керосину – хоть залейся, жратвы – навалом, к тому же... – Гай перешел на заговорщический шепот: – Мэрилин из офиса податного инспектора знаешь? Ну

ту самую, у которой груди, как атомные бомбы? Так вот, очень, между прочим, интересуется, когда ты к нам пожалуешь. Весь вечер об одном тебе вздыхает. Надеюсь, дальше объяснять не надо?

Хантер сразу же вспомнил длинноногую рыжеволосую девушку, равнодушную к облегающим свитерам, и тут же испытал острый прилив желания. Впрочем, он не мог наверняка сказать, чем именно вызвана эта мгновенная вспышка – остатками эротических фантазий о Кари или мыслью о Мэрилин из инспекторской конторы.

– Даже не знаю, Гай, – нерешительно промямлил он.

– Ну и дурак! Такую возможность упускаешь! Завтра утром волосы на себе рвать будешь, да уж поздно! А ведь это такая штука, доложу я тебе. Пальчики оближешь!

Хантер невольно рассмеялся.

– От тебя просто так не отвяжешься. Ладно, уговорил.

А почему бы, собственно, и нет? Кто знает, может быть, сейчас именно это ему и нужно – быстрое и грубое совокупление с заикленной на сексе особой, готовой лечь под тебя по первой команде. Хочешь выкинуть женщину из головы – заведи шашни с другой. Способ испытанный, лучшего еще никто не придумал.

– Адрес какой?

Гай тут же продиктовал название улицы и номер дома.

– Если Мэрилин уже устала и хочет, чтобы ее подвезли домой, – многозначительно произнес Хантер, – то пусть спус-

кается. Через десять минут я за ней подъеду.

– Сигнал принят! – В голосе Гая послышалась ухмылка. – Ей уже хочется домой, гарантирую тебе.

Без лишних раздумий Хантер схватил куртку, ключи от машины и выскочил на улицу. Мэрилин, действительно не обделенная природой, дисциплинированно ждала его на тротуаре, как ей и было сказано. Ну и времечко наступило – добыча сама шла ему в руки! И где только были девчонки вроде этой Мэрилин, когда он учился в старших классах школы?

– Привет, – проворковала она, открыв дверцу с правой стороны машины и мягко опускаясь на сиденье.

– Привет.

На ней, как всегда, был «фирменный» свитер. Из таких состоял, наверное, ведь ее гардероб. Насколько можно было судить, под свитером ничего не было. Она была наглядное пособие по женской анатомии. От нее за версту разило приторно-сладкими духами, и это почему-то вызвало в его мозгу не слишком приятную ассоциацию со сценкой из какого-то французского фильма, дешевого и похабного.

– Чудесно, что ты предложил подвезти меня. Вечеринка выдалась просто чудесной, жаль только, именинника не было. – Она игриво подмигнула ему, чтобы он не воспринял ее упрек всерьез. – Да тут еще мальчишки под конец совсем расшалились, так что ты очень вовремя. Для меня это чудесная возможность унести отсюда ноги.

Он с раздражением подумал о том, есть ли в словарном

запасе этой девицы хоть еще одно прилагательное, помимо слова «чудесный». Раздражение усиливалось оттого, что он по правилам игры тоже должен был ломать комедию. Притворяться, нести околесицу... Тьфу! Уж лучше бы сказала прямо: «Ты тащишь меня в постель, и я очень этому рада. Понимаю, тебе нужно очистить мозги от воспоминаний о другой женщине. Ты выбрал отличное средство, поддерживаю и одобряю!»

А он бы тогда ответил: «Ты честная девчонка, Мэ-рилин, и я очень ценю твою прямоту. Думаю, ты и в самом деле понимаешь, что мне требуется: раз-два, туда-сюда – и в дамках. В общем, как на сеновале. Никаких чувств, никаких разговоров. Поиграем – и в разные стороны. Надеюсь на твой богатый опыт. Слышал о тебе самые лестные отзывы».

Однако ничего такого Хантер не сказал. Вместо этого, вежливо улыбнувшись, он кратко осведомился:

– Куда едем?

Отчего-то указывать дорогу к своему дому ей оказалось удобнее, прилипнув всем телом к водителю. Легендарная грудь уперлась ему в плечо. С милой непосредственностью положив руку на бедро Хантера, Мэ-рилин начала медленно его поглаживать.

Однако ничего, кроме холодка неприязни, Хантер не испытал. Эта неприязнь к ней росла в нем с каждой минутой, хотя он и сознавал, что его спутница совершенно не заслуживает такого к себе отношения. И все же ему почему-то реши-

тельно не нравились ни ее глаза, ни цвет волос. Роскошное тело женщины вовсе не казалось теперь таким уж соблазнительным и желанным. Напротив, оно выглядело непристойно, уж слишком чувственно, слишком зовуще. Хорошего никогда не должно быть сверх меры.

Женский силуэт должен быть мягче, фигура – более пропорциональной. Главное – правильное соотношение хрупкости и женственности. Плюс непокорные белокурые волосы и зеленые глаза. Вот что в его вкусе.

В его вкусе была Кари Стюарт.

И ему хотелось, чтобы именно ее рука подбиралась сейчас к «молнии» его брюк. Стоило только представить себе, что это она заигрывает с ним сейчас, и индикатор его желания пришел в движение.

– М-м-м, – оценивающе замычала Мэрилин, сжав пальцы.

Через несколько минут Хантер притормозил у дома, где она жила. Обходя машину, чтобы открыть дверцу и выпустить Мэрилин, он сделал несколько глубоких вдохов, очищая легкие от едких парфюмерных паров. Только сейчас он понял, до чего ему противен этот запах.

Утонченность была явно не по части Мэрилин, зато живости ей было не занимать. Вылезая из машины, она всего за несколько секунд умудрилась еще раз притиснуться бюстом к груди Хантера, словно невзначай провести тыльной стороной ладони по его паху и напоследок легонько ухватить губами за мочку уха.

– Я живу здесь с подружкой, но сегодня она ушла на ночь, – промурлыкала Мэрилин тоном заправской обольстительницы и, многообещающе покачивая крутыми бедрами, двинулась к входной двери.

Хантер был готов убить самого себя. Что с ним происходит? Почему он не хочет ее? Почему его не испепеляет огонь страсти?

Пытаясь доказать самому себе, что любовь к другой женщине еще не окончательно завладела его рассудком, Хантер поймал Мэрилин за руку, резко рванул к себе и отчаянно впился в ее губы. Поначалу не поняв, в чем дело, а потому испугавшись, она, впрочем, уже через секунду пришла в себя и ответила ему.

Ее рот был расслабленным и мокрым, а пальцы казались пауками, суетливо ползающими по его телу. Поцелуй получился не страстным, а скорее отталкивающим. Стараясь не выдать своего отвращения, он с трудом оторвался от слюнявых губ «женщины-вамп», которые по цепкости могли поспорить с присосками осьминога. Им владело почти непреодолимое желание утереться. Прямо у нее на глазах.

– Поздновато уже, а завтра с утра на работу, – выдавил он из себя, сгорая от стыда.

Лицо Мэрилин опрокинулось, словно превратившись в маску – театральный символ трагедии.

– Так ты не зайдешь? – жалобно протянула она. – А я-то думала, ты заглянешь ко мне на минутку выпить или... э-э-

э... еще чего-нибудь.

Заставив себя бесшабашно улыбнуться, он произнес шутливым тоном:

– Не слишком ли много для первой встречи?

– А-а... Ну что ж... – Судя по всему, Мэрилин не подозревала, что существует определенный этикет знакомства мужчины и женщины. Эта идея была абсолютна чужда ее натуре. – Так ты позвони мне как-нибудь. – Она сделала шаг вперед и нежно положила свою руку ему на грудь. – Может, со второй встречи получится?

Однако Хантер не торопился брать на себя какие-либо обязательства. Мягко потрепав ее по подбородку, он попросился:

– Спокойной ночи.

Сама поймет, если не дура. Хотя и он тоже хорош. Хантер презирал себя за то, что обошелся с Мэрилин, как последний подонок. И дело было вовсе не в том, что она не вполне соответствовала его идеалу нравственности. Она была прежде всего женщиной, а с женщинами Хантер никогда не вел себя по-хамски. В сложившейся ситуации Мэрилин была невинной жертвой. А он – просто подлецом.

Сидя за рулем, Хантер чувствовал себя кретином. Да его все на смех поднимут, стоит только кому-нибудь пронюхать, что здесь произошло. Впрочем, Мэрилин вряд ли станет трепаться об этом на каждом углу. Такая скорее умрет, чем признается, что не смогла затащить мужика к себе в постель.

Но почему, интересно, он не позволил ей этого сделать?

Да потому, что знал, что ни к чему хорошему это не приведет. Можно только представить, что он почувствовал бы, проснувшись утром в чужой постели. Ничего, кроме омерзения к самому себе. А желание так и осталось бы неутоленным. Обладание телом Мэрилин не принесло бы ему облегчения. Другая женщина по-прежнему занимала бы все его мысли, только в сердце вдобавок поселилась бы гнетущая пустота.

Ему не нужен был секс с красоткой Мэрилин. Ему нужна была любовь с Кари.

– Просто потрясающий обед, Кари. Скажи, а откуда тебе известно, что сегодня мой день рождения?

– Разведала по собственным каналам. – Она улыбалась, глядя, как Майк Гонсалес уписывает за обе щеки толстый бифштекс. Из всего обширного меню он выбрал то, что было ему лучше всего знакомо. Обед в одном из лучших ресторанов Денвера был для него настоящим праздником. В семье Майка недавно родился ребенок, и на тощую зарплату оператора им едва удавалось сводить концы с концами. – Как чувствуют себя Бекки с малышом?

– Вроде ничего, – беззаботно пробубнил он с набитым ртом. – Правда, Бекки как бы малость не в себе. Но моя матушка предупредила меня, чтобы я был к этому готов. – Майк добродушно рассмеялся. – Сама понимаешь: подгуз-

нички, бутылочки, потничка... Тут кто хочешь умом тронется. Так что легкие припадки бешенства со стороны благоверной меня не слишком беспокоят.

– Понимаю, – рассеянно заметила Кари, ковыряя вилкой крабовый салат. Любое напоминание о младенцах неизменно вызывало в ее душе боль. С этой болью она, наверное, обречена жить до конца своих дней. Если бы ее беременность не прервалась столь трагически, то сейчас у нее...

– Не смотри туда – твой мучитель вошел, – прошептал Майк. Он сидел лицом к двери и видел всех входящих.

Конечно, она сразу же обернулась и увидела, как за стол в противоположном конце зала усаживался Хан-тер Макки в компании уважаемых людей из правительства города и округа.

Должно быть, он каким-то особым чутьем уловил ее присутствие. Взгляд его серо-зеленых глаз тут же уперся в Кари. Прошло уже несколько недель с тех пор, как они виделись в последний раз, и теперь оба напряженно застыли, глядя друг на друга. Приветствуя ее еле заметным кивком, он сел за стол вслед за остальными. Кари, почувствовав неловкость от того, что так долго на него смотрела, отвела глаза.

Она была по-настоящему взволнована и, осознавая это, кляла себя за то, что каждый раз приходит в такое волнение, едва завидев этого человека. Ну почему в его присутствии она всякий раз чувствует себя, как кролик перед удавом? Неужели у нее не хватает воли противиться этому? Лег-

ко сказать... Перед таким красавчиком то же самое испытывает, должно быть, любая другая женщина.

Серый костюм, как обычно, идеально сидел на нем, волосы были слегка взъерошены ветром. Она знала, что, оказавшись к нему поближе, наверняка почувствовала бы запах дорогого одеколona и дуновение свежего воздуха.

В жизни ей встречалось немало по-настоящему красивых мужчин. Однако ни один из них не заставлял ее сердце замирать от волнения.

Нет, секрет ее душевного смятения, очевидно, заключался в другом. Его взгляд, вот что смущало ее. Он смотрел на нее совсем не как на врага, словно между ними никогда не было яростных стычек. И его красивые губы вовсе не кривились в злорадной, насмешливой ухмылке.

Он смотрел на нее, как на женщину, с которой был очень близок. Казалось, он знает о ней что-то важное, будто их связывает какая-то тайна.

И был абсолютно прав. Потому что иначе как близостью нельзя было назвать то, что произошло между ними в ту памятную ночь в ее доме. Ее губы до сих пор явственно помнили поцелуй Хантера Макки. Да, это была близость! Она ненавидела его за то, что он навязал ей свой поцелуй, однако еще больше ненавидела себя. За то, что ее память сохранила этот случай в мельчайших подробностях.

За время, прошедшее с той ночи, Кари не раз ловила себя на том, что предается воспоминаниям об этом необычном

поцелуе.

Сейчас, поднимая бокал с вином, она заметила, как дрожит ее рука. Лицо ее стало мертвенно-бледным, глаза горели безумным огнем. Она словно наяву ощущала напор его требовательных губ. Язык его безжалостно проникал в ее рот. И жесткие линии его тела будто отпечатались на ее теле. Ей так хотелось забыть об этом ужасе, но ничего не получалось. Память нельзя уничтожить.

– Боже правый, Кари, – испуганно пробормотал Майк, заметив, как изменилось ее лицо. – Если его присутствие так действует на тебя, то давай-ка лучше уйдем отсюда. – И он с сожалением посмотрел на недоеденный бифштекс.

Однако она, тряхнув головой, бросила на своего старого друга взгляд, исполненный наигранной бодрости.

– Ерунда! Ведь это твой день. Еще вина хочешь?

– Ну смотри, а то ведь я, чего доброго, не смогу сегодня поймать тебя в фокус, – усмехнулся Майк, поднимая свой бокал.

– Можешь не беспокоиться, – невольно выдала она подспудно владевшую ею мысль. – Я давно уже не в фокусе. – При этом Кари имела в виду отнюдь не видеокамеру Майка.

Окончив трапезу, Кари подписала и отдала официанту банковский чек, а затем корреспондентка и оператор направились к выходу. Когда они проходили мимо стола, за которым сидел Хантер, тот, положив салфетку рядом с тарелкой, неожиданно встал.

– Здравствуйте, Кари.

Его глаза за стеклами очков смотрели с тем самым напряженным вниманием, которое неизменно выбивало ее из колеи. Она вдруг почувствовала, что ей что-то угрожает, и ощетибилась, как дикобраз.

– Ах, это вы, господин окружной прокурор? Еще не видела вас после выборов. Очевидно, я должна поздравить вас?

– Спасибо.

– Не стоит благодарности. Вы долго и упорно боролись за свой пост. Вот только интересно, не мучат вас угрызения совести, когда вы убиваете детей?

Те, кто услышал эту фразу, замерли с открытыми ртами. Подобные немые сцены возникают обычно, когда в приличном обществе кто-нибудь откалывает нечто непристойное. Кроме Хантера, никто здесь не знал о ее выкидыше. А потому все подумали, что Кари Стюарт имеет в виду недавний процесс, завершившийся вынесением смертного приговора шестнадцатилетнему подростку. С тех пор она не раз выступала по телевидению с резкими протестами против этого вердикта, подчеркивая, что выражает свою принципиальную позицию.

Даже с учетом этого ее дерзость переходила всякие границы и никак не согласовывалась с правилами журналистской этики. Будь Кари мужчиной, Хантер с удовольствием нанес бы ей сейчас прямой удар в челюсть. По его виду можно было сказать, что как раз это он и собирается сделать. Взгляд

прокурора стал жестким, тело напряглось, губы сжались.

Не подав виду, что она напугана столь очевидным выражением гнева, Кари ограничилась холодным кивком и со словами «прощайте, джентльмены», двинулась дальше. Майк, смущенный и оробевший, поплелся следом. Он-то понимал, когда все это дойдет до Пинки, несдобровать им обоим.

Однако это было бы еще полбеды. К сожалению, первым узнал об инциденте управляющий телестанцией. Ему в тот же день позвонил один из коллег Хантера, и вскоре после этого звонка в главную редакцию явился гонец с известием о том, что босс вызывает Пинки и Кари на ковер.

– Ты хоть догадываешься, зачем мы понадобились ему? – спросил у нее Пинки, с пыхтеньем поднимаясь на второй этаж, где в отличие от прокуренной и шумной редакции всегда царили зловещие чистота и порядок.

После того проклятого похода в ресторан ей было так плохо, как не бывало еще ни разу в жизни. Она не узнавала саму себя. Та Кари Стюарт, которой она когда-то была, ни за что не позволила бы себе быть такой грубой сволочью ни с одним человеком, будь он даже ее злейшим врагом.

Что же с ней творится? Каждый день будто уносил с собой частичку ее существа. Она теряла саму себя, теряла безвозвратно. Так скоро от нее вообще ничего не останется, и она превратится в кого-то другого, незнакомого, неузнаваемого. От этой мысли по коже пробежал озноб.

И почему она только не послушала Пинки? А ведь он был

прав. Вступив на путь разрушения, Кари разрушала и себя как личность.

– Да, Пинки, я догадываюсь, зачем мы ему понадобились, – тихо ответила она.

Остановившись, Пинки взгляделся в ее лицо.

– Давай выкладывай. Если уж суждено получить по шее, то лучше быть к этому готовым.

Едва Кари закончила описание ресторанного инцидента, из уст Пинки полился поток грязной брани. Эта разгневанная речь позволила ей значительно расширить познания в сфере ненормативной лексики.

– И каким только местом ты думала! – проорал наконец ее непосредственный начальник. В подобных излияниях он действительно отличался непосредственностью.

Съезжившись от страха, она жалко пролепетала:

– Ничего я не думала, я просто...

– Не нужно оправданий! Они понадобятся тебе через минуту, – прорычал Пинки подобно голодному льву. Всю оставшуюся дорогу до кабинета управляющего он за руку волок ее за собой.

Секретарша ввела их в святая святых телестанции и тут же неслышно выскользнула за дверь. За столом их ожидал не только управляющий. Вместе с ним сидели директор коммерческого отдела и президент компании. Выражение их лиц было одинаковым и не предвещало ничего хорошего.

– Присядьте, пожалуйста, – недобро проскрипел управля-

ющий. – Сегодня один мой старый друг позвонил и рассказал мне такое, во что я с трудом мог поверить. Он передал те слова, которые вы, мисс Стюарт, сказали сегодня за обедом нашему окружному прокурору. Хотелось бы надеяться, что мой друг просто ослышался.

Облизнув сухие губы и бросив извиняющийся Взгляд в сторону Пинки, она выговорила:

– Он не ослышался.

Думая, что находится в своем закутке один, Пинки выдвинул нижний ящик письменного стола и вытащил оттуда заветную фляжку. Сделав большой глоток из горлышка, он крикнул и вытер рот тыльной стороной ладони. А когда поднял глаза, то увидел прямо перед собой Кари. Она стояла на пороге стеклянного кабинета. После десятичасового выпуска новостей в редакции не осталось ни одной живой души. За спиной Кари было темно и тихо.

– Не дай им погубить меня, Пинки. Сделай хоть что-нибудь.

Кабинет управляющего они покинули поодиночке и с тех пор не виделись. Вернувшись со второго этажа в редакцию, Пинки немедленно с головой ушел в решение очередной проблемы. Продюсеру утреннего выпуска не хватало материала на целых девяносто секунд, а потому пришлось в срочном порядке решать вопрос о том, каким репортажем залатать прореху: о беременной слонихе в зоопарке или о слепой

преподавательнице машинописи.

Едва директор отдела новостей успевал затушить один пожар, как в разных местах вспыхивало сразу несколько новых. Что, впрочем, было неудивительно: без аврала не обходилась подготовка ни одной программы теленовостей. Однако, несмотря на все дерганья и метания, Пинки ни на минуту не забывал о Кари. Интересно, куда она пропала? И чем занята? Зализывает раны? Ну – понятно, все это время Кари плакала.

Пинки с готовностью протянул ей плоскую металлическую фляжку, но, мотнув головой, Кари обессиленно опустилась на стул у его стола. Сделав еще один глоток, он завинтил пробку и спрятал фляжку обратно в потайное место.

– Ты сама во всем виновата, Кари, – назидательно произнес Пинки, поудобнее устроившись в кресле. – Предупреждал я тебя, но ты и слушать не хотела.

– Если надо, я публично извинюсь перед ним.

– Это надо сделать в любом случае, но все равно они вряд ли передумают. Они сейчас тебя живьем слопать готовы. И совершенно правы. То, что ты наговорила этому красавцу, абсолютно непростительно.

– Согласна, я совершила ошибку. Каюсь, – всхлипнула она. – Но три месяца – не слишком ли круто? Ладно бы отстранили от работы на неделю. Ну хорошо, пусть на две. А тут – целых три месяца! Я же умру, Пинки! Сам знаешь, работа для меня – это все. Я уже потеряла мужа, ребенка. Ра-

бота – единственное, что у меня осталось.

Положив ладони на стол, она наклонилась и жалобно заглянула Пинки в глаза.

– Замолви за меня словечко, а? Ну что тебе стоит, Пинки! Расскажи им, что мне пришлось вытерпеть от этого человека...

– Нет.

Она отдернула руки от егй стола, словно от раскаленной плиты.

– Так ты не поможешь мне?

– На сей раз нет. Извини, девочка, не могу.

– Но почему?

С тяжелым вздохом Пинки закрыл лицо руками.

– Потому что знаю: тебе нужен отдых. Время, чтобы прийти в себя. Ты совсем не та, что была раньше, Кари. Давно уже не та.

Это было выше ее сил. Только что она получила выволочку на втором этаже, а теперь ей приходится выслушивать еще и нравоучения Пинки.

– Я справляюсь со своей работой! – запальчиво заявила Кари. – Наш рейтинг растет.

– Больше не растет. Помнишь, я говорил тебе, что уже устал от твоих наскоков на Макки? Так вот, я всего лишь немного опередил наших зрителей. Теперь устали и они. Наш рейтинг покатился вниз, и я не могу отделаться от ощущения, что в этом есть и твоя заслуга.

Кари была уязвлена, но знала: Пинки прав. Люди симпатизировали Хантеру. Свой пост он получил от жителей Денвера – за него проголосовало большинство горожан. И, беспрестанно атакуя его, она настраивала зрителей не столько против него, сколько против самой себя.

– Понимаю, мне нужно изменить направленность своих репортажей, – тихо признала она, теребя подол юбки.

– Тебе этого уже не удастся сделать, Кари. На городское правительство поставлен другой человек – таково распоряжение начальства.

Холодным острием кинжала смятение вошло в ее душу.

– Тогда верни мне новости культуры.

Пинки с сожалением покачал головой:

– Не могу. На этом месте уже утвердилась Салли.

– Переспав с одним из наших коммерсантов! – в ярости вскричала Кари.

– И доставив ему несказанное наслаждение! – проорал, не оставшись в долгу, Пинки. – Однако это не имеет прямого отношения к делу. Я и сам далеко не в восторге от ее сюсюканья перед телекамерой, но рейтинг говорит о том, что зрители о ней иного мнения. Не знаю, что им так в ней нравится – большие сиськи или еще что-то, – но они от нее тащатся, и этим все сказано. А ведь я и об этом тебя предупреждал. Помнишь, говорил тебе, чтобы ты все как следует обмозговала?..

– Хватит нотаций! Ты что, отец мне, чтобы учить меня

жить?

– Нет, но мне всегда казалось, что я тебе друг. – Его лицо стало багровым, как свекла, и ему стоило немалых сил, чтобы не психануть на всю катушку. – Послушай, Кари, да будь на твоём месте какая-нибудь другая куколка, я бы давно уже показал ей, где раки зимуют, и была бы она у меня как шелковая. Ты же с этим Макки пенку за пенкой отмачиваешь, а я все молчу. Бернсе, молчал до сих пор. Если бы я не был твоим другом, тут бы давно и духу твоего не было!

– Значит, не поможешь мне?

– Значит, помогу. И помогу по-настоящему.

– Поговоришь с ними, чтобы меня не отстраняли?

Он устало вздохнул:

– Нет, позабочусь о том, чтобы их решение осталось в силе. Ты же это время используешь для того, чтобы собраться с мыслями. Подумаешь, как жить дальше. Макки стал для тебя навязчивой идеей, а это уже патология. Обвиняя его во всех своих несчастьях, ты явно перегибаешь палку.

– Боже милосердный! – вскочила она с места. – С кем я разговариваю? С руководителем аппарата окружного прокурора?

– Нет, – ответил Пинки, по-прежнему изо всех сил стараясь не сорваться. – Пойми одно: этот парень всего лишь делает свою работу. Только то, что требует от него служба, и ничего больше. А ты взъелась на него, стоило ему сказать о Томасе то, что тебе пришлось не по душе.

– Это была ложь! – не помня себя, вскричала Кари. – И ты хочешь, чтобы я молчала, когда поливают грязью моего покойного мужа?

Пинки горестно посмотрел на нее, потом опустил взгляд на заваленный бумагами стол и наконец снова поднял на нее глаза.

– А ты уверена, что это ложь? – тихо спросил он.

Она отшатнулась, словно получила от него оплеуху.

– Конечно, ложь, что же еще? Ведь ты... ты не думаешь, что Томас был казнокрадом?

– Насчет этого не знаю. Знаю лишь одно: он вовсе не был тем святым, каким ты его себе представляла. Он был всего лишь человеком. Со всеми человеческими слабостями. Только ты не замечала их.

– И ты веришь, что он развлекался со шлюхами, бывая в отъезде? Ты в это веришь?!

Он понимал, что причинит ей боль, однако рано или поздно нужно было открыть ей глаза.

– Я знал, что за Томасом водятся грешки. Да что я? Все знали.

Обхватив живот обеими руками, она скорчилась, словно от боли.

– Пинки, милый, скажи, что ты врешь. Ну пожалуйста.

Крупные слезы текли по ее щекам.

Он покачал головой:

– Конкретных фактов привести не могу. Но когда о таких

вещах шушукаются на каждом углу, подобная болтовня бывает основана на фактах. Ты познакомилась с Томасом вскоре после смерти отца. Тогда ты остро ощущала собственную незащищенность, и Томас оказался именно тем, кто был тебе нужен в такой ситуации, – сильным, великодушным, надежным. И я был рад, что у тебя появился такой человек. Чертовски рад...

Кари снова медленно опустилась на стул.

– Жена всегда все узнает последней. Кажется, так об этом говорят? Я чувствую себя последней идиоткой.

– А вот и зря. Томас обожал тебя. Его похождения на стороне не имеют к вашей совместной жизни никакого отношения. Ты была блаженна в своей безоглядной любви к нему и, вероятно, так же счастливо любила бы его еще долгие годы, если бы не эта трагическая смерть. Но, увы, того, что произошло, уже не исправишь.

Выйдя из-за стола, Пинки приблизился к ней и взял ее за руку.

– Зря ты взъелась на Макки, Кари. У прокурора просто не было иного выбора, кроме как предать гласности «подвиги» Уинна. – Он задумался, подбирая правильные слова. – Не думаю, чтобы это доставило ему удовольствие.

Кари на секунду прижалась лбом к его руке, но тут же подняла голову. Глаза ее были сухими, но выглядела она по-прежнему подавленной.

– Может быть, мне и в самом деле нужно время, чтобы

остановиться и оглядеться. Мне нужно о многом подумать, разобраться в своих чувствах. – Она встала и решительно направилась к двери.

– Что ты намерена делать?

Ничего не видя перед собой, Кари неопределенно пожала плечами.

– Не знаю еще.

И шагнула в полумрак редакции, превратившись в одну из загадочных теней пустого зала.

Открывая входную дверь, Бонни, зябко кутавшаяся в домашний халат, в последнюю очередь ожидала увидеть на пороге Пинки Льюиса.

– Выпить найдется? – спросил он вместо приветствия или объяснения причин визита.

Бонни резко затянула на себе поясок халата.

– Что стряслось? Бармены объявили забастовку?

– Выпить, спрашиваю, найдется или нет?

Молча сделав шаг в сторону, Бонни дала понять, что он может войти. Что и говорить, приглашение не самое радушное.

– Виски?

– Ага. Двойное.

Как только ее младшенький уехал из маминого гнездышка, чтобы продолжить учебу в колледже, Бонни первым делом обновила в доме обстановку. Она безжалостно выкину-

ла всю рухлядь, боевые рубцы на которой напоминали о времени, когда главными здесь были дети. Новая мебель стала для Бонни наградой за те долгие годы, что ей приходилось воспитывать сыновей, отказывая себе практически во всем.

Швырнув пиджак на стул, Пинки уселся на диван и с наслаждением вытянул ноги. Стянув с шеи галстук, он небрежно бросил его на диванный валик. Затем с его ног один за другим слетели ботинки. Присутствие этого неряхи нарушало тот идеальный порядок, который был наведен немалыми усилиями, и все же Бонни с удивлением обнаружила, что рада этому. Слишком долго ее дом оставался сияюще чистым. Чересчур долго.

Подав гостю стакан с виски, она села с ним рядом, положив руку на спинку дивана и уютно поджав под себя босые ноги.

– Чему обязана столь неожиданным визитом? Нежные чувства пробудились или еще что?

Он смерил ее кислым взглядом.

– Может, обойдемся сегодня без взаимных любезностей? И без тебя на душе погано. Начальство отстранило Кари от работы на три месяца. – Затем Пинки в мельчайших подробностях поведал ей о том, что произошло. Он уже выдохся, но Бонни по-прежнему отрешенно молчала. Теряя терпение, рассказчик повернул к ней пунцовое лицо. – Ну, что скажешь?

– Вероятно, это самое лучшее из всего, что могло с ней

произойти.

Несколько успокоившись, он глотнул еще виски.

– Вот и я ей о том же. И еще мне показалось, что пора бы открыть ей глаза на ее покойного муженька. Хватит ей жить иллюзиями.

– Так ты рассказал ей обо всех его шашнях?

– Ну уж до этого дело не дошло. Я просто намекнул, что Макки, возможно, говорил ей чистую правду.

– И как она восприняла это?

– Догадайся. Ведь для нее старикан был святым.

– Значит, пора ей поумнеть. Святых мужчин не бывает. – Это высказывание она сопровождала довольно мрачным взглядом.

– Вопреки всякому здравому смыслу она винит во всем Макки, – задумчиво продолжил Пинки, не замечая красноречивой мимики собеседницы. – Она просто одержима этим человеком, и, что самое главное, одержима уже долгое время. Как-то неестественно это.

– А может, наоборот, очень даже естественно, – загадочно произнесла Бонни.

– О чем это ты?

– Сдается мне, здесь происходит нечто более серьезное, чем кажется на первый взгляд.

Пинки резко повернулся к ней всем телом.

– Знаешь, у меня ведь скоро язык отсохнет – талдычить каждую секунду: «О чем это ты? О чем это ты?» Сказала бы

уж начистоту, что думаешь.

– Ладно, слушай. Ненависть – штука такая же сильная, как и любовь. А потому бывают случаи, когда одну страсть не так легко отличить от другой. Говорят, от ненависти до любви один шаг.

Пинки насупил свои белесые брови.

– Так, значит, ты полагаешь, она демонстрирует ему ненависть, потому что на самом деле любит его? – На его губах впервые появилось некое подобие улыбки. – На твоём месте я бы к ней с такой гипотезой не сунулся. Побоялся бы.

– А я и не собираюсь к ней ни с чем соваться. Пусть своим умом дойдет. И если Хантер Макки действительно такой решительный, каким мне показался, он сам поможет ей во всем разобраться.

– Неужели ты серьезно думаешь, что он в нее втюрился?

– А ты так не думаешь?

Пинки неопределенно хрюкнул в стакан, потому что в эту секунду допивал виски.

– Еще? – осведомилась Бонни.

– Спасибо, хватит. – Пинки поставил низкий стакан на край стола и встал. – Думаю, мне пора. – Взяв пиджак и галстук, он вразвалочку пошел к двери.

– Пинки...

Он остановился и обернулся. Бонни стояла у дивана.

– Зачем ты пришел ко мне сегодня вечером?

Пинки посмотрел в сторону – уныло и злобно.

– На душе хреново, и выпить хотелось. Ну и заскочил к тебе, тем более что это мне по пути домой. Хорошая ты событыльница, Бонни. Ясно тебе?

Она улыбнулась, однако это не была улыбка приятеля. Это была улыбка умной женщины.

– Я не только этим хороша. – Медленно развязав поясок, она скинула с плеч халат, который упал на диванные подушки.

Ночная сорочка на ней, правда, была не из тех, которую она надела бы, если бы заранее знала, что именно сегодня вечером ей предстоит решительный шаг в деле соблазнения Пинки. Тем не менее розовый цвет ткани вполне шел ее простому и свежему лицу, с которого она на ночь смыла косметику. Кружевной лиф сорочки поддерживал полные груди, давай им возможность успешно бороться с силой земного притяжения.

Пинки почувствовал, как его язык присох к гортани. Он попытался отвести глаза, но безуспешно – большие темные соски задорно смотрели на него сквозь легкую завесу кружев.

– Послушай, Бонни. Ты не подумай чего... Но мне, право... Э-э-э...

Его голос окончательно сел, когда она спустила бретельки сорочки с плеч и та соскользнула на пол. Она отдавала себе отчет в том, что у нее вряд ли есть шанс попасть на обложку «Плейбоя». Но и о том, что ее не назовешь уродиной, тоже

знала.

Немота Пинки уже начинала действовать ей на нервы. Мог бы сказать хоть что-нибудь, а не стоять столбом. Уперев руки в бедра, нагая, она подошла к нему.

– Бьюсь об заклад: без одежды ты тоже не бог весть что. Но, если все же разденешься, я не обижусь.

В считанные мгновения Бонни расстегнула на нем рубашку, под которой оказалась старомодная майка с короткими рукавами, больше похожая на футболку. При виде этого предмета мужского туалета ей стало смешно, однако она дипломатично спрятала улыбку. Рубашка полетела в сторону. Пряжка ремня также не оказалась серьезным препятствием. Через секунду брюки Пинки собрались гармошкой вокруг его щиколоток.

Наклонившись, она поцеловала его, одновременно скользнув ладонью по «семейным» трусам. На ее губах заиграла довольная улыбка: сработало!

Бонни повернулась на месте и направилась в спальню, небрежно бросив через плечо:

– Ну и что делать будешь: пойдешь ко мне в постель или так и останешься стоять со спущенными штанами?

– Мистер Льюис? Пинки?

– Чего надо? – Впору было окончательно рехнуться. В каких-нибудь десяти кварталах от телестанции какой-то шизик засел в квартире, держа на мушке трех заложников. А тут

как на зло ни одного свободного оператора! Директор отдела новостей отчаянно пытался поймать по радио хоть кого-нибудь, однако пока безуспешно.

Отвернув голову от панели рации, он в панике заметил, как тлеющий пепел посыпался с конца сигареты ему на рубашку. Пинки поспешно смахнул красноватый комочек с живота, но поздно – там уже прогорела небольшая дырка. Теперь не миновать взбучки от Бонни – эту рубашку она выгладила ему только сегодня утром.

Однако стоило ему поднять глаза, как все мелкие проблемы были забыты. Перед его столом в главной редакции стоял не кто иной, как Хантер Макки.

– А-а, Макки, сколько лет, сколько зим...

– Заняты? Дела?

Вопрос показался Пинки забавным. Рассмеявшись, он задушил сигарету.

– В самом деле, посиди-ка пока в моем офисе. – Он мотнул головой в сторону своего стеклянного закутка.

В это время в приемнике что-то щелкнуло, и скрипучий голос прошелестел:

– Эй, Пинки, ты не нас ищешь?

– Вас, милые, вас, чтоб вам пусто было! – радостно завопил Пинки в микрофон.

Хантер невольно вскочил на ноги, когда через пять минут Пинки ураганом влетел в свой кабинет, сжимая в коротеньких пальцах листки с текстами.

– Чем могу помочь, Макки? – отрывисто буркнул он, торпливо листая страницы и жирно черкая в них что-то красным фломастером. – Эх, найти бы толкового преподавателя, чтобы научил репортеров писать по-английски. . .

– Наверное, я не вовремя.

– Нет-нет, что ты! Сегодня у нас тут тишь и гладь – это уж поверь мне на слово. Так с чем ты ко мне?

– Думаю, ты и сам догадываешься.

Пальцы Пинки перестали нервно дергаться, и он хмуро посмотрел на Хантера. Его глаза внимательно ощупывали человека, сидящего напротив. У парня были все признаки бессонницы: даже очки не могли скрыть смертельной усталости в его глазах, а углубившиеся вертикальные складки по обе стороны рта придавали лицу не насмешливое, как раньше, а необычайно горестное выражение.

– Кажется, и в самом деле догадываюсь, – медленно проговорил Пинки. – Не сейчас, позже! – тут же проорал он кому-то, у кого хватило ума или наглости вломиться в стеклянный кабинет без стука.

– В последнее время она совсем исчезла с экрана, – промямлил Макки, явно испытывая неловкость. – На прошлой неделе я заехал к ней домой, но ее не было. Похоже, ее давно уже там нет. А сегодня утром я позвонил сюда, и мне сказали, что она здесь больше не работает.

– Верно, не работает. Хотя, надеюсь, временно.

– Она больна?

– Нет, отстранена от работы на три месяца.

По лицу Хантера можно было догадаться, что весть о том, что Кари не больна, принесла ему некоторое облегчение. Тем не менее новость о ее отстранении от работы была воспринята им с тревогой.

– Почему ее отстранили? – Ответом ему был лишь пустой взгляд Пинки. Хантер в раздражении вскочил со стула. – Черт! Я же говорил им, что сказанное ею не имеет ни малейшего значения! Она прислала мне записку с извинениями. Этого вполне достаточно.

Повернувшись спиной к письменному столу, окружной прокурор устремил взор на гудящую, как улей, редакцию, однако, кажется, не видел людей, сновавших за стеклянной стеной. Когда он снова повернулся к Пинки, его нижняя челюсть обрела очертания куска гранита.

– Мне нужно срочно ее видеть. Где она?

– Понятия не имею.

В один прыжок Хантер приблизился вплотную к столу и, опершись обеими руками на усеянную бумажками поверхность, наклонился вперед.

– Мне нужно видеть ее, – твердо повторил он. – Скажи, где мне ее искать.

«Вконец ополоумел парень», – подумал Пинки.

– Не знаю, – ответил он с прежней невозмутимостью. – Я пытался дозвониться до нее на следующее утро после того случая, но она успела отключить телефон. А чуть позже

посыльный принес мне конверт с ключами от ее квартиры и запиской о том, когда и как поливать там цветы. Вот и все. Она написала, что сама позвонит мне.

– Но ведь прошло уже три недели! Неужели она с тех пор ни разу не звонила?

– Ни разу.

– Определенно с ней что-то случилось.

– Не думаю. Просто уехала куда-нибудь. Побывать наедине с собой. Разложить все свои проблемы по полочкам.

– Какие проблемы?

– Тебе лучше знать!

Уголок рта Хантера дернулся. В остальном его лицо осталось непроницаемым.

– Ты сообщишь мне, когда она даст о себе знать?

– Зачем?

– Говорю же, мне нужно с ней увидеться.

– Зачем?

– Не твое дело! – вспыхнул Хантер Макки, окончательно выведенный из себя.

С невозмутимой улыбочкой Пинки поднялся из кресла и снова взял со стола листки с текстами.

– Прошу прощения, мистер Макки, но ровно через пятьдесят три минуты у меня передача. И я, к сожалению, не могу потратить ни одной из них на решение ваших личных проблем. – Розовый коротышка деловито засеменил к двери своего стеклянного кабинета. – Но все равно заглядывай.

И он выскочил за дверь, кляня вечную спешку и выкрикивая на ходу указания подчиненным.

Глава 8

Горнолыжный курорт Брекенридж был необычайно живописен и зимой, и летом. Островки нерастаявшего снега на склонах гор казались издали цветущими вишневыми садами. Величественные горные пики были увенчаны сверкающими ледяными шапками. Магазины и изысканные лавочки в парижском стиле, теснившиеся по обе стороны главной улицы города, круглый год торговали всевозможными вещами, пройти мимо которых подчас просто не было сил. Небольшие старинные здания, походившие на пряничные домики из сказки, выглядели одинаково нарядно и на фоне безбрежного летнего неба, отличающегося в эту пору в штате Колорадо особой голубизной, и под тихо падающим пушистым снегом.

Впервые Кари приехала в Брекенридж покататься на лыжах, еще когда училась в начальных классах школы, летом же оказалась здесь только теперь. И не пожалела об этом. До чего же хорошо и уютно было здесь без длинных очередей голодных лыжников, ломящихся во все рестораны, без снежной каши под ногами и без автомобильных пробок перед единственным в городе светофором!

Мир и покой повсюду – это именно то, в чем она нуждалась сейчас в первую очередь.

Сидя на открытой террасе, Кари умиротворенно наблюда-

ла, как медленно садится солнце. Снег на склонах гор, поначалу ослепительно белый, вдруг окрасился в темно-розовый цвет. Наконец малиновый диск солнца скрылся за одной из вершин.

Она провела здесь уже два месяца. Годовщина со дня гибели Томаса осталась никем не замеченной, если не считать ее, его вдовы. Впрочем, нельзя было сказать, что в тот день она была безутешна. За минувший год боль в душе Кари понемногу улеглась, и больше всего ее теперь удручало то, что воспоминания о покойном муже, уже не были столь чистыми и ясными, как совсем еще недавно. Она, как ни старалась, теперь не могла вызвать в памяти его голос. И лицо его, являвшееся ей изредка в сновидениях, становилось все более расплывчатым.

Пришла пора прощания.

Многим ли было известно о «грешках», которые, по выражению Пинки, водились за Томасом? И как она все это время могла оставаться слепой? Ведь ей с первого взгляда удавалось подмечать в человеке все его слабости. Наверное, было бы легче, если бы она как следует разозлилась на Томаса. Но у нее ничего не получалось.

Ведь он любил ее. Кари твердо знала это, какие бы преступления он ни совершил. Томас появился в ее жизни как раз в тот момент, когда именно такой человек был нужен ей больше всего. Должно быть, и она оказала ему немалую психологическую поддержку. В его годы мужчина обычно осо-

бенно нуждается в подобном допинге. Они отлично подходили друг другу, и все то время, что были вместе, – жили дружно. Разве могла она сожалеть об этих прекрасных годах?

Разум Кари очистился и прояснился. Да и тело обрело почти прежнюю силу после всех тяжелых испытаний истекших двенадцати месяцев. Она чувствовала себя по-настоящему отдохнувшей. Еще неделька – и можно снова браться за работу.

Но что, если ее не захотят взять обратно? Что, если у нее уже нет работы? Что, если ей придется начинать все сначала? Уже в третий раз в жизни...

Встав, Кари потянулась всем телом.

– Чтобы перейти через мост, нужно сперва дойти до него, – рассудительно произнесла она вслух. Что бы ни сулило ей будущее, теперь она была готова с честью встретить любые трудности.

Зияющая пустота в холодильнике и буфете неумолимо напомнила ей, что уже несколько дней она не заходила в продуктовую лавку. Почувствовав сильный голод, Кари начала торопливо одеваться, намереваясь отправиться куда-нибудь поужинать. Выход в общество сейчас был как нельзя более кстати. Пора снова привыкать к людям.

Порывшись в платяном шкафу, она выбрала джинсовую юбку, туфли на низком каблуке, кофточку с короткими рукавами из хлопка и замшевую куртку. Вечером в горах ста-

новилося доволно прохладно.

До центра городка было рукой подать – дорога заняла считанные минуты, однако к тому времени, когда Кари уже сидела за столом углового открытого кабинета одного из лучших ресторанов курорта, ей казалось, что она вот-вот умрет с голоду. В животе раздалось громкое урчание – желудок не желал больше ни секунды мириться с подобными мучениями. Сгорая от стыда, она заказала себе обильный ужин. Кари маленькими глотками пила вино в ожидании заказа, когда в ресторанный зал вошел он.

Все выглядело так, будто этот человек пришел сюда именно за ней, заранее зная, где ее искать. Едва ее старый знакомый появился в дверях, его взгляд, точно лазер, рассек полумрак зала, освещенного только свечами, и уперся прямо в нее. Женщина-метрдотель радушно приветствовала посетителя, и он вежливо ответил ей, ни на секунду не сводя глаз с Кари. Оглянувшись через плечо, метрдотель приторно улыбнулась и закивала головой. Обойдя ее, высокий мужчина, лавируя между столиками, двинулся к тому, за которым сидела Кари.

Она поставила бокал с вином на стол, чтобы он не заметил, как дрожит ее рука. Ей хотелось отвести глаза, но помимо воли Кари продолжала зачарованно смотреть на него, как кролик на удава. Его лицо оставалось совершенно бесстрастным, однако видно было, что он отлично знает, чего хочет, куда идет и как поступит, когда достигнет цели.

Он резко остановился, едва не опрокинув ее столик.

– Если ты не разрешишь мне сесть рядом с тобой, возникнет крайне некрасивая ситуация. Я сказал метрдотелю, что ты ждешь меня.

И в ту же секунду Кари осознала, что действительно ждала его. Не то, чтобы она знала, что их встреча состоится именно в этот вечер, но отчего-то у нее не было ни малейшего сомнения в том, что в конце концов он обязательно ее найдет.

– Не хочу ставить тебя в дурацкое положение. Присаживайся.

Отсвет свечи плясал на ее волосах, отражался двумя огоньками в глазах, мягко ласкал ее губы. И ему подумалось, что никогда еще он не видел ее столь обворожительной. Кари вряд ли догадывалась, как быстро и неровно бьется сейчас его сердце. Впрочем, точно так же билось и ее собственное.

– Ты в самом деле не возражаешь?

В ответ она не сказала ни слова – просто отодвинулась чуть-чуть и убрала куртку и сумочку, освобождая ему место на диванчике рядом с собой. Усевшись, он положил руки на стол и повернулся к ней. Они смотрели друг на друга. Просто смотрели. Эти двое не двигались, почти не дышали – жили только их глаза.

– Что изволите заказать, сэр?

Даже отвечая официанту, Хантер не отводил взгляда от Кари.

– Все то, что заказала себе дама. И еще бутылку вина. То-

го, которое идет под... – Тут он был вынужден проконсультроваться с Кари. – А что мы едим?

– Форель.

– Того, что идет с форелью.

– Слушаюсь, сэр. Благодарю вас.

Официант исчез, и они снова стали пожирать друг друга глазами. Это было похоже на какой-то молчаливый ритуал.

– А ты изменился, – заметила она.

– Ты тоже.

– Я всегда видела тебя только в костюме и галстук. – На сей раз на нем были слаксы и рубашка. Воротник ветровки был поднят, рукава закатаны до середины кисти. Стоило ей заметить это, как он снял ветровку и положил рядом с ее замшевой курткой на диван. Его одежда была словно взята из каталога мод журнала «Джи-Кью». Удивительно, но на нем одежда сидела гораздо лучше, чем на манекенщиках, надменно смотрящих с глянцевого страниц.

– У тебя нос от солнца облупился, – проявил наблюдательность Хантер. Смущенно засмеявшись, она прикрыла кончик носа пальцами. – Много загораешь?

– Нет, не слишком. Я легко простужаюсь, а здесь, в горах, для меня даже на солнце лежать холодновато. Зато я много гуляю пешком.

Последовал новый период молчания. Он думал о том, как мило выглядит она со своим покрасневшим и облупившимся носом. Она же, глядя на жесткие черные волосы, выбива-

ющиеся из-под расстегнутого ворота рубахи Хантера, гадала, покрывают ли они всю его грудь.

– Ваше вино, сэр, – несмело кашлянул официант, простояв у их столика незамеченным несколько долгих секунд.

Хантер приступил к священнодействию снятия пробы. Другой бокал был подан Кари. В нем искрилось прозрачное вино, и она, не успев попробовать его, почувствовала себя так, будто эта золотистая жидкость уже растеклась по ее жилам. Пригубив вина, она благосклонно улыбнулась, хотя не разобрала толком, каково оно на вкус. Сейчас она не ощущала почти ничего. Голод, каких-нибудь несколько минут назад беспощадно терзавший ее, внезапно пропал. И зачем только она заказала этот слоновый ужин?

Потягивая вино, они пристально смотрели на пламя свечи, будто надеялись увидеть в нем разгадку всех секретов Вселенной.

– А откуда тебе... Нет, не стоит даже спрашивать. Догадываюсь, кто мог рассказать тебе, где я нахожусь. – Затем, боясь показаться излишне самонадеянной, Кари осторожно осведомилась: – Ведь наша встреча вовсе не случайна, не правда ли?

Он кивнул:

– Не случайна.

Ее взгляд снова остановился на огоньке свечи.

– Значит, ты выведал все у Пинки. – Это не был вопрос. Кари всего лишь спокойно констатировала факт.

– Да.

– Недели не прошло с тех пор, как я позвонила ему отсюда, и вот вам, пожалуйста... А ведь он поклялся хранить тайну.

– Я замучил его. Не давал ему покоя ни днем, ни ночью. И он в конце концов сломался. – Действительно, у Хантера вошло в привычку каждый день по пути со службы заезжать на телестанцию, чтобы поинтересоваться у Пинки, не слышно ли чего от Кари. Это стало до того рутинным, что Пинки и Бонни иной раз даже волновались и задерживались на работе, если окружной прокурор запаздывал к ним с очередным визитом. Наконец в прошлую среду у Пинки нашлось для него важное известие.

«Брекенридж!» – это слово громом прогремело для пораженного Хантера. Он ожидал услышать что угодно: Таити, Тибет, но только не Брекенридж. Три месяца он с ума сходил от отчаяния, гадая, куда запропастилась Кари. А она все это время находилась от него в каких-нибудь ста километрах!

– Умоляю, не злись на меня за то, что я выследил тебя, – виновато произнес Хантер.

Она посмотрела прямо в омут его зеленых глаз.

– А я и не злюсь. – Ее губы еле шевелились, шепча эти слова. – Во мне нет больше злобы.

Его можно было обвинить в чем угодно, но только не в тупости. Сказанного ею было более чем достаточно, чтобы понять: он помилован!

Дикое напряжение, до сих пор сковывавшее его, наконец отпустило грудь, и он с облегчением глубоко вздохнул. Этот тугой комок в груди беспокоил Хантера с того самого дня, когда он понял, какие катастрофические последствия его действия будут иметь для Кари, и без того уже жестоко наказанной судьбой. Теперь же ему хотелось смеяться.

Хантер поднял бокал. Кари последовала его примеру. Они чокнулись, празднуя наступивший между ними мир, но только мысленно – вслух об этом пока не решался заговорить ни один из них. Но глаза, которыми они смотрели друг на друга, сказали все без слов.

От него потребовалось сверхъестественное усилие воли, чтобы не поцеловать ее во влажные от вина губы. Хантер вновь изнывал от желания запустить пальцы в золото ее волос. Его рот жаждал ощутить атласную гладкость кожи этой женщины, заскользив по ее шее вниз, к вырезу простой кофточки.

Она же обратила внимание на его руки. Они были удивительно красивы – изящные, сухие, сильные. На фалангах тонких, длинных пальцев кое-где пробивались темные волоски. Запястье, на котором поблескивали золотые часы, не было слишком широким. Неожиданно ей захотелось взять его ладонь, чтобы рассмотреть ее в мельчайших деталях.

Они ели медленно, делая большие паузы между блюдами. В ресторане посетителей было немного, то и дело к ним неслышно подходили услужливые официанты. Однако муж-

чину и женщину, сидевших в укромном кабинетике, вполне устраивал неторопливый ужин.

Зеленый салат был холодным и хрустящим, печеный картофель – горячим и рассыпчатым. Пропитанный каким-то соусом, он имел изысканный вкус. Благоухающая ароматными травами форель была поджарена на гриле в самый раз.

Однако Кари поперхнулась, когда Хантер поинтересовался у нее:

– Давно ли живут вместе Пинки и Бонни?

В конце концов ей удалось прокашляться. Запив попавший не в то горло кусок глотком вина, она промокнула слезящиеся глаза салфеткой.

– Пинки и Бонни? Неужели те, которых я знаю? И ты говоришь, они живут вместе?..

Он растерянно пожал плечами:

– Ну да. Во всяком случае, мне так показалось. В конце рабочего дня они всегда вместе идут на автомобильную парковку. А однажды я услышал, как она напомнила ему, что «у них» кончилось молоко, и, стало быть, по пути домой им надо заехать в молочный магазин. Вполне семейный разговор. Тебе не кажется?

– Молоко? – ошеломленно вскричала Кари. Откинувшись на мягкую спинку диванчика, она расхохоталась. – Мерзкий хитрец! Сколько раз я беседовала с ним на эту тему, а он знай себе помалкивает. Боялся, что я буду злорадствовать: «Вот видишь, а вышло-то в конце концов по-моему!»

Отодвинув тарелку в сторону, Хантер тоже откинулся на спинку дивана.

– Сдается мне, что их роман – твоих рук дело. Похоже, ты долго и упорно работала над осуществлением этого гуманитарного проекта.

– Почти два года. Я сразу поняла, что они созданы друг для друга. Она без ума от него, и вообще ей нужен кто-нибудь, о ком можно было бы постоянно заботиться. А если кто и нуждается в заботе, то Пинки – в первую очередь. Однако вся его беда в том, что он упрям как осел и долгое время ни в какую не хотел признавать столь очевидного факта.

Хантер внимательно смотрел на ее лицо, озаренное доброй улыбкой.

– Похоже, он тебе нравится.

В ее глазах что-то неуловимо дрогнуло – Кари поймала на себе его внимательный взгляд. Только сейчас она заметила, как близко к ней он сидит. Вдвоем они уместились на небольшом диванчике. Кари ощущала тепло, исходившее от его мускулистого бедра.

– Очень нравится. О таком друге можно только мечтать. – Она сделала маленький глоток вина. – Правда, иногда такие друзья способны сделать тебе очень больно.

– Каким образом?

– Они всегда говорят тебе правду, в то время как другие – только то, что тебе приятно слышать. – Вздохнув, она прикрыла глаза. – Видишь ли, я рассчитывала на то, что Пинки

поможет мне выбраться из каши, которую я сама же и заварила. А он сделал так, что я понесла наказание по полной программе. Как стойкий оловянный солдатик.

– Кари... – При звуке его голоса ее глаза широко распахнулись. – Прости, что я стал причиной твоих неприятностей по службе. Но поверь, я не имею к этому никакого отношения.

– Знаю... – Ее голос был нежен и мягок – точно так же, как и ладонь, которая успокаивающе опустилась на его руку. Она первой прикоснулась к нему. По собственной воле! И это привело их обоих в замешательство. Кари глядела на свою ладонь, удивляясь, почему никак не может убрать ее с напрягшейся мужской руки. – В этом нет ни капли твоей вины, Хантер. Я очень сожалею о том, что сказала тебе в тот день в ресторане.

– Ты уже извинилась передо мной. В записке.

– Мертвый клочок бумаги, образец канцелярщины, – слегка пожала она плечами. – Мне было так стыдно за свою выходку, что я не нашла подходящих слов, чтобы толком извиниться. – В ее глазах блеснули слезы, голос зазвенел. – Тебе следовало просто врезать мне по мозгам.

– Не надо, Кари, даже не вспоминай об этом. Все прошло и навеки забыто. – Он накрыл ее ладонь своей.

– Десерт не желаете?

Кари была искренне благодарна официанту за его бесцеремонность. Ее голова кружилась, но вовсе не от выпито-

го. Слишком уж быстро развивались события. Впору было немного притормозить. Ведь она только-только начала свыкаться с мыслью о смерти Томаса и его изменах. Да тут еще карьера под вопросом, все ее будущее...

Нужна ли ей сейчас эта новая встряска? Она с готовностью ухватилась за возможность продлить и без того затянувшийся ужин, потому что не имела представления, как ей быть, когда он закончится.

– Да, пожалуйста. Нельзя ли взглянуть на меню сладкого стола? – поспешно проговорила Кари. – Должно быть, от горного воздуха аппетит разыгрался. Я ем за троих с тех пор, как приехала сюда.

Она постаралась произнести это как можно более легкомысленно и непринужденно, хотя и сомневалась, что ей удастся одурачить Хантера. С небрежной улыбкой он по-прежнему внимательно наблюдал за ней, словно сразу заметил ее неуверенность. Судя по всему, ему было ясно, что ее горячее желание отведать сладкого – лишь неуклюжая уловка с целью затянуть время.

Они тщательно, строчку за строчкой, изучили меню вместе.

– Творожный торт «Нью-йоркский», – глубокомысленно прочел вслух Хантер.

– Звучит неплохо, – тут же вставила слово Кари. – С клубникой, наверное?

Официант с достоинством кивнул.

– А какая разница между творожным тортом «Нью-йоркский» и простым? – поинтересовался Хантер.

– Семьдесят пять центов, – не моргнув глазом ответил официант.

Оба весело рассмеялись.

– Если уж брать, то только самое лучшее. Будьте добры, творожный торт «Нью-йоркский» – для дамы и яблочный пирог – для меня. И еще два кофе.

– С сыром или ванильным мороженым? – осведомился официант, делая пометки в своем блокнотике.

Хантер повернулся к ней:

– Что ты кладешь в кофе – сыр или ванильное мороженое?

– Ничего, – вполне серьезно ответила она.

– Я спрашивал, что вам положить на яблочный пирог, – уточнил официант, демонстрируя недюжинную выдержку.

– Ах, на пирог! Ну тогда, пожалуйста, мороженое.

Официант удалился, осуждающе покачивая головой, а они снова покатались со смеху. Обессилен от хохота, Кари уперлась лбом ему в плечо. Наверное, со стороны она выглядела подвыпившей, но ей было так хорошо, что плевать она хотела на всех остальных. И когда, подняв голову, Кари встретила взгляд его глаз, сердце ее окончательно оттаяло.

– Единственный раз я видел тебя смеющейся в суде. Кажется, твой оператор сказал тебе тогда что-то забавное. Мне очень нравится, как ты смеешься, – тихо произнес Хантер.

– А вот тебя я ни разу не видела смеющимся.

– Сегодня вечером многое происходит впервые. Ты не находишь?

Этот хрипловатый шепот заставил ее тело сжаться в сладостном предчувствии. Его голос будто проникал во все клеточки ее тела, возбуждая каждую. Первыми откликнулись эрогенные зоны. Бороться сразу с несколькими очагами пожара было бессмысленно, и потому Кари отдалась во власть медленного, сладкого огня.

– Жаль, конечно, оставлять такой лакомый кусочек, но боюсь, что лопну, если съем его, – сказала она через несколько минут.

– Мы можем попросить завернуть нам остатки «для собачки», и у тебя будет, что съесть на завтрак.

– Ну уж нет, уволь. Помнишь о тех семи кило, которые прибавляет человеку телекамера?

– Я помню все, что ты сказала в тот день. До последнего слова.

Она тоже помнила. Помнила, как смело и самоуверенно вошла в его кабинет, даже не подозревая об ожидающем ударе, который оставит в ее душе глубокий шрам на всю жизнь. Именно тогда для нее начались мучительные испытания, которые не закончились до сих пор. Вместе с тем сейчас ее преследовало неотвязное ощущение, что воздействие, оказанное этим человеком на ее судьбу тогда, было детской шалостью по сравнению с тем, что ожидает ее в ближайшем будущем.

Однако не слишком ли она простодушна? Не слишком ли рано вообразила себе, что между ними вот-вот произойдет нечто необычное, захватывающее, из ряда вон? Или это вино ударило ей в голову, сделав ее размякшей дурехой, безответственной и распушенной?

– Где твои очки? – спросила она неожиданно для себя самой.

– В куртке. Мне они нужны только в тех случаях, когда надо что-то как следует разглядеть. – Этот ответ рассмешил ее. – В самом деле, – серьезно заверил ее Хантер. – На расстоянии метра я и без них все прекрасно вижу.

– Значит, ты даже мысли не допускал о том, что мы можем сидеть на гораздо большем расстоянии?

Его голос понизился:

– Я думал только об одном: лишь бы она просто разрешила мне сесть рядом, и тогда уж я непременно сяду как можно ближе к ней.

Кари стыдливо потупилась. А он тут же выругал в душе самого себя. К чему торопить события? Для начала – дружба, и только дружба. Все остальное – потом.

– Ну что, может быть, пойдем?

Кари пробормотала что-то в знак согласия, и они начали собираться. Не успел он опомниться, как она, не дожидаясь его помощи, накинула на плечи свою куртку и потянулась за счетом. Однако Хантер, проявив на сей раз расторопность, вырвал листок бумаги из ее рук.

– Я хочу заплатить за себя, – удивленно произнесла она.

– Нет уж, позволь мне, – произнес он тоном, не терпящим возражений, и ей стало понятно, что спорить с ним бессмысленно. – Что ты сказала? – поинтересовался Хантер в следующую секунду, когда Кари пробубнила что-то себе под нос.

– Я говорю, что у тебя все задатки деспота.

Запрокинув голову, он от души рассмеялся.

Позже, когда они вышли на тротуар, Хантер спросил ее:

– Прогуляемся, или хочешь, чтобы я подвез тебя?

Все ясно: ему было заранее известно о том, что она отправилась в ресторан пешком. Впрочем, чему тут удивляться? Если уж он всерьез вознамерился заарканить ее, то наверняка сделает все, чтобы наперед знать о каждом ее шаге.

– Тебе нет нужды ни подвозить, ни провожать меня.

Глубоко засунув руки в карманы, Хантер устремил взгляд на зубчатый силуэт горных вершин и медленно сосчитал до десяти.

– Может, хватит детских игр? В особенности после всего того, что нам довелось пережить.

Господи, она снова едва все не испортила. Сначала с ресторанным счетом, а теперь еще и это. Какого черта она то и дело шипит на него, как загнанная в угол кошка?

– Это я к тому, что путь отсюда неблизкий, – обольстительно усмехнулась Кари, надеясь, что он зачтет ей в плюс это оправдание.

Хантер тоже улыбнулся:

– Ничего, осилю как-нибудь.

Он взял ее за руку и перевел через улицу. Не спрашивая у нее дороги, он уверенно вел Кари вверх по склону холма – прямым к ее дому.

Ему пришлось замедлить шаг, чтобы идти с ней в ногу. Они шли молча – это было молчание двух людей, давно и близко знающих друг друга. Ночь была тиха и безмолвна. Наконец Кари нарушила молчание, сказав первое, что пришло ей в голову:

– Скажи честно, Хантер, зачем ты приехал сюда?

– В отпуск. – Шутка получилась не слишком удачной.

– И выбрал Брекенридж совершенно случайно?

– Нет, не случайно. – Он остановился. Двое стояли посреди улицы, глядя друг на друга. Улица была совершенно пустынной. Но даже если бы вокруг было полно людей, это мало что изменило бы. Сейчас для мужчины и женщины в целом свете не существовало никого, кроме них двоих.

– Как только Пинки проговорился мне, что ты находишься здесь, я уведомил начальство, что беру неделю отпуска. И приехал сюда с единственной целью – увидеть тебя. Приехал сегодня днем и первым делом нашел дом, в котором ты остановилась. Я колесил вокруг него несколько часов, пока не увидел, как ты выходишь на улицу. У меня было твердое намерение прийти к тебе завтра утром, но я не смог ждать. И поэтому пошел следом за тобой в ресторан.

Приблизившись к ней еще на шаг, Хантер заговорил чуть

спокойнее:

– Прошел год с того дня, как погиб твой муж. Насколько я знаю, траур длится ровно год. Теперь он закончился, и ты вольна начать свою жизнь заново. – Он мягко взял ее за плечи. – Господи, до чего я хотел увидеть тебя, поговорить, побыть с тобою вместе...

– Зачем, Хантер?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

– Ты сама знаешь, Кари.

Стойко выдержав его взгляд, она произнесла со всей честностью и откровенностью, на какую только была способна:

– Между нами всегда было что-то. Не знаю, что именно. Поначалу мне казалось, что это ненависть, во всяком случае с моей стороны. А теперь не уверена. Каждый раз, когда я вижу тебя, в моей душе творится что-то неладное – меня гложет какой-то страх, смутная тоска. Мне всегда было как-то не по себе рядом с тобой, до тех пор... – Она смущенно замолчала и отвернулась.

– До каких пор?

– До сегодняшнего вечера. – Голова Кари была низко опущена, губы еле шевелились. Согнутым указательным пальцем он приподнял подбородок женщины, заставив ее снова глядеть ему в глаза.

– Могу ли я понимать это так, что ты согласна потерпеть меня рядом с собой еще несколько дней?

– Не знаю, – ответила она тихо, но искренне. – На многое

не надейся. Лучше не надейся вообще. Мои чувства к тебе никогда не были однозначными. Неоднозначны они и сейчас.

Его улыбка приняла грустный оттенок.

– О большей откровенности я и мечтать не мог. – Он взял ее руки в свои. – Только одно скажи: что ты почувствовала, когда увидела, как я иду к тебе?

Кари взволнованно посмотрела на него. От возбуждения у нее перехватило дыхание.

– Обрадовалась...

Она ожидала, что Хантер переменится в лице, но была разочарована – его лицо оставалось бесстрастным. А ведь мог бы улыбнуться, склонить голову, поцеловать ее в щеку. Или обнять и страстно поцеловать в губы.

Но он всего лишь вымолвил:

– Ты вся дрожишь.

– Озябла...

– А ну-ка. – Он снял куртку с ее плеч и помог ей просунуть руки в рукава.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила Кари и повернулась, чтобы уйти.

– Подожди. – Хантер развернул ее к себе лицом и согнул ноги в коленях, чтобы ликвидировать разницу в росте. Сосредоточенно посмотрев вниз, он свел полы ее куртки вместе. В темноте соединить края застежки было не так легко, и все же ему это удалось. Медленно выпрямляя ноги, он начал застегивать «молнию». Это возбуждало.

Кари сама не заметила, как Хантер оказался совсем рядом. Не сходя с места, он весь подался в ее сторону, так что его рука, тянущая вверх язычок «молнии», едва могла пройти между их телами. Замок застежки поднялся выше пояса, застрекотал над животом. На мгновение рука Хантера замерла на уровне ее груди, и у Кари возникло ощущение, будто от этого места по всему ее телу, как масляное пятно по воде, растекается тепло. Ей пришла в голову дурацкая мысль: а что, если сейчас он бросит застежку и запустит руку ей под куртку? Как она поступит в таком случае?

Она знала, что сделает. Она прижмется к нему всем своим телом, потому что груди ее изнывали от тоски по мужским рукам.

Жаркое дыхание Хантера обжигало Кари лицо. Застегнув ей «молнию» до самого подбородка, он прошептал:

– Ну вот, теперь будет намного теплее.

Однако она не могла понять, согрелась или нет. Каждый ее нерв и без того словно горел медленным огнем. Все мысли в ее голове спутались, в душе царил сумбур. Ей так хотелось ощутить прикосновение его мускулистого тела. Она хотела видеть его обнаженным, доступным для ее рук...

– Наверное, лучше будет, если я провожу тебя до самого порога.

Эти слова, почти неслышные, разбудили ее, как удар колокола. Подумать только, еще немного, и она опустилась бы перед ним на колени, моля о поцелуях и объятиях... Надо же

быть такой дурой! Если уж ее наяву преследуют эротические видения, то можно только представить себе, что творится в душе у него. Она всего-то и заикнулась о том, что вечер в его компании оказался не столь уж плох. Зато он без всяких околочностей признался, что пришел в ресторан с единственной целью – увидеть ее и побыть с ней наедине. Вон как у него скулы затвердели – наверняка едва сдерживает похоть.

Но нужно спросить себя: готова ли она к близости с другим мужчиной после Томаса? Сегодня, завтра вечером, в будущем – близком или отдаленном, вообще когда-нибудь...

Господи, да откуда ей знать! Еще минуту назад она горела от страсти, а теперь вся трясется от ужаса. Но как тут не трястись, если ей грозит новая серьезная привязанность? Потому что секса без серьезной привязанности для нее никогда не было и не могло быть.

Между тем он запросто может попытаться поцеловать ее на прощание. Так что же ей делать? Что делать?..

Остановившись у порога дома, где жила Кари, Хантер задумчиво погладил ее по подбородку. Его большой палец описал изящный контур.

– Этот ужин – один из самых восхитительных в моей жизни. Спасибо тебе. И спокойной ночи.

Он пошел обратно тем же путем, которым они добрались сюда. Спящий город поглотил его.

На следующее утро, едва открыв глаза, Кари выскочила из

постели, подбежала к окну, выходящему на восток, и потянула за шнур, раздвигая шторы. За время, проведенное ею здесь, это уже вошло у нее в привычку.

На сей раз она проснулась позже обычного. Солнце весело ударило ей в лицо. Кари потянулась всем телом, зевнула и встряхнула волосами. И лишь когда ее глаза открылись окончательно, увидела Хантера, стоявшего на тротуаре, прислонившись к уличному пожарному крану. Он с видимым удовольствием разглядывал ее.

Стыдливо вскрикнув, она схватила со спинки стула домашний халат и загородилась им, как ширмой. Хотя стыдливость в данном случае была вряд ли уместной – он уже видел ее в ночной сорочке, вернее, выполняющей роль ночного неглиже длинной футболке с эмблемой команды «Денвер Бронкос». Спать в ней было одно удовольствие – от бесчисленных стирок старая тенниска полиняла и стала идеально мягкой, но вместе с тем села, доходя теперь Кари до середины бедер. Сонная красавица в смятении вспомнила об этом, лишь когда Хантер, задорно помахав ей рукой, направился к входной двери ее дома.

– Господи, только этого еще не хватало, – простонала Кари, выбегая из спальни. Поглядев на бегу в зеркало, она успела натянуть на себя халат как раз в тот момент, когда раздался стук в дверь.

- Доброе утро, – поздоровался он, появившись на пороге.
- Доброе утро... – Она стояла, поставив одну босую ступ-

ню на другую. Прохладный горный воздух пощипывал голые ноги. – И долго ты так простоял?

– Достаточно долго для того, чтобы захотеть горячего кофе и дать твоим соседям пищу для пересудов.

– В это время года я живу здесь без соседей.

Хантер улыбнулся:

– Вот и чудесно. Значит, можешь смело пригласить меня войти.

Беспомощно взглянув на него, Кари отступила в сторону.

– Ты, наверное, и присяжными так же ловко вертишь? – Этот вопрос был задан без тени ехидства.

– Богатая практика – залог успеха, – откликнулся Хантер, ставя на обеденный стол и раскрывая объемистый бумажный пакет. – У меня тут кофе, еще теплый, и относительно свежие пончики.

– Просто замечательно, – иронично хмыкнула Кари, но все же взяла один пончик, который выглядел особенно аппетитно, и вонзила зубы в сдобную мякоть. – Послушай, а ведь и в самом деле вкусно! Обожаю шоколадную глазурь, – воскликнула она, облизывая пальцы.

– Я так и думал, – спокойно проговорил Хантер, скомкав пустой пакет и уверенно швырнув его в корзину для мусора с точностью, которой мог бы позавидовать любой баскетболист. Повернувшись снова к Кари, он замер на месте, зачарованно наблюдая за тем, как проворно касается кончик ее языка испачканных глазурью тонких пальцев. До чего же

хорошо было бы и самому ощутить эти быстрые прикосновения... Однако Хантер постарался тут же прогнать прочь эту крамольную мысль. Подобные мечтания относились уже к разряду излишеств.

Он и так еще до конца не пришел в себя от увиденного несколькими минутами ранее. Кари, потягивающаяся в лучах утреннего солнца, – разве можно представить себе картину, более обольстительную, чем эта? В своей нелепой футболке эта женщина выглядела сексуальнее, чем в самом дорогом и утонченном нижнем белье. Интересно, сознает ли она сама, какую гигантскую силу обретает над мужчиной, выгибая перед ним спину и потягиваясь по-кошачьи, всем телом? Его жадный взгляд успел уловить не только кружевной краешек ее шелковых трусиков. Футболка туго натянулась на ее груди, четко обозначив соблазнительные полукружья. От этого действительно впору было сойти с ума.

Хантер громко прокашлялся.

– Так я подогрею кофе или ты хочешь сварить свежий?

– К сожалению, мои запасы кофе подошли к концу. Можешь подогреть то, что принес, в микроволновке. Вон она – на кухонной стойке.

Расправившись с пончиками в рекордно короткое время, они теперь неторопливо пили подогретый кофе. Хантер наконец получил возможность немного оглядеться. Потолок квартиры был сводчатым, как в храме. Деревянные панели делали стены дома теплее, паркетный пол был устлан тканью.

ми коврами. Мебель была дорогой, не крикливой, свидетельствуя о тонком вкусе хозяев. Сложенный из дикого камня камин занимал чуть ли не целую стену. К этой комнате, занимавшей в доме центральное место, примыкали крохотная столовая и столь же небольшая кухонька. Из нее также открывался выход в коридор, который, очевидно, вел в спальню или спальни. Вся квартира была невелика по размеру, однако широкие окна создавали ощущение необычайного простора.

– Неплохой домишко. Твой?

– Нет, друзей отца. Они изредка наезжают сюда на отдых. Мне позволено появляться здесь в любое время, когда только захочу. Я никогда не злоупотребляла радушием этих людей. Просто сейчас знала наверняка, что мой приезд не создаст им никаких неудобств. Их здесь не будет все лето. – Присев на край дивана, Кари задумчиво поглядела в окно. – Ты не представляешь, как хорошо тут зимой. Сидишь у огня, смотришь, как за окном снежинки падают...

– Любишь лыжи?

– Да, но скорее не кататься, а смотреть, как другие катаются.

Все еще подстегиваемый любопытством, он прошелся по комнате, то и дело останавливаясь, чтобы получше разглядеть тот или иной предмет обстановки, полистать лежащие на столике журналы. Она поражалась его самоуверенности. Надо же, вломился к женщине, которая даже лицо не успела

ополоснуть после сна, и держится как у себя дома. А главное, ни слова о причине столь раннего визита.

Но разве она требовала от него объяснений?

Она просто сидела перед ним в одной рубашке, с босыми ногами, спутанными волосами, торчащими в разные стороны, как воронье гнездо, и заспанными глазами. В то же время в ее душе не было и тени смущения, приличествующего подобной ситуации. «Интересно, отчего бы это?» – удивилась Кари самой себе.

Может быть, оттого, что так непринужденно ведет себя он? Или же ее мысли сосредоточены на нем до такой степени, что она не в состоянии думать ни о чем другом?

Каждое движение худощавого тела Хантера было наполнено непередаваемой, чисто мужской грацией. Жилет на пуху, который он надел, спасаясь от прохлады позднего лета в горах, был теперь небрежно брошен на спинку стула. Джинсовая рубашка облегла его мускулистый торс. Мягкие башмаки как нельзя лучше подходили к джинсам, далеко не новым. Джинсы к тому же были довольно тесными, а потому лишний раз подчеркивали пол их владельца, и она несколько раз поймала себя на том, что ее взгляд невольно задерживается на его бедрах.

На сей раз Хантер был в очках, и Кари догадалась, что сегодня он за рулем. Она сразу же вспомнила припаркованную неподалеку от дома незнакомую машину. Вспомнилось ей и то, как вспыхивали на солнце красноватым отсветом растре-

паннные пряди его волос, когда она смотрела на него в окно...

– А это что? – вторгся он в ее мысли, склонившись над ломберным столиком, на котором были рассыпаны картонные детали головоломки-мозаики.

– С собой привезла, – просто сказала она, вставая с диванного валика. – Надо же было заполнить чем-то долгие часы безделья, вот я и прихватила с собой книги, которые давно уже хотела прочитать. Да еще это развлечение... – Кари подняла со стола один фигурный кусочек и после недолгих раздумий точно вставила его в пустующий паз.

– Отлично, – тепло улыбнулся Хантер. – Вижу, у тебя немалый опыт.

– Никогда раньше этим не занималась. Но, как видишь, подвернулась возможность набить руку.

Эта головоломка имела для нее глубинный смысл. Кари начала собирать ее не с края, как делают это почти все, а из центра, постепенно продвигаясь во все стороны.

Для нее центр символизировал ядро ее души, все, во что она свято верила, ее моральные устои и ценности, мысли и убеждения, самое сокровенное, личное, воспитанное в ней с раннего детства. Одним словом, то, что делало ее Кари Стюарт.

И именно поэтому, приехав сюда, она начала игру с центра поля, постепенно, день за днем прибавляя кусочек к кусочку. В памяти ее оживали полузабытые картины прошлого: ужас и одиночество ребенка, потерявшего мать, жизнь с

отцом, годы учебы в колледже, первые ступеньки карьеры, дружба с Пинки, встреча с Томасом. Кари силилась вспомнить как можно больше подробностей их супружества – так легче было справиться с кошмаром его смерти. Однако особенно четко ее память почему-то зафиксировала все подробности встреч с Хантером Макки. Из несметного числа разрозненных кусочков мало-помалу начинала вырисовываться целостная картина.

Теперь головоломка была почти собрана.

– Мне кажется, что, закончив ее, я узнаю что-то новое о себе самой. – Эта фраза сорвалась с ее языка совершенно произвольно. Кари вовсе не хотела произносить свою заветную мысль вслух и обеспокоенно взглянула на Хантера, опасаясь, что он сочтет ее глупой. Однако тот, судя по всему, отнесся к ее словам с пониманием – он лишь молча склонил голову. Господи, лишь бы он не стал допытываться, что она имеет в виду! И Хантер, словно угадав ее безмолвную мольбу, не стал докучать ей расспросами.

– У тебя рот в шоколаде, – мимоходом заметил он.

У него были удивительные глаза. Они опять гипнотизировали ее. Их мягкий свет словно озарял ее всю разом, – как снаружи, так и изнутри.

– В самом деле?

– М-м, вот тут.

Его палец снял капельку шоколадной глазури. Затем эта капелька растаяла на его языке. Она смотрела на рот Ханте-

ра, зачарованная и одновременно возбужденная его откровенной чувственностью. Глаза Кари были прикованы к этим чудесным губам даже тогда, когда он взял ее за плечи и привлек к себе.

– Кари...

Ее взгляд медленно пополз вверх, пока не встретился со взглядом его глаз.

– Что?..

– Когда я впервые поцеловал тебя, ты была без чувств. Во второй раз я был так взбешен, что сам не знал, чего мне больше хочется, – поцеловать тебя или задушить. Ослепнув от ярости, я не ведал, что творил.

Ладони Хантера мягко легли на ее щеки.

– Тебе не кажется, что мы вполне могли бы поцеловаться еще раз? Теперь, когда осознаем то, чего хотим...

Глава 9

Она стояла перед ним ни жива ни мертва. Даже моргнуть не решалась. Хантер снял очки и положил их на ломберный столик. В следующую секунду ее щеки вновь очутились в его ладонях, излучавших какое-то особое, необыкновенное тепло. Длинные пальцы нежно гладили ее скулы, мягкая подушечка большого пальца скользнула по нижней губе.

Его глаза по-прежнему пристально смотрели на нее. Она же, не выдержав их взгляда, зажмурилась. И тут же почувствовала на своих губах его горячее дыхание. Оно было влажным и насыщенным запахом кофе. Замерев у ее лица на какую-то долю секунды, равную вечности, губы Хантера наконец сомкнулись с губами Кари.

Его рот совершал медленное путешествие по ее губам – вверх-вниз, вверх-вниз... Этот чарующий ритм заставил ее забыть обо всем йа свете. Первые прикосновения были легкими, как крыло бабочки. Потом, слегка сжав ее нижнюю губу зубами, он провел по ней трепещущим языком.

Словно тысячи огней озарили сознание Кари. Это чувство, абсолютно неведомое ей прежде, было подобно фейерверку. Раньше ей казалось, что так на поцелуй мужчины реагируют только героини кинофильмов. Теперь это чудо стало доступно и ей. Наверное, мужчины, целовавшие ее до этого, были либо начисто лишены воображения, либо скованы

цепями внутренних запретов, от которых был свободен Хантер.

Или все дело было в ней? Может быть, она бессознательно искала в мужчинах не страсть, а защиту от жизненных бурь? Может быть, вела себя с ними так, что они начинали считать Кари Стюарт бесполом существом? А может, плотская часть природы только-только начала пробуждаться в ней? Впервые ее целовали как женщину. Ее целовал мужчина, знающий, как это делается. Поцелуи Хантера носили откровенный характер, не оставляя ни малейших сомнений в его намерениях.

Его губы то завладевали ее ртом, то отстранялись, с каждым разом проникая все глубже. Кари почувствовала влажный жар его рта. И ответила, раскрыв губы, чтобы вобрать этот жар в себя.

В то же мгновение все тело Хантера, восторженно встрепенувшись, пришло в движение: голова склонилась набок, губы словно пожирала жар женской плоти, даря ей вместе с тем чудесную сладость. Его язык проник в рот Кари. Скользя по плечам, крепкие мужские руки обхватили пленницу сзади. Это были самые восхитительные, самые тесные объятия на свете! Два существа становились одним целым.

Пальцы ее босых ног уперлись в носы его ботинок. Утратив прежнюю покорность, тело Кари теперь горело от беспокойного желания. Ее руки сами обвились его шею. Ей даже показалось, что низкий ненасытный рокот вырвался из ее гру-

ди.

Господи, как же она жаждала его в эту минуту!

Ей нравились его руки, тисками сжимающие ее, нравилось чувствовать себя беспомощно-женственной рядом с этим мощным мужским телом. С улицы он принес с собой утреннюю свежесть. Этой свежестью были напитаны его волосы, кожа, одежда. Утренняя прохлада и сонное тепло – этот контраст был поистине волшебным! Запах от Хантера был чисто мужским; от него пахло лимоном, древесным дымом, увядшими осенними листьями...

И еще у него была на удивление твердая плоть. Кари доставляло истинное удовольствие гасить его неукротимый напор мягкостью своего тела. Она ощущала каждую его напрягшуюся мышцу. Казалось, между их прижавшимися друг к другу телами проходил, покалывая их обоих, электрический ток. Во всяком случае, подбородок и губы Кари явно чувствовали покалывание жесткой щетины, и это было прекрасно.

Ее рот упивался любовью, которую творил неутомимый язык Хантера. При каждом его буйном вторжении она вздрагивала всем телом. Крохотные пузырьки желания лопались в ней один за другим, и жар из них растекался по ее венам.

Затем темп движений несколько изменился. Движения языка Хантера стали более сдержанными и размеренными. Кари сгорала от желания ощутить его умелые ласки всем своим телом. Этих волшебных прикосновений хотели ее гру-

ди, ее живот, ее бедра. Она жаждала плотской любви.

Но едва лишь руки Хантера развязали пояс, стягивавший халат на ее талии, она с ужасом осознала, до какой степени утратила контроль над самой собой. И напряглась всем телом. Ее пальцы отчаянно вцепились в его шею. С трудом оторвавшись от его губ, Кари испуганно уткнулась лбом в широкую мужскую грудь.

– Я хочу прижаться к тебе, Кари, только прижаться... – Его неровное дыхание коснулось ее макушки. – Хочу почувствовать твоё тело, не более того. Клянусь тебе.

Постепенно паническая хватка ее пальцев ослабла, и Хантер приподнял ее голову за подбородок. Кари не решалась открыть глаза. Ее рот был красен и влажен, распухнув от поцелуев. На шее беспокойно билась жилка. Ее пульс был таким же частым, как и у него.

Мощный толчок желания сотряс тело Хантера, как разряд электрического тока. Однако к этой боли примешивалась удивительная нежность, которой он не испытывал никогда раньше.

Его губы на короткое мгновение осторожно прильнули ко рту Кари. Это был пробный поцелуй. Она не отстранилась. Более того, ее пальцы самозабвенно погрузились в гущу его волос. Тогда Хантер прижался к ее губам крепче, а руки его скользнули под халат и обвились вокруг ее талии. Погружая язык в сладкую бездну ее рта, он изо всех сил прижал женщину к себе.

Руки Хантера блуждали по ее спине, сминая мягкую ткань, сквозь которую проникал жар женского тела. Он словно наяву ощущал шелковистость ее кожи, однако не отважился запустить ладонь под футболку.

Господи, как же он жаждал этого!

Ощувив плотный напор ее груди, Хантер, не сдержавшись, застонал от наслаждения. Даже сквозь одежду он чувствовал твердость ее сосков. Ему внезапно стало любопытно, а что чувствует она в этот момент, когда грубая ткань его джинсов трется о нежную кожу ее голых бедер. Он постепенно продвигал свое колено вперед, вклиниваясь между ее ног. Хантеру нестерпимо захотелось увидеть, как это происходит. От одной лишь мысли о том, как несмело раздвигаются ее ноги, у него шла кругом голова.

И еще ему хотелось знать, что чувствует Кари под напором его нетерпеливой плоти, скрытой за грубой тканью его джинсов. Она не могла не чувствовать его. Живой холм прижимался к дразнящему треугольнику ее трусиков-бикини. Мозг Хантера не покидало недавнее видение: Кари, изогнув спину, всем телом потягивается под щедрыми лучами солнца; ее руки подняты вверх, ноги широко расставлены, голова запрокинута назад. Воплощенная чувственность, непосредственная, как сама природа...

Он хотел осязать ее всю, целиком. В то время как язык Хантера медленно исследовал ее рот, ладони изнывали от желания насладиться ощущением гладкой кожи. Интересно,

как она поведет себя, если он запустит руку под...

Нет! Стоит ему только прикоснуться к ее голой коже, и тогда уж он точно не сможет остановиться. Ему непременно потребуется осыпать щедрыми ласками все ее тело. И ладони его наверняка не остановятся на ее спине – они неудержимо заскользят вниз, под резинку трусиков, к очаровательным ягодицам. А там и... Нет, черт побери, нет! Не смей даже думать о том, что может произойти вслед за этим! Она возненавидит саму себя за то, что он сделает с ней.

Кари горько раскается в том, что сдалась так скоро. А на его долю не достанется ничего, кроме глубокого презрения, которого только и достоин пройдоха, пользующийся слабостью женщины после почти трех месяцев, проведенных ею в одиночестве. Ведь пожаловал он сюда ранним утром, когда она была совсем беззащитна, даже одеться не успела. А потому на его голову наверняка падет обвинение в том, что он овладел жертвой, ловко воспользовавшись обстоятельствами.

Хантер был готов выслушать от нее все, что угодно, но только не эти упреки. Причем, что самое досадное, вполне обоснованные. Он и в самом деле действовал слишком быстро. Излишне быстро, черт бы его побрал! Между тем ее нынешняя реакция могла иметь самое элементарное объяснение: женщина слишком долго не видела мужчины. И теперь тянулась не к нему, а просто к мужчине. Ей нужен был просто мужчина, не любимый – любой...

Эта мысль глубоко уязвила самолюбие Хантера, но вместе с тем и отрезвила его. Его ладони целомудренно соскользнули с талии Кари. Пересилив себя, Хантер оторвался от ее рта, дарящего неземное наслаждение.

Медленно, словно нехотя, подняв ресницы, она посмотрела на него. Взгляд ее зеленых глаз был затуманен, и Хантер в душе проклял себя за то, что так рано остановился. А вдруг она была уже готова? Вдруг... Нет, рано еще. Улыбнувшись, он простодушно спросил:

– Ну и какова у нас на сегодня программа?

Нет, странный он все-таки человек. После столь пламенного поцелуя, когда все ее чувства смешались, а тело горело от вожделения, можно было ожидать, что Хантер спросит: «Ну и где тут у тебя спальня?» Или еще лучше: «Может, и без спальни обойдемся?» – и повалит ее прямо на пол.

Его вежливый вопрос в такой степени не соответствовал ее ожиданиям, что Кари недоуменно заморгала. Когда же ее глаза чуть прояснились, а ноги обрели опору, до нее наконец дошло значение слов Хантера.

– Программа? – переспросила она заплетающимся языком. – Ты насчет того, что я собиралась сегодня делать?

Он отвел от ее щек растрепавшиеся волосы.

– Да. Не знаю, каковы твои планы на сегодня, но в любом случае был бы рад составить тебе компанию.

– Ну-у, – задумалась Кари, – мне надо купить кое-какие продукты. Наверное, для тебя это звучит слишком призем-

ленно? – слабо улыбнулась она.

Однако его глаза засверкали от энтузиазма, что вновь поставило ее в тупик. Он улыбнулся, и улыбка у него получилась какой-то особенной, хищной, отчего у нее по коже вновь пробежали мурашки сладостного ожидания.

– Нет на свете такого занятия, которое не могло бы воодушевить нас, когда мы беремся за него вместе. Неужели ты до сих пор не поняла этого, Кари?

Хантер ждал в гостиной, пока Кари принимала душ и одевалась. И когда она появилась из спальни, облаченная в джинсы и пуловер, он одобрительно присвистнул.

Уперев руки в бока, Кари игриво осведомилась:

– Ну и что же тебя во мне так восхитило – джинсы или хвостик на затылке?

– И то и другое. В последнее время я видел тебя только загримированной и сосредоточенной. Вариант для телекамеры.

– Короткая же у тебя память. Какой-нибудь час назад ты видел, какой я бываю, когда вылезаю из кровати.

Его глаза приняли туманно-мечтательный оттенок.

– О-о, этой картины мне не забыть никогда.

Она быстро шмыгнула мимо него в кухню, чтобы составить список покупок, однако ее дрожащие пальцы отказывались держать карандаш. Стоя под душем, Кари попыталась подавить в себе радостное возбуждение. Однако, сбрасывая

с себя все оковы, ее душа упрямо рвалась ввысь. Кари было легко и весело, как ребенку, шлепающему по весенним лужам. Хотя нет, это ощущение можно описать еще точнее. Она чувствовала себя так, словно впервые в жизни начала сознавать, что такое быть женщиной. И лучше этого не могло быть ничего на свете!

Но вдруг на нее накатила другая волна эмоций. Это чувство давно уже присутствовало в ней, цепляясь за краешек сознания, пытаясь утвердиться в ее душе. И в конце концов ему все-таки удалось заявить о себе в полный голос.

Это было чувство вины.

Впервые после гибели Томаса ей нравилось быть в обществе мужчины, причем нравилось безоговорочно, по-настоящему. Это было просто великолепно! И потому она почувствовала себя виноватой. Карандаш выпал из ее оцепеневших пальцев.

– В этом нет ничего необычного, так что не стоит беспокоиться...

Вздвогнув, Кари резко обернулась. За ее спиной стоял Хантер. Его движения были настолько бесшумными, что она не услышала, как он подошел сзади.

– О чем ты? – еле слышно выдохнула она.

– О чувстве вины. – Он не притронулся к ней, хотя ей показалось, что ему очень хочется этого. – Мы всегда тоскуем, когда расстаемся с любимым человеком, тем более когда он уходит навсегда. Это вполне естественно, Кари. Но также

естественно и то, что мы все равно продолжаем жить, начинаем снова радоваться жизни, смеяться. А порой и влюбляться.

И все же ей не верилось, что чувство вины было бы таким же острым, если бы она не испытывала к Хантеру столь откровенного влечения. Будь он пожилым, грузным и полысевшим, она, наверное, вовсе не испытала бы угрызений совести. Но он был совсем другим – молодым, красивым, исполненным мужской силы.

А ведь все могло бы повернуться по-другому. Она вполне могла подыскать себе какого-нибудь мужчину и завязать с ним отношения, в основе которых лежали бы доброта, дружба, жизненный комфорт. И при этом ни в малейшей степени не чувствовала бы никакого душевного неудобства. Но вся проблема заключалась в том, что о Хантере она могла думать не иначе, как о любовнике. А поскольку единственным мужчиной, с которым ее связывали интимные узы, до сих пор был Томас, нынешняя тяга к Хантеру казалась ей не чем иным, как неверностью.

– Я не хочу занимать ничье место в твоей жизни, Кари. Я хочу найти в ней свое собственное место.

– Как-то раз ты сказал, что чтение чужих мыслей не относится к числу твоих достоинств. Ты солгал мне.

– Только один раз. Больше я никогда не лгал тебе.

Тема разговора была не из приятных, как и его способность читать чужие мысли. Кари вернулась к списку поку-

пок.

– Какое печенье лучше купить – «Орео» или «Наггер-Баттер»?

– Почему бы не оба сорта?

– А о проклятых семи килограммах в подарок от телекамеры уже забыл? Впрочем, пропадай моя фигура. Гулять так гулять! Покупаем и то и другое. – Кари энергично зачеркала карандашом по бумаге. – Надеюсь, Пинки определит меня в центр для похудения за счет телестанции. Итак, что еще?

– Томатный соус, сухие приправы из трав, лук, сладкий перец... – раздалось монотонно сзади.

Хантер смотрел через ее плечо, чтобы удостовериться, что она в точности запишет все, что он ей сказал.

Кари неловко обернулась, практически зажатая между кухонной стойкой и его огромным телом.

– А это зачем?

– Для спагетти, которые я собираюсь приготовить тебе на ужин.

– Ты умеешь готовить?

– Спагетти. А ты?

– И я – спагетти, – рассмеялась она.

Он хладнокровно пожал плечами.

– Что ж, в таком случае перед нами только два пути: либо съесть массу спагетти, либо пойти в какой-нибудь ресторанчик. Впрочем, есть еще один: объесться до смерти печеньем «Орео» и «Наггер-Баттер».

На сей раз рассмеялись оба. Список необходимых покупок был завершен. Хантер настоял, чтобы в магазин они отправились в его автомобиле.

– Я и сама неплохо езжу по горным дорогам, – неуверенно попробовала возразить она, когда он уже распахнул перед ней дверцу.

– А я – сторонник домостроя. Так что, будь добра, молчи и залезай в машину.

– Деспот.

Хантер вел машину с той же аккуратностью и тщательностью, которая была присуща ему буквально во всем. Кари нравилось смотреть на его руки, уверенно лежащие на кожаной оплетке руля. С такой же уверенностью эти руки могли бы ласкать ее обнаженное тело... Нескромная мысль, как искра на ветру, вспыхнула и тут же угасла в ее мозгу. Двигатель обтекаемого спортивного автомобиля спокойно урчал, тихо сотрясая сиденье. Кари тоже тихо дрожала – от предвкушения необычного.

– О чем задумалась? – поинтересовался он, поймав на себе ее взгляд.

– Просто подумала, что ты очень похож на свою машину. Хантер поднял бровь, демонстрируя удивление.

– Может, объяснишь, чем именно?

Она продолжала внимательно рассматривать своего спутника, его мускулистое, удивительно пропорциональное тело, таившее взрывной темперамент. Каждая клеточка его суще-

ства была наполнена неумемной энергией.

– Нет, я, пожалуй, воздержусь от комментариев, – подумав, решительно отрезала Кари.

– Да будет тебе...

– Я сказала «нет»!

– В таком случае я не скажу тебе, как сногшибательно выглядишь ты. Я не скажу, что до сегодняшнего утра только догадывался, насколько прекрасны твои бедра, а теперь знаю это наверняка. И еще не скажу о том, что твоя попка в джинсах выглядит даже очаровательнее, чем в юбке. А также о том, как приятно смотреть на твою грудь, когда ее обтягивает майка, или чувствовать ее прикосновение к своей груди, И еще о том, насколько красивы твои волосы, освещенные солнцем, – почти так же, как и при свете свечи. А твое лицо – просто само совершенство. Но главное – то, что на нем отчетливо написаны все твои чувства и мысли, совсем как у первоклашки. Правда, это с моей стороны, наверное, уже лишнее. Такой пары колдовских глаз, как у тебя, я еще ни у кого не видел, но и об этом ты не услышишь от меня. Что же еще? Ах да, твой рот! Думаю, достаточно будет упомянуть, что уже несколько месяцев он видится мне в грезах. Кажется, ничего не пропустил.

Хантер быстро въехал на парковку и резко нажал на педаль тормоза. Вытащив ключ из замка зажигания, он вопросительно взглянул на Кари.

– Ну что скажешь?

Она с трудом сглотнула.

– Да уж, постарался на славу – перечислил все, о чем тебе вовсе не следовало говорить. Придаться не к чему.

– Нет, одну вещь все-таки забыл. – Хантер взял Кари за руку и заглянул ей в глаза. – Еще я очень рад быть рядом с тобой – вот так, как сейчас. – Он улыбнулся той неотразимой улыбкой, которая лучше всякого аргумента действовала на судей, переубеждала присяжных и покорила великое множество женских сердец, точное число которых было известно одному только всевышнему.

Теперь к этой славной когорте принадлежала и Кари, а потому ее ответная улыбка была не менее лучезарной.

– Я тоже рада...

Он задорно подмигнул.

– Список не забыла? Тогда пойдем.

Хантер привез ее в Диллон – крохотный городишко, почти целиком состоявший из домиков, которые сдавались лыжникам в пик сезона. Цены здесь, как и в любом курортном местечке, были заоблачными, но все же чуть более умеренными, чем в Брекенридже.

Бродить по длинным рядам продуктового магазина в сопровождении мужчины было для нее непривычно, даже немного неловко. Когда Кари была замужем за Томасом, все необходимые закупки делала домохозяйка. Ни до замужества, ни после гибели Томаса она не ходила в магазин с мужчиной. Обычно ее экспедиции в супермаркет носили

молниеносный характер: заскочила, схватила первое, что попало под руку, и выскочила.

Хантер, судя по всему, тоже не обладал в этом деле достаточным опытом, а потому действовал, в основном полагаясь на интуицию.

– Ты эту штуку пробовала когда-нибудь? – неуверенно поинтересовался он.

– А что это?

Хантер попытался разобрать надпись на банке, но та была выполнена на каком-то непонятном языке.

– Сам не знаю. – Тем не менее он бросил банку в их тележку.

Пока Кари выбирала кочан салата, он взял апельсин, очистил его и аккуратно выбросил корки в бачок для мусора. Потом сунул дольку в рот Кари, а две съел сам.

– Надеюсь, ты заплатишь за него? – прошепелявила она, стараясь, чтобы сок не вытек у нее изо рта.

– Ясное дело, – ответил он с еще более набитым ртом. И тихо добавил, наклоняясь к ее уху: – Если застукают.

Кари закашлялась.

– А я-то думала, ты всегда на стороне закона. Сажаешь в тюрьму за малейшую провинность...

– Сейчас я в отпуске, – наставительно произнес Хантер, притронувшись указательным пальцем к ее носу.

– И почему только ты предпочел прокурорскую карьеру адвокатуре? С твоим-то умом можно было заработать гораз-

до больше в качестве защитника. Разве не так?

– Благодарю за комплимент. – Повертев в руках пакет с суфле, он положил его обратно на полку. – Конечно, ты права. Наверное, мне вообще стоило бы уйти в бизнес, расставшись с карьерой госслужащего. Тогда мои финансовые дела точно пошли бы в гору.

– Так в чем же дело? – продолжила допытываться Кари. У нее было предчувствие, что, если сейчас ей удастся докопаться до сути, многие неясности, касающиеся Хантера, отпадут сами собой.

– Должно быть, меня испортили своей честностью мои родители. С молоком матери я впитал убеждение в том, что между плохим и хорошим есть четкая граница и каждый должен отвечать за свои поступки. Так что не уверен, что мог бы защищать в суде кого-нибудь, наверняка зная, что этот человек виновен в преступлении. Ты только пойми меня правильно. Я вполне уважаю адвокатов и их работу. Я знаю: без них не обойтись, они – часть системы, которая работает, и, слава богу, работает не так уж плохо. И все же эта отрасль юриспруденции – не для меня.

– А ты честолюбив, – заметила она. Магази́нная тележка, ехавшая следом за ней, тут же остановилась. Прежде чем ответить, Хантер хотел встретиться с Кари взглядом.

– Да, честолюбив, и не скрываю этого. Но я не считаю честолюбие пороком.

– Даже раздутое сверх всякой меры?

– Значит, для тебя я именно таков?

Она отвела взгляд в сторону.

– Был. Раньше. А теперь, – Кари в нерешительности опять подняла на него глаза, – и сама не знаю, что думать. Может, ты хочешь сделать карьеру в политике?

Его улыбка снова стала озорной.

– Поживем – увидим. А пока единственное мое желание – стать хорошим окружным прокурором.

– Ты уже стал им. – Взгляд ее глаз был вполне серьезен. Теперь в них не было и тени неуверенности.

Хантер ощутил знакомый прилив страсти и нежности. Она была не только соблазнительной женщиной, но и настоящей, волевой личностью, способной признавать собственные ошибки и прощать ошибки другим.

– Спасибо, – вымолвил он.

Некоторое время они смотрели друг на друга, потом Кари взялась за тележку.

– Расскажи мне о себе, – попросила она.

Как выяснилось, Хантер родился в штате Юта. Его отец владел страховым агентством. И отец, и мать здравствуют донныне. Одна из сестер замужем, другая еще учится в школе.

– Я второй ребенок в семье, к слову сказать, очень упрямый и скверный.

– Спорить не стану.

Он добродушно рассмеялся.

– Знаешь, мне очень хотелось бы познакомить тебя с мо-

ими домашними.

– Я и сама не против.

– А что расскажешь ты?

– О чем?

– О себе, своей семье, детстве...

Расплатившись за покупки и покинув магазин, они направились наскоро пообедать в ближайшую забегаловку. Гамбургеры оказались тощими, ломтики картофеля фри – солеными и гибкими, как макароны, а молочные коктейли состояли из одной пены. Однако Кари и Хантер не замечали этого.

Она рассказала ему о том, что в десятилетнем возрасте лишилась матери, что жила потом с отцом, который в одиночку боролся с жизненными трудностями.

– Я отчаянно, всей душой любила его. Он так старался быть мне и отцом, и матерью одновременно... Только теперь я начинаю понимать, как трудно ему приходилось.

– Чем он зарабатывал на жизнь?

– Он был журналистом, работал в газете. Там я впервые вдохнула воздух редакции, который сразу же опьянил меня. Можно сказать, что я воспылала любовью к своей нынешней профессии с первого взгляда. Каждый день после школы я приходила к отцу на работу. До сих пор помню, какое это чувство – первой читать только что оттиснутые газетные полосы. Подумать только, ты узнаешь все новости первая! Меня просто распирало от счастья и гордости. Держать руку на пульсе событий – что может быть более захватывающим?

Теперь для меня это составляет смысл жизни.

– Наверное, смерть отца стала для тебя особенно тяжелой утратой?

– Да, это было нелегко пережить. Я чувствовала себя совершенно одинокой, какой-то неприкаянной, пока не встретила Пинки. А потом Томаса.

Имя покойного мужа сорвалось с ее губ, прежде чем она успела проконтролировать себя. Кари бросила обеспокоенный взгляд в сторону Хантера, но тот только улыбнулся.

– Ну что, кажется, поели?

Он повел ее к машине, и они вместе поехали обратно в горы, в Брекенридж.

Сунув провизию в холодильник, Кари и Хантер посвятили остаток дня автомобильной экскурсии, целью которой было посмотреть все и ничего в особенности. Когда Хантер наконец привез ее обратно домой, она поинтересовалась:

– Где ты сейчас живешь?

Он неопределенно повел подбородком в сторону западной части города:

– В кондоминиуме у Восьмого пика. Знаешь жилой комплекс под названием «Фор-о'клок ран»?

– Знаю. Квартира принадлежит тебе?

– Нет, просто снял на неделю. Конечно, твоему жилищу она и в подметки не годится. Как будешь ужинать – одна?

– А ты?

Его лицо озарилось мальчишеской улыбкой, и Кари поду-

мала, что он скорее всего был любимцем у матери и сестер.

– Надеялся, что пригласишь меня.

– Считай, что ты уже приглашен, – беззаботно произнесла она, вылезая из машины. – Но запомни: за тобой – мытье посуды.

– В таком случае не нужно сложной сервировки! – так же весело крикнул он ей вслед, включая передачу и трогаясь с места.

Разогрев банку перца-чили, Кари соорудила начо.¹⁰ Незадолго до его прибытия она облачилась в длинную юбку с оборками и синюю блузку в крестьянском стиле. Это была единственная нарядная одежда, которую ей пришлось в голову захватить с собой, и вот наконец наступил вечер, когда все это понадобилось. Сколько же времени прошло с тех пор, как она в последний раз проводила вечер с женщиной? Сейчас Кари вела себя легкомысленно, и это доставляло ей истинное удовольствие. Потому что это было чисто женское легкомыслие. Она выдернула из вазочки искусственный цветок из шелка и лихо воткнула его себе в волосы.

Плотоядная улыбка, появившаяся на губах Хантера, когда Кари открыла перед ним дверь, красноречиво свидетельствовала, что ее усилия не пропали даром.

Они поужинали и, после того как Хантер прилежно загрузил грязными тарелками посудомоечную машину, сели

¹⁰ Мексиканские лепешки из кукурузной муки, подающиеся с острой приправой.

за составление мозаики-головоломки. Проявив неожиданное умение, Хантер вскоре почти завершил картинку, что поразило и даже несколько задело ее.

– Послушай, если ты будешь дуться всякий раз, когда я вставляю на место нужный кусочек...

– Вовсе я не дуюсь!

Перегнувшись через стол, он нежно притронулся к ее нижней губе.

– Значит, мне показалось.

Это подействовало на нее, как разряд электрического тока. Едва он убрал палец, она прикусила губу, словно желала сохранить сладость его прикосновения. Или же, наоборот, отогнать это ощущение.

– Скажи, а по скалам лазить ты умеешь?

– Еще как! – хвастливо ответила она. – А что?

– Просто подумал, что именно этим мы могли бы заняться завтра. Если, конечно, прогулки в горах соответствуют твоим наклонностям.

Он встал и надел куртку. А ей стало горько. Кари изо всех сил старалась скрыть разочарование. После нескольких недель одиночества она с особой остротой ощущала, как пуст ее дом, когда Хантер уходил из него.

– Вполне соответствуют. Когда встречаемся?

– Выспись как следует. Надеюсь, в одиннадцать часов не поздно будет?

– Отлично! Я даже успею завернуть нам с собой обед.

– Вот и прекрасно. Спокойной ночи.

Они стояли в прихожей. Открыв дверь, Хантер обернулся и торопливо обнял Кари. В следующую секунду он ушел. Опустошенная, она заперла за ним дверь.

Кари выдернула из волос цветок и бросила на пол. Ей было досадно до слез, что Хантер ушел, даже не поцеловав ее на прощание. Она ненавидела себя за эту досаду.

– Не устала еще?

– Нет, – прошептала она, вконец запыхавшись. – А ты?

– Я в полном порядке. Но можем и отдохнуть. Скажи только когда.

Словно только и дожидаясь этого предложения, она обессиленно рухнула на траву.

– Сейчас.

Он повалился рядом с ней. Несколько минут они лежали, не говоря друг другу ни слова. Только сиплое дыхание вырывалось из их натруженных легких. В конце концов Хантер поднял голову и посмотрел на спутницу.

Кари лежала, заложив руки за голову. Одно колено было поднято. Сегодня утром, когда Хантер заехал за ней, она показалась ему особенно красивой. На ней были шорты, гольфы и тяжелые ботинки, а также клетчатая рубашка и светло-серый шерстяной свитер. Волосы свободно лежали на плечах.

К тому времени, когда они поднялись примерно до сере-

дины склона, Кари сняла свитер и связала его рукава у себя на животе. После этого стало отчетливо видно, как двигаются при ходьбе ее округлые груди под хлопчатобумажной рубашкой. Прохладный горный ветерок, будто заигрывая, налетал на нее, и вскоре ее соски затвердели от холода. Хантер едва удерживался от сладострастного стога.

Кари открыла один глаз.

– Ты еще жив?

– Едва, – сознался он. – На такой высоте разреженный воздух уже дает о себе знать. Может, попьем?

Она села. Хантер запустил руку в корзину со съестным, которую всю дорогу самоотверженно тащил на себе в гору. Выудив оттуда банку газировки, он открыл ее и передал Кари. Напившись, она вернула ему банку, которую Хантер прикончил в два глотка.

– Значит, вот что такое, по-твоему, прогулка в горах, – проворчала Кари, потирая голеню.

– Ничего, кроме пользы... – протянул он нараспев, копясь в корзине. – А ну-ка, что ты тут еще припасла?

Два часа они карабкались вверх по лесной тропе. Густые ели подчас скрывали от них солнце, однако Хантер и Кари старались держаться близлежащей трассы лыжного спуска. Она служила им надежным ориентиром и не давала заблудиться.

– Сыр, ветчина, картофельные чипсы, шоколадные батончики...

Она добросовестно перечисляла то, что Хантер вытаскивал из корзины. Потом он начал жадно есть. Кари ела не торопясь – больше смотрела на него. Сегодня утром она едва не задохнулась от волнения, когда увидела в окно, как он приближается к ее двери. Хантер тоже был одет в шорты, на ногах его были тяжелые ботинки. Его икры и бедра были словно сплетены из сухих мышц и покрыты легким пушком. Еще он надел сегодня тонкую голубую рубашку. Сейчас она была расстегнута на его груди почти до пояса. Долгое восхождение под жарким солнцем подействовало не только на Кари.

Вид темных вьющихся волос на груди Хантера отчего-то действовал на нее особенно возбуждающе. Стоило ей остановиться на них взгляд, как внутри у нее все замирало, а между бедрами начинал биться властный пульс. От этого ей становилось очень стыдно. И хорошо. Что же делать – подавить в себе сладостное возбуждение или продолжать бесстыдно упиваться видом растительности на его голой груди? Кари оказалась перед непростой дилеммой.

И тут на Хантера упал луч солнца, отчего на его голове заплясали золотистые огоньки. Его глаза под густой завесой ресниц казались частью окружающего леса – темно-зеленого, с оттенками серого и вкраплениями коричневого.

Когда нехитрая трапеза была закончена, Кари устроилась поудобнее, прислонившись спиной к древесному стволу, и закрыла глаза. Она полной грудью вдыхала свежий лесной воздух. В этой томной позе молодая женщина стала еще со-

блзнительнее, и внимание Хантера вновь оказалось прикованным к ее груди, тесно обтянутой рубашкой.

– Похоже, ты не очень любишь лифчики...

Глаза Кари широко распахнулись и напряженно впились в его лицо.

– Что?!

Хантер медленно приподнялся и, зашелестев травой, подсел поближе к ней. Опершись рукой на тот же ствол, к которому прислонилась Кари, он наклонился к ней так близко, что чуть не соприкоснулись их носы.

– В тот день, когда ты упала в обморок, давая показания в суде, на тебе тоже не было лифчика. Признаться, это довольно-таки удивило меня.

– А меня удивило то, что когда я пришла в себя, то увидела... – Кари внезапно замолчала.

– Что я целую тебя?

– Да.

– А ты отвечаешь на мой поцелуй?

– Я до сих пор не уверена, что ответила тебе.

– Ответила, ответила... – спокойно уверил он ее, переместив свой внимательный взгляд на ее рот. – А знаешь, почему я тогда расстегнул на тебе блузку?

Слабо застонав, Кари повернула к нему голову. Уткнувшись лбом в сгиб его локтя, она закрыла глаза.

– Ты говорил, что хотел привести меня в чувство.

– Да, но лишь отчасти.

– В таком случае ты солгал мне не единожды, как уверял раньше.

– То была ложь во спасение, – тихо произнес Хантер, тебе воротник ее рубашки. – Я не мог остановиться. Мне хотелось смотреть на тебя, Кари, смотреть во все глаза. – Его пальцы скользнули по ее шее. – Я и сейчас хочу. – Его негромкий голос звучал так же чарующе, как ветер, шумевший в кронах высоких деревьев.

Ловкие пальцы расстегнули первую пуговицу.

– Ты и сегодня не надела его.

– Не надела...

– И вчера вечером.

Она отрицательно покачала головой, по-прежнему упираясь лбом в его руку.

– И вчера...

– Потому-то я и не поцеловал тебя, когда уходил вчера вечером. Если бы я только притронулся к тебе, то уже не смог бы оторваться. Мне пришлось бы прикоснуться и к твоей груди. Поцеловать ее. Ты сама знаешь, что было бы потом.

Его пальцы уже тянулись к следующей пуговке. Хантер несколько нерешительно теребил перламутровый кружочек. Кари даже не шевельнулась, чтобы остановить его, и он расстегнул пуговицу. Потом еще одну. И еще.

Запах ее тела опьянил его, когда он распахнул ворот рубашки Кари так, чтобы можно было просунуть ладонь внутрь. Сладостно зажмурившись, Хантер ощутил ее кожу –

теплую, гладкую, трепетную, именно такую, о какой он грезил все это время.

Нежное полушарие груди наполнило его руку. Беспокойные пальцы пришли в движение. Они бережно ласкали мягкую плоть.

– Кари, Кари... – тихо простонал Хантер. – До чего же ты прекрасна.

Его ладонь переместилась, чтобы подарить такую же бережную ласку и другому полушарию.

Большой палец совершал осторожные движения вокруг твердеющего соска. Припав к шее женщины, Хантер бесвязно шептал ласковые слова. И едва ее сосок стал твердым, как жемчужина, он легонько стиснул его пальцами.

Кари тихонько всхлипнула. Открыв от неожиданности глаза, Хантер в замешательстве увидел, что по ее щеке катится слеза. Его рука замерла на месте.

– Кари?.. Что случилось? Я сделал тебе больно?

– Нет, – прошептала она, не отрывая своего лица от сгиба его локтя.

– Я чем-то оскорбил тебя? Клянусь, я...

– Нет.

– Так в чем же дело? Почему ты плачешь? Ты хочешь, чтобы я остановился?

Она подняла голову. В ее глазах стояли слезы.

– В том-то и дело, что не хочу. Мне так хорошо с тобой... – От возбуждения ее передернуло. – Так хорошо, что даже не

знаю, что и подумать об этом.

Движения Хантера были молниеносны. Стремительно встав перед ней на колени, он обхватил ее лицо ладонями и вплотную приблизил к своим губам.

– Тогда не думай об этом. Ни о чем не думай...

Глава 10

Его рот никогда еще не был так жаден. У этого поцелуя не было прелюдии. С самого начала он был необуздан и дик. Ее губы без колебаний подчинились властному напору ненасытного языка, который тут же беспрепятственно проник в сладкую глубину женского рта.

Эти несдержанные ласки мгновенно пробудили в ней чувства, которые с необыкновенной силой откликнулись на его пылкий порыв. Смутное ощущение вины, опасения, тяжелые раздумья – все исчезло в одну секунду. Все растаяло во всепоглощающем жаре поцелуя. Ее разум был бессилен – отныне она жила только чувствами.

Вместе они легли на землю – их губы не расставались ни на секунду. В объятиях Хантера была такая безумная страсть, такая жажда обладания, что в душу Кари закралось сомнение, что он вообще когда-либо отпустит ее. Но это сейчас для нее не имело никакого значения.

Прижав ее вначале к зеленому травяному ковру, Хантер затем перевернулся на спину, и, таким образом, она оказалась сверху. Ее колено уперлось ему между ног и тут же оказалось в плену сильных, мускулистых бедер. Она потерлась коленом о его твердое тело.

– О боже, Кари, – пробормотал он сквозь зубы, явно сдерживая себя, – как же долго я хотел тебя...

Потом она, сама не помня как, опять оказалась внизу, и он навис над ней. Вынужденная сдержанность нескольких месяцев уходила прочь. Он хотел Кари с того самого момента, когда впервые увидел ее. И теперь готов был сорвать желанный плод.

Он склонился, чтобы целовать ее – долго и ненасытно. Рот Кари с готовностью ответил ему. Протиснув ладонь между их прижавшимися друг к другу телами, Хантер развязал у нее на талии рукава свитера, а потом, вытащив из-за пояса полы ее рубашки, распахнул их. Ему пришлось оторваться от губ молодой женщины, чтобы оглядеть ее целиком.

Пятна солнечного цвета, пробивавшегося сквозь сплетенные ветви деревьев, игриво плясали на ее обнаженной груди, заставляя сердце Хантера изнывать от страсти. Она выглядела истинным произведением искусства, только живым, из плоти и крови. Шепча его имя, она тянула к нему руки.

Хантер пожирал ее жадным взглядом, чувствуя, что умрет, если в ту же секунду не притронется к ней. И потому ему не оставалось ничего иного, как положить ладони на ее грудь, озаренную переменчивым светом лесного солнца. Великолепная белизна и свежесть кожи, утонченность изгибов ее тела, нежность сосков – все это было чудом, которым он не уставал упиваться.

– Ты так прекрасна, – снова прошептал влюбленный, осторожно приподнимая одну грудь обольстительной красавицы. Его большой палец опять начал описывать медленные кру-

ги вокруг кораллового соска, а глаза зачарованно наблюдали за чудесными метаморфозами, которые происходили с этим маленьким кусочком плоти. – Сама посмотри, если не веришь мне...

Другой рукой он до конца распахнул рубашку на ее груди. А потом осторожно налег на нее сверху своей обнаженной грудью.

– Хантер, – тихо простонала Кари. – О господи, до чего же мне хорошо с тобой...

Прикосновение черных колечек его волос до предела возбуждало ее воспаленные соски. Она самозабвенно ласкалась о его волосы, открывая для себя миллионы новых, до сих пор ни разу не изведанных ощущений. Его теплая, нервно подрагивающая кожа обтягивала твердые мускулы. Руки Хантера скользнули под голову Кари, в то время как сам он приподнялся над ней и тут же склонил голову, чтобы припасть ртом к ее груди.

Первое прикосновение его губ было предельно осторожным – они только касались ее кожи. Казалось, язык Хантера пробует женское тело на вкус. Как и следовало ожидать, этим он не ограничился. Следующий поцелуй был обжигающим – рот Хантера стремился вобрать в себя всю ее грудь, и язык его начал страстно ласкать вершину этого конуса. Голова мужчины качнулась из стороны в сторону, а потом, словно внезапно обессилев, скользнула вниз.

Пылкие губы заскользили вниз по ложбинке вдоль живота

молодой женщины. Губы были горячими, язык – неистовым; вместе они оставляли на животе Кари влажный след, заставляя ее мучиться в агонии сладострастия. Расстегнув ее шорты, Хантер нашел пупок и оставил на нем пламенный поцелуй, а затем продолжил движение вниз, до тех пор пока его плечи не оказались между бедрами Кари.

Кровь шумела в ее ушах, все чувства были обострены до предела – она упивалась новизной необыкновенных открытий. Тело Хантера, придавившее ее сверху, было настолько разгоряченным, что земля под ней казалась чуть ли не ледяной. Запах примятой сочной травы щекотал ноздри. Порыв ветерка шаловливо играл волосами мужчины и женщины, лежавших под деревьями. Солнечные пятна еще оживленнее заплясали на лицах, даря ласковое тепло позднего лета.

Волны возбуждения одна за другой накатывали на Кари, пока рот Хантера продолжал любовную игру с ее пупком. Ее голые ноги конвульсивно стиснули его лежащее между ними мускулистое тело. Бедра начали подниматься и опускаться сами собой. Отпустив ее вздымавшуюся грудь, его рука сползла вниз и начала нежно поглаживать живот Кари в такт с этими размеренными движениями.

– Кари, милая... Ты хочешь?

В ответ ее пальцы только сильнее вцепились в его волосы, и из горла вырвался стон. Хантер потянул вниз «молнию» ее шортов. Трусики на ней оказались светло-желтого цвета.

Вышитая шелком бабочка прикрывала своими распростертыми крыльями твердый холм.

И Хантер прильнул к этой бабочке открытым ртом.

Кари закричала – самозабвенно, словно привычный мир вокруг нее вдруг рухнул и она перешла в новое измерение. Сотни игл наслаждения пронзили ее с такой силой, что она не смогла сдержать рыданий. За мощным извержением вулкана последовала череда сладких толчков, как при затихающем землетрясении...

– О боже... – протяжно пробормотала она, перекатываясь на живот и утыкаясь лбом в сложенные руки. Ее тело еще сотрясалось от последних спазмов, но рассудок уже возвратился к ней.

Кари неподвижно лежала, пытаясь отогнать новое чувство, сочетавшее блаженную расслабленность и приятную тяжесть. Незачем купаться в этом блаженстве. Она позволила одурочить себя и теперь не знала, по силам ли ей будет вынести вид мужчины, который сделал это с ней.

Он же, словно прочитав ее мысли, успокаивающе погладил женщину по спине. Прошло несколько долгих минут. Хантер даже не пытался заговорить с нею, за что она была ему очень признательна. Наконец он, прочистив горло, вымолвил:

– Мне нужно отлучиться. Я ненадолго – только на минутку, сейчас вернусь.

Кари услышала, как он встал. Затем раздались его шаги.

Обернувшись, она увидела, что он исчезает в густом кустарнике, и улыбнулась. Несмотря на всю серьезность того, что только что с ней произошло, Хантер рассмешил ее своей дипломатичностью. Впрочем, ей самой не мешало бы отлучиться по той же причине, что и ему.

Все еще дрожащими от возбуждения пальцами Кари застегнула на себе одежду и поправила растрепавшиеся волосы, а затем тыльной стороной ладони вытерла щеки, на которых после слез наверняка остались темные полосы от расплывшейся косметики.

Заметив выходящего из зарослей Хантера, она с преувеличенной сосредоточенностью принялась складывать в корзину то, что осталось от их пикника.

– Пожалуй, нам пора вниз, – деловито проговорила Кари, прежде чем он успел открыть рот. Встав, она энергично отряхнула сзади шорты. – В это время здесь рано темнеет. – Она снова завязала на талии рукава своего свитера и даже успела сделать пару шагов, однако Хантер поймал ее за руку и повернул к себе лицом.

– Мы никуда не пойдем, прежде чем не поговорим обо всем серьезно. С тех пор как мы впервые встретились, между нами то и дело происходят какие-то недоразумения. Мне вовсе не хочется, чтобы недоразумением стал и сегодняшний день.

Все еще не решаясь взглянуть ему в глаза, Кари забубнила что-то себе под нос. Могло показаться, что она разговарива-

ет с третьей пуговицей его рубашки – теперь уже аккуратно застегнутой и заправленной в шорты.

– Сама не знаю, что на меня нашло. Я... – удалось наконец ему разобраться.

– У тебя был оргазм. – Это было сказано самым невозмутимым тоном, будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся. Ее взгляд испуганно взметнулся вверх. Лицо Хантера выглядело вполне учтиво, даже слишком. – Ну и что? Не вижу в этом ничего страшного. Почему такая паника, Кари?

– Потому что такого со мной никогда еще не случилось...

Его губы напряглись, пытаясь сдержать улыбку, однако им этого не удалось.

– Значит, мне не остается ничего другого, как поздравить тебя.

– Нет, я вовсе не о том, – нетерпеливо перебила она его. – Конечно, это бывало со мной и прежде. Но чтобы так... Такого еще не было.

Ей не хватало слов, чтобы описать, насколько она утратила над собой контроль. Так бывает, когда скользишь к краю пропасти, не зная, за что ухватиться. Или видишь, как на тебя сходит снежная лавина, и не можешь сдвинуться с места, потому что от нее все равно никуда не убежать... Неужели ему не понятно? Если нет, то и не стоит вдаваться в объяснения. Так, чего доброго, только больше запутаешься и предстанешь перед ним еще большей душой...

– Понимаешь, это произошло так быстро, без всякого...

Ну ты сам знаешь. Ты, наверное, думаешь...

– Может, позволишь мне сделать собственный вывод? – Хантер притянул ее к себе. – На мой взгляд, ты просто страстная женщина, которая по печальному стечению обстоятельств минувшего года оказалась лишенной физической любви.

– Вот-вот! – выкрикнула Кари. – Истосковавшая по сексу вдовушка, которая готова кинуться на шею первому встречному мужчине... Господи, до чего мне противно слышать об этом!

– Послушай! – Он слегка встряхнул ее за плечи. Различив в голосе Хантера жесткий тон, она снова испуганно поглядела ему в лицо. – То, что произошло, было прекрасно. Я уверен в этом и чертовски рад, что именно мне удалось добиться этого. И если вместо меня это сделал бы кто-нибудь другой, то, клянусь, я убил бы его, пусть мне и пришлось бы нарушить свято чтимую мною заповедь. Ты была великолепна, Кари. Слышишь? Великолепна! Ясно тебе?! Так чего же тебе надо еще? Что еще я должен сказать, чтобы ты наконец стряхнула с себя этот дурацкий виноватый вид, чтобы исчезла в твоих глазах напряженность?

В этот момент Кари с абсолютной уверенностью поняла, что любит его.

Ведь он вполне мог воспринять случившееся с тупым самодовольством, начать кичиться тем, что ее душа и тело стали подвластны его воле. Однако Хантер повел себя совер-

шенно иначе. Он всеми силами давал ей понять, что это ее, а не его триумф.

В ее глазах стояли слезы, однако она улыбнулась. И произнесла:

– Что ты должен сказать? Скажи, что сегодня вечером приготовишь для меня спагетти по своему особому рецепту.

Жесткие складки по бокам его рта разгладились и сменились усталой улыбкой.

– Иди ко мне...

Хантер крепко прижал ее к своей груди, прижавшись щекой к ее макушке. Одной рукой он поддерживал ее затылок, другая же стальным обручем обхватила ее талию. Так, словно два сплетенных ствола, они несколько минут неподвижно стояли на лесной поляне, только чуть-чуть покачиваясь из стороны в сторону.

Отпустив возлюбленную, Хантер быстро поцеловал ее в кончик носа.

– Ты права, уже темнеет. Пойдем-ка домой.

Он не заставил себя долго ждать. Когда хлопнула дверь в прихожей, Кари сидела, подобрав под себя ноги, на диване и смотрела по телевизору раздел новостей шоу-бизнеса с Салли Дженкинс в роли ведущей. Ей пришлось встать, чтобы встретить Хантера, внесшего в комнату внушительный бумажный пакет с разнообразной едой и двумя бутылками вина.

Перегнувшись через пакет, он чмокнул ее в губы.

– Ну как, я не очень задержался?

– Не очень. Хорошо, что оторвал меня от созерцания главной соперницы.

– А-а, так это и есть та самая Салли? – протянул он, притащив покупки на кухню и вывалив их на стойку.

– Та самая, и ты прекрасно знаешь это. Салли Дженкинс... Первая красотка на денверском телевидении. И моя смерть.

Он вскинул голову, прекратив перебирать банки и свертки.

– Кажется, чем-то едким запахло. Уж не ревностью ли?

– Угадал, ревностью – и еще какой... – Выключив телевизор, она принялась помогать Хантеру на кухне. Добродушно посмеиваясь, он протянул ей бокал вина.

– Ну и зря. Нашла соперницу... Да она тебе в подметки не годится. Чего в ней особенного, кроме бюста?

– Надо же, заметил...

– Такой бюст разве что слепой не заметит.

– Н-да, – горестно вздохнула Кари. – Вот и хмырь какой-нибудь из коммерческого отдела заметил. Или, может, ее сочли открытием, после того как там не стало меня... – Она облокотилась о кухонный шкаф, и ее указательный палец задумчиво побегал по ободку бокала. – Что, если меня не возьмут обратно на работу, а? Как ты думаешь, Хантер?

Глубокая тревога отражалась на ее лице, звучала в голосе. Хантер отложил в сторону кастрюли, которые только что

достал. Заключив ее лицо в свои ладони, он убежденно проговорил:

– Возьмут. – Рот Кари ощутил мягкое прикосновение его губ. – А если даже и не возьмут – велика ли беда? Займешься чем-нибудь другим. И прославишься еще больше.

– Спасибо, ты знаешь, как успокоить меня. – Она поставила бокал и порывисто обняла Хантера, прижавшись щекой к его груди. – Ты так нужен мне, – прошептала Кари еле слышно, но он тем не менее расслышал ее.

Хантер немного отстранился, чтобы заглянуть ей в глаза.

– Для чего? – Ответ, какой он желал получить, был настолько очевиден, что сердце Кари забилося с опасной частотой.

Она до сих пор чувствовала себя раздавленной после того, что произошло днем, и не хотела, чтобы он счел, что превратился для нее в подобие идола. А потому ей не оставалось ничего иного, как свести все к шутке. Склонив голову набок, Кари произнесла:

– Для того, чтобы аннулировать выписанные мне штрафы за неправильную парковку. Надеюсь, тебе не составит труда оказать мне эту маленькую услугу? Как-никак ты окружной прокурор.

Хантер беззлобно рассмеялся. Сграбастав ее в охапку, как медведь, он прорычал ей в ухо:

– Нет, не составит. Но подобные услуги недешево стоят.

Его рука бесстыдно ласкала ягодицы Кари. У нее не было

ни малейшего сомнения насчет того, какую именно цену заломит этот человек.

Однако он всего лишь заставил ее готовить салат, в то время как сам взялся колдовать над соусом для макарон. Смешивая ингредиенты, Хантер работал с сосредоточенностью и воодушевлением алхимика. Как только соус в кастрюле закипел, они, прихватив с собой вино, перешли из кухни в небольшую гостиную и устроились рядышком на диване. Он положил ее босые ноги себе на колени.

– Почему без туфель?

– Кажется, сегодня я изрядно натерла ногу.

Его взор скользнул по шелковым слаксам Кари. Свободные брюки напоминали цветом ванильное мороженое. К ним очень шла такая же свободная блузка с очень широким вырезом, специально для того, чтобы из него выглядывало одно плечо.

– Мне нравится твой наряд. – Указательный палец Хантера провел невидимую линию по обнаженному плечу Кари.

– Хм... Могу я поинтересоваться, почему?

– А ты не спрашивай – просто оденься так же, когда будешь выступать по телевидению, и сама увидишь, как сразу же подскочит твой рейтинг.

– Ты в самом деле так думаешь?

Он нахмурился.

– Хотя нет, лучше не надо. Я не хочу, чтобы тысячи других мужчин глазели на тебя, истекая слюной.

– Неужели ты стал бы ревновать?

– Еще как, черт возьми! – Он улыбнулся улыбкой нераскаявшегося грешника. – Кстати, ты с Пинки еще не говорила по телефону?

Покачав головой, Кари уставилась в бокал, наполненный красным, как рубин, вином.

– Хотела позвонить ему, чтобы позубоскалить насчет его подвигов на амурном фронте, но... – Неоконченная фраза повисла в воздухе.

– Но раздумала, потому что он, не оставшись в долгу, начал бы зубоскалить насчет твоих.

Она удивленно вскинула голову.

– Нет, скажи, как это тебе удастся?

– Что?

– Тебе всегда известно, что я думаю. Откуда? Знаешь, мне иногда просто не по себе становится – такое чувство, что ты залез в мою черепную коробку.

– Прости меня. Но все же ты не станешь отрицать, что я и на сей раз угадал твои мысли. Так или нет? Он наверняка спросил бы, удалось ли мне разыскать тебя, и тебе пришлось бы ему что-то ответить. Но что именно, Кари? Вот что мне интересно в первую очередь. Что бы ты ему сказала о нас двоих?

– Сама не знаю...

Сбросив ее ступни со своих колен, Хантер встал и медленно направился на кухню. Лицо Кари исказила гримаса досады.

ды, но через несколько секунд она пошла за ним следом. Он стоял у плиты, помешивая в кастрюле соус.

– Я же говорила тебе, чтобы ты не надеялся на слишком многое.

Его плечи раздраженно дернулись вверх, но в следующую секунду, немного расслабившись, опустились. Хантер обернулся.

– А я и не надеюсь.

По какой-то необъяснимой причине ей захотелось прямо здесь, на кухне, наброситься на него с кулаками.

– Нет, надеешься! Надеешься, что я позволю тебе переспать в моей постели.

– Нет, черт возьми, нет! – выкрикнул он. У него тоже истощено терпение. До сих пор Хантер только и делал, что сдерживал себя, действовал медленно, осторожно, в час по чайной ложке, словно разыгрывал сложную шахматную партию. Но проклятое тело не хотело слушаться разума. Оно находилось в состоянии повышенной боеготовности с того самого момента, как он, прибыв в Брекенридж, увидел ее в ресторане. – Да, я хочу попасть в твою постель. Но могу ли я надеяться на это? В этом я как раз и не уверен. Я не знаю, на что мне надеяться. Я в тумане!

– Почему ты говоришь мне все это?

– Почему? Да потому что сам не знаю, что со мной творится. Знаю только одно: таких вещей, непростых и странных, со мною никогда еще не происходило. С первого дня

нашей встречи ты только и делаешь, что бросаешь меня то в кипяток, то в ледяную воду.

– Зачем же ты тогда сюда явился?

– Чтобы немного разрядиться.

Гнев Хантера только раззадорил ее.

– Ну хорошо, предположим, я согласилась бы лечь с тобой в постель. И что после этого?

– После этого я продержал бы тебя в постели не меньше месяца.

Красные капли соуса упали с деревянной ложки на пол. Нетерпеливо сунув ее обратно в кастрюлю, Хантер решительно шагнул к Кари.

– Еще ни перед одной женщиной я не метал бисера столько, сколько перед тобой. И знаешь что? Мне это уже начинает надоедать! Я уже устал взвешивать каждое слово, все время опасаясь, что оно может быть неверно тобою истолковано.

Схватив женщину за плечи, Хантер рванул ее к себе, так что их тела столкнулись.

– А теперь мне плевать. Плевать на то, что ты можешь об этом подумать. Но знай: вот что я чувствую сейчас. – Он прижал ее к своим бедрам. – Я хочу тебя, Кари! Хочу до безумия, хочу видеть тебя обнаженной, такой же самозабвенной, какой ты была сегодня, когда мы вместе валялись на траве. Но только теперь мне хочется быть глубоко внутри тебя, чувствовать то же, что чувствуешь ты, стать частью твое-

го мира. Вот!.. Наверное, ты сочтешь меня слишком грубым, неотесанным, зато в неискренности упрекнуть не сможешь. Ну что, доходчиво я выразился? Я знаю, ты любишь выслушивать только то, что тебе нравится, а стоит кому-нибудь только заикнуться о чем-то менее приятном, как ты сразу же затыкаешь уши. Но теперь-то уж я спокоен: на сей раз ты вряд ли сможешь просто отмахнуться от моих слов.

Он выпустил ее из объятий столь неожиданно, что она чуть не упала. Еще раньше Хантер заприметил в кухонном буфете початую бутылку скотча. Вот что ему сейчас пригодится. Налив себе в стакан изрядную порцию, он проглотил виски залпом.

Кари начал разбирать смех. Подобные излияния были ей в диковинку, а потому показались забавными. Томас никогда не терял самообладания, неизменно оставаясь любезно-отстраненным. Хантер был совсем другим – в его гневе было столько же страсти и огня, сколько и в поцелуях. И ей хотелось заставить его повернуться к ней лицом, изо всех сил закатить ему оплеуху... А потом поцеловать – с той же пламенной страстью.

– Хантер...

– Что? – огрызнулся он не оборачиваясь.

– Скажи мне, когда можно будет накрывать на стол.

Не без некоторых усилий, конечно, но ей все же удалось утихомирить его. И к тому времени, когда стол был накрыт,

ее приятель был снова в добром расположении духа. Открывая вторую бутылку вина, он сыпал шутками и благосклонно улыбался, когда Кари хвалила спагетти его приготовления. Нрав его был переменчив, но без угрюмости, и это ей в нем нравилось.

Убрав после ужина грязную посуду, они снова взялись за головоломку. На сей раз Хантер не спешил проявлять прыть, предоставляя ей самой неспешно обдумывать каждый ход. Он же довольствовался в основном тем, что следил за ее губами, шевелящимися в глубоком раздумье. Ему нравилось смотреть на ее волосы, падавшие ей на лоб, и ее руку, рассеянно отбрасывающую их назад.

Пужинав, они перенесли свечи на ломберный столик. Неровный свет освещал хрупкую фигуру Кари, склонившуюся над головоломкой. В золотистом мерцании кожа ее обнаженного плеча казалась теплым бархатом, в который уже раз пробуждающим в нем желание прикоснуться к ней. Ему хотелось завладеть женщиной целиком, чтобы познать, какова она на вкус...

Если бы ему предложили назвать самую возбуждающую вещь в ее гардеробе, то он, не раздумывая, остановил бы свой выбор именно на этой кофточке. Как и прежде, она ничего не надела вниз. Каждый раз, когда Кари шевелилась, приходили в движение и ее груди. Она была в высшей мере сексуальна, вовсе не пытаясь такой предстать. Секрет ее чар таился в ее природной утонченности.

Внезапно ему вспомнилась Мэрилин, и он, не удержавшись, хмыкнул. И как ему только в голову пришло пытаться изгнать из головы мечты о Кари с помощью другой женщины, любой другой женщины, не говоря уже о вульгарной и развязной Мэрилин? Надо же быть таким идиотом!

Кари озадаченно поглядела на него.

– Я что-то не так сделала? Что тут смешного?

Хантер засмеялся снова.

– Не обращай внимания. Просто вспомнился один вечер, о котором лучше бы и не вспоминать вовсе.

– Да?

– Однажды я утратил здравый смысл.

– И всего-то?

– Да, это все, больше тебе знать незачем.

Она покачала головой, словно усомнившись в его душевном здоровье, и снова погрузилась в свою головоломку.

В руке у нее оставалось всего три кусочка, которые предстояло поставить на место. Теперь, когда работа была близка к завершению, ею владел какой-то безотчетный страх. Вскоре картина предстанет перед ней во всей пугающей полноте, ей придется довести все до логического конца. Нет, не изображение разноцветных воздушных шаров – ее собственный образ имеется в виду. И рядом – еще один.

Хантер Макки.

Вначале он был ее врагом. Теперь же она знала, что любит его.

Она вставила один кусочек точно в паз. Оставалось еще два.

Он был не из тех, кого легко любить. Честолюбив. С норовом. Но вместе с тем этот человек горой стоял за справедливость, за все то здоровое, что делает Америку Америкой, за те консервативные ценности, которым была привержена и Кари. Сегодня вечером он был с нею предельно откровенен. Да, он хотел ее. Однако это не было для нее секретом. Стоило только немного напрячь память, и выяснялось, что его желание давно уже известно ей. Скорее всего она намеренно довела его до такого состояния, когда ему не оставалось ничего иного, как прокричать о своих чувствах во весь голос.

Но сам он? Любит ли он ее?

Скорее всего да. Такой мужчина обычно не ждет от женщины благосклонности как манны небесной. А он ждал. Больше года ждал. После всего того, что она сделала с ним, сказала – ему и о нем, он все равно пришел. Разве он поступил бы так, если бы не любил ее? Томас постоянно говорил ей о своей любви, и все же это, как оказалось, вовсе не мешало ему изменять своей благоверной. Так что же для нее важнее – слова или дела? И разве Хантер не сделал уже достаточно для того, чтобы доказать, что любит ее?

Она поставила на место последний кусочек мозаики.

Неблагодарное занятие – любить божество. Именно так она любила Томаса и могла теперь признаться себе в этом. Он был для нее рыцарем в сияющих доспехах, как однажды

метко высказался Пинки. В ее глазах Томас был само совершенство.

Да только жить с этим совершенством приходилось, дрожа от преклонения и страха. Разве в прошлом не боялась она совершить что-нибудь, что могло прийтись ему не по вкусу? Разве не прикусывала язык, опасаясь, что пришедшая ей в голову мысль в корне противоречит его взглядам? Разве не лезла из кожи вон, стараясь во всем угодить ему, чувствуя в то же время, что далеко не всегда ее старание оказывается замеченным?

А разве могла она когда-нибудь достичь с Томасом такой степени раскрепощения, – как духовного, так и физического, какой достигла сегодня днем с Хантером? Нет, никогда. Возможно, Томас и в самом деле пользовался услугами проституток, но подобной смелости от собственной жены наверняка не одобрил бы. Между ними ни при каких обстоятельствах не могли сложиться подобные взаимоотношения – она понимала это.

Любовь же к Хантеру была свободна от подобных препон. Да, действительно, в прошлом она искренне любила Томаса, но теперь полюбила другого. И это чувство оказалось совершенно непохожим на прежнее – оно было таким новым, таким свежим... Что ж, наверное, и в самом деле пришла пора отвести старой любви в благодарной памяти укромный уголок, всецело отдавшись любви новой.

Она потверже нажала на последний кусочек мозаики.

Итак, картина была завершена.

Кари долго смотрела на собранную головоломку, задумчиво водя пальцем по глянцевой картонной поверхности, а потом подняла глаза на мужчину, безмолвно сидевшего напротив.

– Ну вот, все сошлось. – Ее голос несколько сел от волнения.

– Значит, теперь мне можно сказать, что я люблю тебя? Я люблю тебя, Кари, с того самого дня, когда ты впервые вошла в мой кабинет.

– Наверное, вскоре после этого и я полюбила тебя. Потому и была к тебе так нетерпима.

– Знаю...

Она ошеломленно уставилась на него.

– И давно ты это знаешь? Почему же до сих пор ни разу не сказал мне об этом?

– До сих пор ты не была готова выслушать это от меня. А теперь этот момент настал. Ты любишь меня, и я люблю тебя. Мы любим друг друга.

Будто в трансе, но вместе с тем четко осознавая, что делает, Кари поднялась со стула и двинулась к Хантеру. Он тут же взял ее за руки и усадил себе на колени.

Их уста слились в нежнейшем поцелуе – кончики двух языков лишь слегка касались друг друга.

– О, до чего же сладко... – простонал он, не отрываясь от ее рта. Поцелуй становился все более страстным. Язык Хан-

тера пришел в движение, черпая неизъяснимое наслаждение в глубине ее рта и даря ей точно такое же взамен.

Сквозь шелк блузки ее грудь почувствовала жар его ладони – сосок мгновенно вздыбился под умелыми пальцами. По-прежнему шепча ласковые слова, Хантер встал, чуть отстранившись от любимой, но обе его руки тут же скользнули ей под тонкую блузку.

– Я ждал этого весь вечер. – Его ладони возбужденно гладдили ее теплую плоть.

– Даже если я буду кричать «нет», не останавливайся, – приказала Кари срывающимся голосом, в то время как он, приподняв ее груди, словно одержимый ласкал вершины обоих великолепных холмов.

– Сними блузку – я хочу видеть свои руки на твоем теле...

Хантер действительно и не подумал оторвать от нее свои ладони, когда она через голову снимала с себя шелковую кофточку.

– Господи... – только и выдохнул он.

Большие и загорелые руки с островками темных волос застыли на гладком и белом женском теле. Действительно, вряд ли можно было представить себе картину эротичнее этой. Кари сдавленно охнула, когда под подушечкой пальца ее сосок окончательно превратился в набухший розовый бутон.

В следующий момент она увидела надвигающийся на нее рот Хантера и ощутила утонченную ласку его языка. Его гу-

бы сомкнулись, беря ее грудь в сладостный плен. Хантер закрыл глаза, и длинные ресницы отбросили тень на его высокие скулы...

Полюбовавшись некоторое время ее тугими, красивыми грудями, Хантер в свою очередь задал вопрос:

– Ревнуешь?

– Нет. – Кари спустила ноги с кровати и одернула на себе ночную рубашку.

– Куда это ты собралась? – поинтересовался он.

– Хочу хотя бы немного привести себя в порядок, – бросила она, направляясь в ванную комнату. – Хочу быть хоть немного конкурентоспособной по отношению ко всем остальным бабам, с которыми ты просыпался по утрам.

Через несколько минут, с мокрыми после душа волосами, женщина уже вышла из ванной, одетая в длинный легкий халат, застегнутый спереди на «молнию». Вместе с ней в комнату вплыл аромат цветочного шампуня. Только что поднявшийся с постели Хантер моментально поймал ее в широко расставленные руки и, прижав к себе, едва не задушил долгим поцелуем. Затем, чуть отстранившись и вода руками по ее ягодицам, шутливо спросил:

– Заслужил ли я хотя бы завтрак за все свои хлопоты?

– Какой же ты наглец! – прошептала женщина и укусила его за губу.

– Ай!

– Это будет тебе уроком. Кстати, у тебя отросла щетина,

и она очень противно колется.

– Так уж и быть, я прощу тебя, если ты одолжишь мне бритву.

– Она с нетерпением дожидается тебя на полочке в ванной.

Посасывая губу, Хантер направился в ванную комнату, волоча за собой конец простыни, в которую завернулся на подобие римского патриция. Поглядев на него, Кари засмеялась. Как давно она не чувствовала себя такой счастливой!

Бекон уже поджарился, и она направилась к двери, ведущей из кухни, чтобы выяснить, желает он омлет или глазунью. Они встретились на пороге. Его влажные после мытья волосы курчавились, кожа пахла душистым мылом и чистой, вокруг шеи болталось полотенце. Он был бос и одет в одни лишь джинсы.

Волна желания, захлестнувшая Кари, буквально обездвижила ее. Она замерла, словно каменное изваяние, рот ее слегка приоткрылся, взгляд затуманился.

Широкая улыбка на лице Хантера сменилась удивленным выражением.

– Что с тобой?

– Ничего, – с трудом выдохнула она. – Я... Ты... Мне нравится, как ты выглядишь, вот и все.

– Ну-ка, иди сюда...

Кари с наслаждением нырнула в объятия возлюбленного и изо всех сил обвила его шею руками. Их тела крепко прижа-

лись друг к другу, и остатки стыда слетели с ее души, словно желтые осенние листья. Нетерпеливо встретившись, их губы слились воедино. Она вдыхала его запах и не могла насытиться, как путник, долго шедший по пустыне, пьет, не в силах остановиться.

– Кари... – простонал он, когда женщина стала ласкать губами его шею. Хантер ощущал ее зубы на своей коже и чувствовал, как тело его начинает вибрировать от желания. – Только не останавливайся, милая. О-о-о!.. Как хорошо!.. Боже, до чего же ты великолепна!

Ладони женщины побежали вниз, словно наслаждаясь ощущением крепкого тела возлюбленного, затем стали гладить скульптурные сплетения мышц на его груди. Кончики ее пальцев играли с его сосками. Почувствовав, как они напряглись, она принялась ласкать их языком. Голова мужчины откинулась назад – так резко, что он слегка ударился затылком о стену, – глаза закрылись, лицо исказила судорога наслаждения. И все же он пока не делал никаких ответных шагов. На протяжении этой ночи Кари страстно отвечала на каждое его движение, но все же инициатором любовных игр неизменно был Хантер. Сейчас они как бы поменялись местами, но тот факт, что в данный момент он выступал в качестве пассивной стороны, ничуть не ущемлял его мужское достоинство. Наоборот, ему это даже нравилось.

Ладони Кари скользнули вниз по его животу, пальцы стали ласкать курчавые волосы вокруг пупка. Затем они рас-

стегнули пуговицу джинсов и расстегнули «молнию».

– Да, Кари, да...

И вот руки женщины уже внутри – ласкают и гладят его тугую, возбужденную плоть.

Стон вырывался сквозь крепко сжатые зубы Ханте-ра. Задыхаясь от наслаждения, он то бормотал проклятия, то выдыхал ее имя. Ее ласки были неопытны, но тем сильнее становилось от этого даруемое ими наслаждение. Пальцы Кари исследовали его тело с какой-то по-девичьи наивной непосредственностью и любопытством, и Хантера захлестнула страсть такого накала, какой ему еще ни разу прежде не доводилось испытывать.

Наконец Кари опустилась на колени.

– Боже мой... – простонал Хантер. Ему казалось, что он в любой момент может умереть от наслаждения, но, великие небеса, какой прекрасной была бы эта смерть!

Когда он наконец не смог больше терпеть, то опустился на колени рядом с ней, расстегнул «молнию» на ее халате и одним резким движением сдернул его. Они одновременно упали на пол и сразу же – уверенно и страстно – он вошел в нее. Кари вскрикнула от счастья, ее спина изогнулась дугой, жадно принимая каждый удар его тела. Оргазм наступил уже через несколько мгновений – громкий и неконтролируемый, словно взрыв. Затем они лежали, крепко прижавшись друг к другу. Он все еще находился внутри Кари, прижимая ее к себе, и ласково терся носом о ее ухо.

– По-моему, у вас несколько сместилось чувство времени, мадам.

Пальцы Кари пробежались по его волосам.

– Что ты имеешь в виду?

Губы Хантера подарили ее лицу несколько легких поцелуев.

– Почему эта гениальная идея не посетила тебя в тот момент, когда мы находились в мягкой, уютной постели? Теперь тебе не пришлось бы валяться на жестком полу.

Она захихикала, как маленькая девочка, застигнутая за какой-нибудь шалостью.

– По крайней мере теперь я знаю, что означает эта старая поговорка.

– Какая еще поговорка?

– Насчет того, что бывает, когда оказываешься между молотом и наковальней.

Хантер усмехнулся и слегка прикусил кожу на ее шее.

– Сейчас опять окажешься.

– То есть?

Хантер наигранно вздохнул, погладил ее соски, а затем сделал резкое движение тазом вперед. Кари задохнулась, широко распахнув глаза. Он заглянул в ее лицо и улыбнулся.

– Вот о чем. – Хантер встал и помог ей подняться. – Тем не менее я проявлю себя джентльменом и сначала отнесу тебя в постель.

Подхватив возлюбленную на руки и впившись губами в ее

рот, он перенес ее в спальню и мягко опустил на простыни.

– А я-то думала, ты хочешь позавтракать, – пробормотала Кари, целуя его грудь.

– Именно этим я и собираюсь заняться, – ответил он, опускаясь на нее. – Не мешкая ни секунды.

Хантер уютно устроился между раздвинутых ног Карри, положив подбородок ей на живот и обнимая ее бедра. Женщина была совершенно расслаблена и находилась во власти чудесной истомы. На кончике ее носа красовались очки Хантера, пальцы лениво гладили его плечи и спину.

– Я уже выучила все, что только можно.

– Относительно чего? – Он слегка подул на нежный светлый пушок, покрывавший низ ее живота.

– Относительно секса.

Хантер рассмеялся и, слегка приподняв голову, почесал подбородок о живот Кари.

– И что ты теперь ощущаешь?

– Чувствую себя такой усталой, что, по-моему, никогда больше не смогу пошевелиться, – сонным голосом ответила она. – Ты как-то сказал, что если затащишь меня в постель, то не выпустишь оттуда как минимум месяц. Сейчас я начинаю думать, что ты не шутил.

– Мне кажется, я на это способен.

Ее живот завибрировал от неслышного смеха.

– В таком случае отпуская ты меня хотя бы на обеденные

перерывы.

– А я тебя уже накормил обедом.

Кари открыла один глаз и скосила его вниз, на голову Хантера.

– Два паршивых сэндвича и кусок холодного бекона вряд ли можно назвать обедом.

Хантер переполз повыше и поцеловал женщину в губы.

– Это мне следует жаловаться, а не тебе. Я умираю от истощения. Разве ты не считала, сколько раз я...

– Так я и думала! Ты уже стал воспринимать меня как свою собственность.

В ее голосе прозвучала легкая, но неподдельная обида, и Хантер счел своим долгом загладить ее нежным глубоким поцелуем.

– Ну-ну, стоит ли кипятиться, – примирительно проговорил он, когда их губы наконец разъединились. – Если хочешь, я угощу тебя самым изысканным ужином.

– И самым дорогим. С двумя сменами блюд и двойным десертом.

– Согласен, – с притворной горечью вздохнул он. – Но прежде чем выпустить тебя из постели, мне хочется проверить, не упустил ли я чего-нибудь.

Хантер стащил с Кари свои очки и нацепил их себе на нос, а затем посмотрел на ее груди. Челюсть его отвисла в притворном изумлении.

– У тебя их, оказывается, две?

Кари зашлась от хохота.

Свернувшись под простыней и нежась в тепле нагретой их телами постели, Кари лежала, прижавшись спиной к животу Хантера. Они смотрели на дождевые капли – большие и тяжелые, словно подвески с хрустальной люстры, – падавшие с серого сумрачного неба за оконным стеклом.

– Кари, – заговорил он.

– М-м-м?

– Я вправду очень сожалею по поводу ребенка, которого ты потеряла.

Молодая женщина не пошевелилась. Ее удивило, что он вдруг заговорил сейчас на эту болезненную тему, однако же, не глядя ему в глаза, она безошибочно чувствовала, что он говорит искренне. Это можно было понять по его голосу.

– Я знаю, что ты чувствуешь. Я ощущаю то же самое.

– Ты ведь больше не винишь меня?

– Нет. Конечно, нет. Просто ты подвернулся мне под горячую руку, и я сорвала на тебе свою злость.

Ладонь Хантера стала гладить ее живот.

– У тебя еще будет ребенок. А возможно, и не один.

– Может быть, – вздохнула она, улыбнувшись, но в ее голосе не было радости.

– Ведь твое здоровье не сильно пострадало? Я имею в виду, у тебя еще могут быть дети?

– Да.

По тому, как расслабились его мускулы, Кари поняла, что напряжение, владевшее Хантером, отпустило его. Он был успокоен ее ответом, и ему было приятно, что они могут обсуждать эту щекотливую тему без стеснения и экивоков.

– У тебя обязательно будет ребенок, – категоричным тоном заявил он.

– Ты так уверенно об этом говоришь... – усмехнулась женщина. – Но для того, чтобы появился ребенок, нужны, знаешь ли, двое. Желаете выступить добровольцем?

Его губы нашли мочку ее уха под светлыми локонами.

– Всегда к вашим услугам, мэ.м.

В этот момент Хантер действительно был готов на все. Он прижался к спине Кари и вошел в нее, лаская рукой густые выющиеся волосы на ее лобке. Они вместе поднимались к вершине наслаждения и, в очередной раз взорвавшись криками, медленно спустились обратно, на грешную землю.

Тело Кари было покрыто мелкими бусинками пота и то и дело вздрагивало от сладостных судорог, прокатывавшихся изнутри. Перевернувшись, она легла поверх него. Как сексуально он выглядел: полуприкрытые в истоме глаза, удовлетворенная улыбка, влажные пряди волос, прилипшие ко лбу.

Нежность захлестнула Кари.

– Ну, почему, почему мне потребовалось так много времени, чтобы понять, что я тебя люблю!

– Главное, что ты это все же поняла. Я этому очень рад.

– Я люблю тебя, Хантер.

– И я тоже люблю тебя.

Она прижалась щекой к его подбородку, он запустил пальцы в ее волосы и крепко прижал к себе.

С нескрываемым отвращением Пинки смотрел в стоявшую перед ним тарелку.

– Что это за чертовщина?

– Это не чертовщина, а завтрак, – твердо ответила Бонни.

– «Кровавая Мэри» – на завтрак?

– При чем тут «Кровавая Мэри»? Это обычный йогурт с гранолой.¹¹

– Больше похоже на птичий корм. Или – птичий помет.

– Пинки!

– О дьявол! – Он взял ложку, зачерпнул неаппетитное на вид месиво и сунул в рот. Пинки знал: пока он не съест все до последней ложки, Бонни не позволит ему выкурить первую утреннюю сигарету.

– Ну и гадость! Налей мне черного кофе, да покрепче, чтобы отделаться от этого мерзкого вкуса.

– Не слышу слово «пожалуйста».

– Пожалуйста, – буркнул он.

Женщина поставила кофейник рядом с ним и села за стол.

– Когда ты на мне женишься?

От неожиданности Пинки чуть не опрокинул горячий кофе себе на колени.

¹¹ Подслащенная овсянка с орехами и изюмом.

– Жениться? Кто и когда говорил о женитьбе?

– Я только что сказала.

– Так забудь об этом.

– Почему?

– Потому что я не собираюсь жениться.

– Назови мне хотя бы одно обстоятельство, которое бы этому мешало.

– Ты храпишь.

– Ты тоже.

– Вот видишь? Только представь себе двух храпящих людей в одной постели. Нам никогда не удастся заснуть рядом друг с другом.

– Мы и так мало спим, оказываясь в кровати. Это, кстати, еще одна убедительная причина в пользу женитьбы. Что, если я забеременею?

Ложка замерла на полпути к его рту.

– Вряд ли. Ты слишком старая.

– Большое спасибо, свинья ты эдакая.

– На здоровье.

– У нас похожие характеры, – не отступалась Бонни.

– Мы то и дело ругаемся.

– Только из-за того, что ты упрям как осел.

– А ты, видимо, нет?

– Между нами много общего.

– Ага, в частности, то, что мы уже далеко не первой молодости.

Она положила руку ему на ляжку и ущипнула ее.

– Судя по тому, как ты ведешь себя в постели, тебе еще рано хоронить себя. Этой ночью ты меня просто измотал, Пинки Льюис.

По его лицу пробежала довольная улыбка, но она тут же сменилась серьезным выражением.

– Я тут ни при чем. Это ты пытаешься загнать меня в гроб. Сначала женишь на себе, потом сведешь в могилу с помощью этих твоих сексуальных марафонов и получишь деньги по моей страховке.

Бонни согнулась от смеха.

– Придумай что-нибудь поумнее. Ну какая компания поведет себя до такой степени по-идиотски, что станет страховать это тело? – ткнула она его пальцем в живот.

Прежде чем Пинки успел придумать какой-нибудь достойный ответ, раздался звонок в дверь.

– Кто бы это мог быть? – проговорила Бонни. Как только она вышла, Пинки немедленно закурил, с наслаждением наполняя сигаретным дымом свои исстрадавшиеся легкие.

– О господи! – послышалось восклицание Бонни. – Какая радость!

Поначалу он подумал, что это заявился один из сыновей Бонни, но сигарета выпала из его рта, когда на кухню танцующей походкой вплыла Кари и заключила его в крепкие объятия.

– Боже мой, как я по вам соскучилась! Мы не виделись

целых три месяца, – тараторила гостя. – Ой, что это такое? – Последнее восклицание относилось к содержимому стоявшей перед Пинки тарелки, в которую заглянула Кари.

– Вот именно. Она кормит меня подобными помоями каждый день, – ответил Пинки, бросая ядовитый взгляд на Бонни. – Посадила меня, видишь ли, на диету.

Кари засмеялась и села на стул, стоявший напротив Пинки.

– У меня на вас просто зла не хватает, – заговорила она. – Как вы могли не сообщить мне о том, что у вас все сладилось!

– Мы собираемся пожениться, – счастливым голосом сообщила Бонни.

– Черта с два! – огрызнулся Пинки.

– По-моему, это было бы замечательно, – заметила Кари. Она прекрасно понимала, что Пинки щетинится только для вида. На самом деле он напоминал довольного кота.

– А по-моему, мысль совершенно дурацкая, – продолжал упираться Пинки. – Полностью идиотская. Видела бы ты, какие похабные книжонки она берет с собой, когда мы ложимся в постель!

– С удовольствием взглянула бы, – со смехом ответила Кари.

– Ах ты, лицемер! – В приступе показного гнева Бонни звонко шлепнула Пинки по лысине. – Раньше ты против этих «книжонок» ничего не имел. Наоборот, горел желанием перепробовать все, о чем там сказано.

Кари засмеялась еще громче.

– Она пилит меня не переставая, – продолжал ныть Пинки. – А эта бурда! Попробуй-ка ее съесть! «Не забывай о своем артериальном давлении...» «Не пей слишком много...»

Не обращая на него внимания, Кари обратилась к Бонни.

– Кстати, ты еще не заставила его бросить курить?

– Она и тут не оставляет меня в покое, – вмешался Пинки, прежде чем Бонни успела открыть рот. – Из-за нее мне приходится ограничиваться пятью пачками в день.

Обе женщины расхохотались. Бонни наклонилась и запечатлела на его щеке звонкий поцелуй. Обняв с видом собственницы Пинки за плечо, она обратилась к Кари:

– Ты вся так и светишься.

– Правда? – кокетливо переспросила та. – Это все горный воздух.

Пинки, однако, был слишком искушен для того, чтобы удовольствоваться столь легковесным объяснением.

– Кто же сообщил тебе, что мы с Бонни... гм... сошлись?

– Подумай-ка лучше, кто об этом знал? – с веселым вызовом бросила ему Кари.

Физиономия Пинки расплылась в широчайшей улыбке.

– Значит, он тебя все-таки нашел?

Не в силах сдерживать распиравшее ее счастье, Кари засмеялась:

– Да, он нашел меня. – Она обняла себя руками, словно не желая выпустить ни малейшей капельки бившейся внут-

ри нее радости. – Он – чудесный, и мы до безумия, по-сумасшедшему, жутко, окончательно и безнадежно любим друг друга.

– Черт меня побери! – воскликнула Бонни, стукнув кулаком по столу. – Я знала это.

– Ты знала? – возмущенно возопил Пинки. – Не забывай: это я отправил его к ней.

– Не спорьте, так или иначе, вы оба – мои ангелы-хранители. Если бы вы знали, как я вам благодарна! Он такой... такой... О! Он просто...

– Не старайся, мы тебя поняли, – с улыбкой сказал Пинки. На протяжении всей своей жизни он боялся, что его сочтут мягкосердным, однако сейчас его глаза подозрительно блестя. Его рука под столом крепко сжимала ладонь Бонни. Он видел Кари счастливой и сам ощущал себя на вершине блаженства. – Я так счастлив за тебя, детка! И где же находится этот идеал мужчины в данный момент?

– Он хотел поехать вместе со мной, но ему пришлось отправиться на работу, иначе, как он сказал, на его рабочем столе вырастет целый бумажный Монблан. – Кари опустила взгляд на чашку кофе, которую налила ей Бонни и которая до сих пор оставалась нетронутой. – Кстати, у меня еще есть рабочий стол? Именно для того, чтобы выяснить это, я и приехала именно сюда, а не на работу. Мне не хотелось оказаться в глупом положении.

Пинки отхлебнул кофе, а Бонни извинилась и под благо-

видным предлогом дипломатично вышла в другую комнату.

– А что заставляет тебя думать, что ты могла лишиться рабочего места? Тебя никто не увольнял, а я – по-прежнему руководитель службы новостей. По крайней мере являлся им до нынешних выходных. И за мной все еще сохраняются полномочия увольнять и принимать на работу.

– Просто в последние дни на экране постоянно маячила Салли, а во время нашего с тобой последнего разговора ты сказал, что передашь освещение деятельности городского правительства кому-то другому. Только не подумай, что я хочу получить эту работу обратно, – поспешно добавила Кари. – Теперь, я думаю, мне станет еще труднее соблюдать объективность по отношению к нашему окружному прокурору. – Лицо Кари осветилось счастливой улыбкой, но почти сразу же снова посерьезнело. – Так у меня есть работа, Пинки?

Ее собеседник откинулся назад, развалившись в плетеном кресле – слишком тесном для его бочкообразной фигуры.

– Я немало думал над этим. Позволь поделиться с тобой плодами моих размышлений.

– Я вся внимание.

Кари не хотела казаться чересчур заинтересованной, однако сердце ее гулко билось в груди. Доверяет ли ей Пинки в такой степени, чтобы дать новую работу, – такую, какую она заслуживает в соответствии с ее опытом и талантом? Или же он поручит ей что-нибудь такое незначительное, что она бу-

дет вынуждена отказаться?

Пинки вытащил изо рта сигарету и сощурился от попавшего в глаза дыма.

– Твоей сильной стороной всегда была очень человечная манера подачи материала. Будь это обзор новых фильмов или избиение окружного прокурора, ты всегда делала это так, словно болтала со своей соседкой. Твои диалоги всегда были естественны – никакого пафоса и искусственности. Зрителю это нравится. Он видит в тебе живого человека, а не телевизионную куклу. Пусть даже ты не являешься таким оракулом, как Кронкайт или Бринкли, но ты – настоящая.

Так вот о чем я подумал в связи со всем этим, – продолжал Пинки после глубокой затяжки. – Я хочу отпустить тебя на волю. То есть не поручать тебе какой-либо определенной темы, а пустить, что называется, в свободный полет, позволить тебе делать интересные человеческие истории, которые задевали бы зрителя за живое. К примеру, если произойдет какая-нибудь катастрофа, мы отработаем ее в обычном новостном режиме, а ты уже сделаешь трогательный, душевный очерк о пострадавших в ней людях. Улавливаешь мою мысль?

Кари уже давно все уловила, и ей просто не сиделось на месте.

– Да, да, Пинки, я поняла. До чего же здорово!

– Вот и хорошо, но послушай меня до конца. Начальство будет наблюдать за тобой сквозь увеличительное стекло. Я

полагаю, тебе не надо напоминать, что каждый твой шаг будет тщательно фиксироваться, поэтому на первых порах постарайся не делать резких движений.

– Я обещаю, Пинки! Честное слово!

Тот посмотрел на ее сияющее лицо с горящими глазами и выругался.

– Как бы я хотел тебе верить, Кари, но ты же, черт побери, не можешь без скандалов!

Загудел интерком.

– Черт!

Хантер был по уши занят, разгребая накопившиеся документы и почту, и не хотел отвлекаться. Ему предстояла адская работа – разобраться со всем тем, с чем не успела справиться его секретарша, а поскольку засиживаться допоздна не хотелось, он должен был трудиться не покладая рук. Ведь вечером Хантера ожидала встреча с Кари.

– Я же просил не отвлекать меня, если только не случится землетрясение, – раздраженно бросил он в интерком.

– Прошу прощения, но к вам – миссис Макки.

Хантера окатило жаром. Первым делом он подумал, что с ним приехала повидаться мать, но это было совершенно невероятно. Она почти никогда не покидала дом без отца. А помимо матери, он знал только одну миссис Макки...

– Пусть войдет.

Хантер встал, застегнул пиджак и обошел вокруг письмен-

ного стола. В этот же момент распахнулась дверь, и в кабинет вошла Пэм.

Она выглядела просто потрясающе. Прямые черные волосы доходили до подбородка и концами загибались к щекам, тело было стройным и грациозным, как всегда, без единой капли жира. Она казалась чуть выше Кари и была необыкновенно привлекательна для мужчин, хотя и совсем иного рода. Если Кари была воплощением женственной беззащитности, то Пэм излучала холодную изысканность. Даже тогда, когда Кари делала свою работу, она казалась теплой и доступной, Пэм же была сама неприступность.

Хантер протянул ей руки и лучезарно улыбнулся:

– Вот это сюрприз!

Женщина засмеялась и взяла обе его ладони. Бросив взгляд на заваленный бумагами стол, она проговорила извиняющимся тоном:

– Я понимаю, ты очень занят...

С улыбкой Хантер усадил ее в кресло и ответил:

– Просто ты выбрала для визита неудачный день. Я отсутствовал всю прошедшую неделю.

– Да-а? – Пэм удивленно вздернула одну бровь. Это движение было до боли знакомо Хантеру.

– Что-то вроде краткосрочного отпуска, – небрежно обронил он, присев на краешек стола и давая понять, что этот предмет не подлежит обсуждению.

Женщина окинула его оценивающим взглядом своих

больших влажных глаз, суливших гораздо больше теплоты, нежели она могла дать на самом деле.

– Ты прекрасно выглядишь, Хантер.

– Ты – тоже, – искренне ответил он комплиментом на комплимент. На ней был шикарный костюм, к тому же прекрасно сидевший на ее изумительной фигуре. Внешность Пэм была неизменно безупречной.

Она тряхнула волосами и засмеялась.

– Ты, как всегда, галантен. Но все же приятно это слышать. – Склонив голову к плечу, женщина продолжала: – Когда ты сообщил мне, что согласен на развод, я почувствовала, что тебя что-то подгоняет. Я просто стораю от любопытства: в чем же секрет подобной спешки? Ведь он наверняка существует?

– Да, – сдержанно кивнул Хантер.

– Хм... Женщина?

– Да. – Еще один кивок.

– Ты счастлив?

– Очень. – Хантер не лукавил. Он действительно еще никогда не был так счастлив, как сейчас. – А ты?

Она пожала плечами.

– Мне достаточно моей работы.

Вот он – тот самый барьер, который разделял их с самого начала. Когда Хантер впервые встретил Пэм, она училась на последнем курсе медицинского института. Его привлекли в ней ее ум, отвага и честолюбие. Именно последнее и стало

тем камнем, который раздавил их брак. Как и любой другой мужчина, Хантер хотел чувствовать, что в нем нуждаются. Нет, он не был деспотом, как однажды в шутку назвала его Кари. Он был совсем не против того, чтобы жена делала карьеру. Проблема заключалась в том, что карьера для нее стояла на первом месте, а все остальное – в том числе и муж – было отодвинуто на задний план.

С каждым годом их брак неуклонно превращался в соревнование, в котором каждый стремился опередить другого в достижении вершины на избранном им поприще. Однажды Хантеру предложили повышение, однако для того, чтобы получить его, необходимо было переехать в другой город. Пэм наотрез отказалась двигаться с обжитого места, поскольку не хотела утратить позиций, завоеванных ею в центральном городском госпитале. Для Хантера это явилось наглядным свидетельством того, что важнее для жены – он или ее карьера. Пилюля была очень горькой.

– До чего же ты упрям, Хантер. Мы не живем с тобой уже три года, и все это время ты упирался, не давая мне развода, а тут вдруг звонишь и говоришь, что решил наконец меня осчастливить своим согласием.

– Ты же знаешь, что я не терплю неудач. Вот и здесь – в самом главном начинании своей жизни, то есть в браке – мне не хотелось признавать своего поражения. – Он криво усмехнулся. – Однако в конечном счете пришлось это сделать. Что ж, надо сдвинуться с мертвой точки и жить дальше.

– Я никогда не воспринимала это как поражение одного из нас или обоих. Просто мы переросли друг друга.

«Наверняка она посещает психоаналитика», – едко подумал Хантер, а вслух сказал:

– Вероятно, ты права.

Он согласился только для того, чтобы избежать еще одного спора на эту тему, которую они обсуждали уже тысячу раз. Кроме того, ее мнение на этот счет уже несколько его не заботило.

– Смотри, что я тебе привезла, – проговорила Пэм, вытаскивая из сумочки большой конверт. – Судя по всему, у адвокатов нет твоего нового адреса, поэтому оба экземпляра оказались у меня.

– Окончательные бракоразводные документы? – спросил Хантер, не заглядывая в конверт.

– Подписанные, со всеми печатями, да еще с доставкой. Как видишь, я сделала все, что могла.

Женщина поднялась, Хантер – тоже. Взяв бывшую жену под руку, он проводил ее до двери.

– Я рад, что увидел тебя, Пэм.

– Я тоже, Хантер, – ответила она, встретившись с ним взглядом. – Что ни говори, у нас были и неплохие дни, правда?

Он понял, что женщина пытается внутренне оправдать себя. Теперь, когда она перестала быть частью его жизни, он почувствовал, что способен относиться к ней с большей

теплотой. Да, если напрячься, то, возможно, ему и удастся вспомнить несколько хороших дней в длинной череде тех, когда все между ними шло шиворот-навыворот.

– Да, у нас были очень хорошие дни. Жаль, что мы не сумели сделать друг друга счастливыми. – Хантер не собирался говорить, что жалеет о том, что они расстались. Наоборот, радовался этому. Ведь он встретил Кари! – Желаю тебе счастья, Пэм.

– А я – тебе, Хантер. Прощай. – Женщина приподнялась на цыпочки и, обняв его за плечи, поцеловала в щеку.

Пританцовывая, Кари поднималась по ступенькам здания окружной прокуратуры. За пару минут до этого она зашла в закусочную через дорогу и купила два сэндвича с мясом, даже не зная, любит ли это Хантер. Она была уверена в одном: он настолько заработался, что обрадуется даже короткой передышке, которую она подарит ему своим визитом. Они были врозь всего несколько часов, но эти часы показались ей днями. Помимо всего прочего, Кари не терпелось поделиться с ним новостями о своей новой работе, а делать это по телефону не хотелось.

Вестибюль первого этажа был безлюден. Видимо, все служащие ушли на обеденный перерыв. Приемная Хантера также была пустынной. Письменный стол его секретарши завален записками и нераспечатанной корреспонденцией. Электрическая пишущая машинка, правда, была вклю-

чена.

Кари подошла к двери в кабинет Хантера и без стука отворила ее.

Глава 11

Сцена, представшая перед ней, словно была взята из третьесортной мыльной оперы: героиня застаёт своего любовника в объятиях другой женщины.

С виноватым видом мужчина и женщина отскочили друг от друга. Хантер оценил обстановку с первого взгляда, и ему захотелось, чтобы пол под ним разверзся и поглотил его. Кари же страстно возжелала умереть на месте. Нет, пусть лучше умрет он, причем желательно ужасной, мучительной смертью.

Другая женщина, как и положено по сценарию подобного действия, была ослепительно красива. Темные волосы и миндалевидные глаза придавали ей вид типичной искусительницы. Из всех троих она одна, похоже, полностью сохранила самообладание. Сделав шаг по направлению к Кари, красавица проговорила:

– Судя по виноватому выражению на лице Хантера, я догадываюсь, что вы и есть та самая причина, по которой он вдруг так заторопился оформить развод. – Она протянула Кари свою тонкую руку и представилась: – Я – Пэм Макки.

Проигнорировав протянутую ей руку, Кари метнула разъяренный взгляд на Хантера.

– Это твоя жена?

– Была ею, но уже несколько недель как не является.

Кари почувствовала, что ее бьет крупная дрожь, и подумала, заметно ли это со стороны. Ах, если бы она обладала такой выдержкой, как Пэм Макки!

Обернувшись к бывшему мужу, женщина бросила:

– До свидания, Хантер.

– До свидания.

– Извините, что так неловко получилось, – обратилась она к Кари, помахав на прощание рукой.

– Ничего, я все улажу, – ответил за нее Хантер.

Кари наблюдала, как бывшие супруги обменялись грустными улыбками, после чего женщина прошла мимо нее и исчезла за дверью. Они стояли молча до тех пор, пока в коридоре не затих стук ее каблучков. Затем Кари обернулась к Хантеру.

– Можешь не рассчитывать на это, – бросила она ему.

– На что именно?

– На то, что ты «все уладишь». Приятного аппетита. – С этими словами женщина швырнула в него пакет с сэндвичами. Хантер попытался поймать его на лету, однако ему это не удалось. Пакет шлепнулся на пол, раскрылся, и еда вывалилась наружу.

Развернувшись, Кари направилась к выходу. Их разделяло всего несколько шагов, и он настиг ее в своей приемной, схватил за руку и рывком заставил остановиться.

– Ты ворвалась сюда, увидела нечто, чего не поняла, сделала какие-то дурацкие выводы и теперь строишь из себя

обиженную?

Женщина попыталась вырвать руку, но Хантер держал ее достаточно крепко.

– Значит, именно таким образом ты решил мне отплатить?

– Отплатить тебе? О чем, черт побери, ты говоришь? За что я должен тебе отплатить?

– За те репортажи, которые я о тебе делала.

Хантер замысловато выругался.

– В отличие от тебя я не играю в дурацкие игры, изображая благородного мстителя.

– Неужели? А по-моему, ты решил, что это будет прекрасной шуткой: заставить меня переспать с женатым мужчиной!

– Я не женат! – рявкнул он, и его крик гулко разнесся по пустому коридору. Хантер втащил женщину в свой кабинет и захлопнул дверь с такой силой, что казалось, прогремел пушечный выстрел. – Я не женат, – повторил он уже более спокойным тоном. – Итак, что же дальше? Будешь дуться или наконец станешь взрослым человеком и дашь мне возможность все объяснить?

Кари все-таки удалось освободить руку от его хватки. Она понимала, что не сможет выйти отсюда до тех пор, пока он не отпустит ее сам, поэтому подошла к окну и, прижав пылающий лоб к прохладному стеклу, устремила невидящий взгляд на оживленную в этот полуденный час улицу. Она чувствовала, как голова ее начинает раскалываться от боли.

Несколько минут назад жизнь была прекрасной, и вот все рухнуло.

– Мы с Пэм не живем вместе уже три года, – начал Хантер.

– Ты же сказал, что она перестала быть твоей женой лишь несколько недель назад.

– Да, несколько недель назад мы развелись официально. На самом же деле наш брак развалился очень давно, но я с тупым упрямством отказывался это признавать.

– Почему? Ты до сих пор ее любишь?

– Нет, Кари, – с тяжелым вздохом откликнулся он, – просто я не люблю признавать свое поражение.

– Вот в это я охотно верю, – сказала женщина, оглянувшись на него через плечо. – Продолжай.

– Тот факт, что официально я продолжал считаться женатым, не имел для меня никакого значения до тех пор, пока я не пришел к тебе в дом и не поцеловал тебя. Именно тогда я понял, что стремлюсь к тебе всей душой, и это очень серьезно. В тот же вечер, вернувшись к себе, я немедленно позвонил Пэм и сообщил, что согласен дать ей развод. Она не стала спрашивать у меня о причинах такого решения, поскольку мечтала об этом уже не один год. Я также попросил ее максимально ускорить всю эту процедуру.

– Какая же я дура! – горько усмехнулась Кари. – Мне казалось, что ты ждешь, пока я оправлюсь от смерти Томаса, прежде чем начать ухаживать за мной, а ты всего лишь дождался того дня, когда твой развод станет свершившимся

фактом, чтобы избежать возможных «осложнений».

Хантер развернул Кари лицом к себе, крепко впившись пальцами в ее плечи.

– Я действительно ждал, пока ты оправившись после смерти Томаса и всего, что последовало за ней. Прежде чем прийти ко мне, ты должна была устранить разлад в собственной душе.

– А почему ты не сказал мне ни слова о Пэм?

Хантер тяжело вздохнул. Хороший вопрос! Жаль только, что на него нет хорошего ответа. В свое время он принял неправильное решение, за которое теперь пришла пора платить.

– У нас было в избытке других тем для разговоров. В конце концов, это не имело никакого значения, – твердо ответил он. Кари попыталась вырваться из его рук, но он продолжал: – Я никогда не лег бы с тобой в постель, если бы не был уверен в том, что мой развод – дело решенное, окончательное и бесповоротное. Все решилось на прошлой неделе. Я узнал, что ты находишься в Брекенридже. Неужели мы должны были говорить о Пэм? Она ушла из моей жизни уже много лет назад, а любое упоминание о моем браке только осложнило бы наши с тобой отношения. Это ведь так понятно!

Он взял в ладони ее лицо, повернул к себе и заставил Кари посмотреть ему в глаза.

– Мне очень жаль. Вероятно, я должен был все рассказать тебе с самого начала, но поверь, мне не в чем упрекнуть себя,

кроме как в том, что я этого не сделал. Я не люблю Пэм, и уже очень давно.

– Почему же сегодня она оказалась здесь?

– Она знает, что я хотел покончить со всем этим как можно скорее, и принесла мне документы, которые предназначались мне, но по ошибке были присланы ей.

– Ты уверен, что между вами все кончено?

– Абсолютно. На прощание она решила поцеловать меня в щеку. Я не хотел этого и не собирался возвращать этот поцелуй. Именно в этот момент ты и появилась. Что касается меня, то я не испытываю никакой грусти в связи с нашим расставанием. На самом деле оно произошло много лет назад. Я люблю тебя, Кари. Только тебя.

Хантер привлек к себе ее лицо и прижался к нему губами. Его руки обвились ее тело и сомкнулись на спине. Кари чувствовала, что буквально тает, прижимаясь к крепкой груди возлюбленного. Его язык проник между ее полуоткрытых губ, и она в изнеможении застонала. Она чувствовала, что он уже готов и хочет ее.

Освободившись от его губ, женщина уперлась лбом в его грудь и отрывисто проговорила:

– Нет, Хантер, нет...

Мужчина чуть отстранился, но руки его продолжали жадно гладить ее спину.

– Спасибо, что остановила меня, – задыхаясь, прошептал он ей на ухо. – Моя карьера не перенесла бы очередного

скандала, а именно это произошло бы, если бы моя секретарша, вернувшись с обеда, вошла сюда и застучала нас за таким непристойным занятием.

Даже не глядя на него, Кари чувствовала, что он улыбается.

– Говоря «нет», я имела в виду гораздо большее, Хантер. Разжав объятия, он отошел к краю письменного стола и стал водить пальцем по его полированной поверхности.

– Что же еще, Кари?

Что-то в его голосе дрогнуло, и это придало женщине уверенности. Она открыто посмотрела ему в глаза.

– Я имела в виду, что так больше не может продолжаться.

Хантер даже не пытался изображать непонимание. Он ощутил приближение чего-то тяжелого и решил броситься в это нечто одним махом:

– Почему не может?

– Все происходит слишком быстро.

– Я так не считаю.

– А я – да.

Она сделала глубокий вдох и одернула блузку на груди.

– Что же конкретно тебя смущает?

– Там, в Брекенридже, было несложно потерять голову.

Там мы ни от кого не зависели – только от самих себя. Здесь же – все по-иному. У тебя – своя жизнь, у меня – своя.

– А почему у нас с тобой не может быть одной – общей – жизни?

– Ты сам знаешь, почему. И ты, и я – мы оба на виду.

– Может, я чересчур туп, но мне никак не удается взять в толк, о чем ты толкуешь.

– Я не хочу прятаться и вести двойную жизнь.

– А я и не собирался ни от кого прятаться и делать из наших отношений тайну.

– То есть ты не собираешься скрываться?

– Я готов залезть на крышу и орать про нас с тобой на весь город.

– В таком случае ты меня совсем не знаешь. Я не могу жить с тобой, да и ты, вероятно, не согласился бы на сожительство.

– Конечно. Потому я и хочу жениться на тебе.

Следующий приготовленный Кари аргумент остался невысказанным. Она в изумлении уставилась на собеседника.

– Жениться на мне? Да мы ведь почти не знаем друг друга. Его брови взметнулись вверх.

– Принимая во внимание прошлую неделю, не кажется тебе, что твое утверждение лишено смысла?

– Я не имею в виду секс, – сказала она чуть резче, чем ей того хотелось.

– Я – тоже, – согласно кивнул он. Сейчас был неподходящий момент для того, чтобы выходить из себя. Сделав несколько вдохов, чтобы успокоиться, Хантер миролюбиво продолжал: – Я чувствую тебя. Ты не могла бы быть такой

раскрепощенной в постели, если бы не любила меня.

Кари широко развела руками.

– Я действительно люблю тебя, Хантер, но не забывай: у меня был эмоциональный взлет. Ты очаровал меня, я признаю. Это чудесное романтическое приключение – как раз то, что мне было необходимо. Но не можем же мы строить наши отношения только на основе сексуального влечения.

– Черт побери! – Его гнев все же одержал верх над сообщениями рассудка. Хантер нетерпеливо схватил ее лицо в свои ладони. – Да, ты привлекаешь меня как женщина – с того самого дня, когда ты первый раз вошла в этот кабинет. Я не мог оторвать глаз от твоих ног и груди, но даже и тогда в этом было нечто большее, чем просто желание. Я полюбил тебя. Я любил тебя целый год, когда между нами еще не было никакого секса.

– А я – нет, – выкрикнула она. – А тебе не приходило в голову, что я, возможно, просто изголодавшаяся по сексу вдова, которая легла с первым попавшимся мужчиной?!

Хантер сузил глаза и обвел Кари критическим взглядом.

– Ты пытаешься убедить меня в том, что способна заняться тем, чем занимались мы с тобой, практически с любым мужчиной? – Ее лицо стало пунцовым от стыда, и это явилось красноречивым ответом на вопрос Хантера. – Придумай что-нибудь получше, Кари, на такую дешевку я не куплюсь.

– Да нет, конечно же, я не это хотела сказать, – выдавила

она, старательно избегая встречаться глазами с Хантером. – Видишь ли, ты сам говоришь, что любишь меня вот уже год. А ведь у меня почти совсем не было времени привыкнуть к мысли о том, что я люблю тебя. Не торопи меня.

Положив ладони на бедра Кари, Хантер спросил:

– Знаешь, что это такое? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Все это чушь собачья. Ты просто хочешь наказать меня за то, что я не рассказал тебе о Пэм.

– Неправда.

– Разве?

– Нет. Я тоже устала от всех этих глупых игр. – Она сжала ладонями виски. – Мне необходимо время, Хантер. Время, чтобы переварить и усвоить все происходящее. Пинки дал мне новую работу. Я пришла сюда именно для того, чтобы рассказать тебе об этом.

– А-а, понятно, – протянул Хантер. Сама того не подозревая, Кари наступила на его большую мозоль – ведь именно честолюбивые устремления жены разрушили его первый брак. – Когда ты была без работы и отвергнутой, ты во мне нуждалась. Теперь твои дела поправились, и я тебе больше не нужен.

Кари резко дернулась, словно от пощечины. На глазах ее выступили слезы.

– Жаль, если у тебя сложилось такое впечатление. На самом деле все не так. Я действительно люблю тебя и нуждаюсь в тебе.

В следующий миг Хантер уже стоял рядом с ней, крепко прижимая ее к себе.

– Кари, ну почему ты так упряма! Почему ты пытаешься все простое сделать сложным? Ведь мы любим друг друга, так зачем же копать в своих душах и выяснять, что, как и почему? Выходи за меня замуж, и дело с концом.

– Сейчас – не могу. Пожалуйста, постарайся понять меня и прояви терпение.

Женщина подняла голову и посмотрела ему в глаза. На мгновение ей захотелось протянуть руку и поправить пряди волос, упавшие ему на лоб.

– Пинки сказал мне одну вещь, которая, словно гвоздь, засела у меня в мозгу. Он сказал, что у меня никогда ничего не бывает просто. Так оно и есть. Я всем сердцем любила своего отца. Когда он умер, я до безумия влюбилась в Томаса. Я слишком зависела от него, чтобы быть счастливой. Его смерть подкосила меня. Я страдала. Это было больше, нежели горе. Вместе с ним умерла частичка меня.

Хантер вытер катившуюся по щеке любимой слезинку, но не стал прерывать ее.

– Ты знаешь, я человек увлекающийся и бросаюсь очертя голову во все, что угодно. Так, например, я окунулась в ненависть по отношению к тебе, отдав ей всю свою энергию. Теперь я люблю тебя, Хантер. Но на сей раз я не хочу торопиться. Когда я увидела, как ты обнимаешь другую женщину, мне показалось, что я сейчас умру.

– Теперь ты знаешь, как все было.

– Да, но это только лишний раз доказывает мою правоту.

Я встала на ту же дорожку, что и прежде, начав слишком сильно и слишком быстро зависеть от тебя и твоей любви. Если произойдет что-то плохое, я этого просто не переживу.

– Ничего плохого случиться не может, милая. – Теплота и искренность, прозвучавшие в его голосе, успокоили Кари, но она осталась непоколебимой.

– В таком случае не будет ничего плохого, если мы пока что воздержимся.

– Воздержимся от чего?

Горло Кари сдавил невидимый обруч, но ей все же удалось выдавить из себя:

– От того, чтобы быть любовниками.

– Ты предлагаешь, чтобы мы были просто друзьями, которые встречаются время от времени за чашечкой кофе?

– Что-то в этом роде, – тихо проговорила она.

Руки Хантера безвольно упали и повисли вдоль тела. Он отошел к окну и стал бездумно смотреть на улицу – точно так же, как Кари несколько минут назад. После недолгого молчания Хантер повернулся к Кари. Лицо его было мрачным.

– Нет, Кари. Ты упряма, но и я – тоже. Для меня невыносимо быть просто твоим приятелем, да и новые друзья мне ни к чему. Ты нужна мне как женщина. Как любовница. Как жена. Когда мы будем видеться, я стану лезть из кожи вон, чтобы затащить тебя в постель. Со временем ты станешь избегать

меня, а потом... – Он беспомощно всплеснул руками. – Для нас обоих это будет чересчур. Я этого не хочу, а ты?

Кари утерла слезы, катившиеся по щекам.

– То есть тебе нужно либо все, либо ничего?

Одновременно с тяжелым вздохом, вырвавшимся из груди Хантера, его плечи поднялись и снова опустились.

– Видимо, да. Именно к этому я и веду. Потому что я люблю тебя.

– Я знаю.

– Но сейчас я говорю тебе эти слова в последний раз. В следующий, – если он вообще когда-нибудь случится, – говорить это придется тебе.

– Это я тоже понимаю.

Уже около двери Кари оглянулась и посмотрела на него. Она обзывала себя дурой, ей хотелось броситься к нему, прижаться к его телу и провести так остаток жизни. Чего же она боялась, почему не могла верить этому человеку свою судьбу? Прежде чем соединиться с кем-то еще, она сначала должна научиться быть одинокой.

Выйдя из кабинета, она зашагала по безлюдному вестибюлю.

Она уже была одинокой.

Все сотрудники редакции новостей Даблью-би-ти-ви радостно приветствовали возвращение Кари на работу. Через неделю после того, как она вновь стала выходить в эфир, в

редакцию пошел поток зрительских писем. Их авторы тоже были рады вновь встретиться с любимой телеведущей. Кари была польщена. Обычно память зрителя коротка и привязанности его недолговечны.

Оценки Пинки по поводу ее первых трех телесюжетов были сдержанны, но Кари знала, ее работа ему понравилась. Первый сюжет был посвящен семье потомственных воздушных акробатов. Несколько артистов этой семьи разбились насмерть, но другие тем не менее упрямо продолжали выступать, каждый день рискуя жизнью. Когда Пинки отсматривал сюжет, он даже забыл, что держит зажженную сигарету – она догорела до конца и обожгла ему пальцы. Кари поняла: если уж ей удалось полностью завладеть вниманием многоопытного Пинки, то на зрителей видеосюжет произведет еще более сильное впечатление.

Все вечера она тихо проводила дома и уже сбилась со счета, сколько раз ее рука тянулась к телефону, чтобы набрать номер Хантера. Кари знала, что случится, если она позвонит ему и он приедет. Они, конечно же, окажутся в постели, стало быть, там, откуда начали. Он снова станет просить ее руки, а она вынуждена будет отказаться.

А если Хантера не окажется дома? Да она с ума сойдет, гадая, где и с кем он может быть. Так что лучше не звонить вовсе.

Кари очень тосковала по нему. Ей не хватало его тонкого чувства юмора, умных и точных замечаний. Она скуча-

ла даже по тому, как он сердится. Стоило Кари дать волю своим мыслям, как начинало скучать и ее тело. До встречи с Хантером она была совершенно невежественной в любви, даже не подозревая, какое огромное чувственное наслаждение может дарить мужчина. Ей было недоступно знание того, какие ощущения можно испытать, когда любимый целует тебя в шею, бедра, ступни... Она вспыхивала, думая об этом, и продолжала гореть от желания вновь испытать все эти чувства.

Однако, поставив перед собой цель, Кари уверенно двигалась к ней. С каждым днем она чувствовала себя все сильнее, увереннее как самостоятельная личность. Однако она все еще не стала такой, какой хотела стать. Когда ей это удастся, Хантеру Макки придется тянуться к ней, встав на цыпочки.

– Кари Стюарт?

– Да.

– Мне нужно...

– Простите, но я вас почти не слышу. Говорите громче.

Может, это очередной воздыхатель? Дурацкие телефонные звонки от поклонников были для нее не в новинку. Когда Кари только начала появляться в эфире, эти звонки превратились для нее в сущий кошмар, однако со временем она привыкла к ним и теперь воспринимала как неотъемлемую – пусть и неприятную – часть своей работы. За годы, проведенные на телевидении, Кари успела получить двадцать три

предложения руки и сердца, а предложений лечь в постель было и вовсе не сосчитать. У звонившего сейчас был низкий, с придыханием голос – голос типичного извращенца.

– Я не могу говорить громче, но у меня для вас есть тема, – ответил собеседник. – Вам интересно?

К этому она тоже привыкла. Десятки чокнутых звонили ей, чтобы сообщить самые разнообразные «новости» – от высадки русских в соседней прачечной до приземления инопланетян на школьном дворе.

– Меня всегда интересуют новые темы, – автоматически ответила она.

В ее конуру, гордо называвшуюся «кабинетом», ворвался запыхавшийся ассистент режиссера и, бросив на стол сценарий ее очередного видеосюжета, приказал:

– Сократи на пятнадцать секунд.

Кари согласно кивнула и сделала знак, что все поняла, а в трубку сказала:

– Я сейчас очень занята. Не могли бы вы назвать мне свое имя и оставить номер телефона? Завтра вам позвонит наш сотрудник.

– Нет, этого я делать не буду. Я не могу ждать. – В голосе анонимного собеседника явно сквозил страх. Красная ручка Кари, бегавшая по строчкам сценария, замерла в воздухе. – Я хочу говорить только с вами, и ни с кем больше.

– О чем именно? – Женщина с трудом заставила свой голос звучать спокойно, однако сердце ее забилось чаще обыч-

ного. Может быть, это все же не псих?

– Вы слышали о детях, пропавших из госпиталя?

На протяжении последних пятнадцати месяцев из родильного отделения местного госпиталя таинственным образом исчезли трое новорожденных. Было очевидно, что их похитили, но, поскольку никаких требований о выкупе не поступило, ФБР к этому делу не привлекалось. Им по-прежнему занималась полиция, и по-прежнему безрезультатно.

– Да, я слышала об этом. И что же вы хотите сообщить? – Она протянула руку за остро отточенным карандашом и ждала, готовая записывать.

– Один мой друг, возможно, кое-что знает об этом.

«Никакой не друг, а ты сам. Или – сама», – подумалось ей. Кари до сих пор не поняла, с кем говорит – с мужчиной или с женщиной. Голос собеседника звучал глухо, словно тот разговаривал через носовой платок.

– Так почему же звоните вы? Мне было бы интереснее побеседовать с вашим другом.

– Я... Он не может сам звонить вам. Он боится нарваться на неприятности.

Кари почувствовала мощный выброс адреналина в кровь. Такой репортаж мог бы стать «гвоздем» всей ее карьеры.

– Согласится ли он говорить со мной, если я пообещаю сохранить его инкогнито?

– А вы можете?

– Конечно. Давайте договоримся о встрече. Кроме нас, о

ней не будет знать никто.

– Он не хочет приходить на телевидение. Это было бы равносильно самоубийству. Вообще-то, наверное, не надо все это затевать... Ни к чему...

– Нет, подождите! Не кладите трубку, пожалуйста! – торпливо заговорила Кари. – Если вы... То есть ваш друг... Если ему что-то известно об этих детях, пусть расскажет об этом. Ему надо всего лишь встретиться со мной. Об этом никто не узнает, а я не доставлю ему никаких неприятностей.

На том конце провода воцарилось тяжелое молчание. Собеседник размышлял.

– Вы можете обещать, что не будет ни телекамер, ни магнитофонов?

– Обещаю, не будет.

– Хорошо, – осторожно согласился голос. – Вы встретитесь с ним на автостоянке для персонала госпиталя. Знаете, где это?

– Найду. – Кари даже не спросила, о каком госпитале идет речь. Это было ясно без слов. – Во сколько?

– В девять. Второй уровень, ряд «В». Четвертая по счету машина с северной стороны. Если вы будете не одна, встреча не состоится.

– Передайте ему, что я все поняла и буду в девять в указанном месте.

Собеседник повесил трубку. Несколько секунд Кари сидела неподвижно, бездумно уставясь в текст лежавшего перед

ней сценария. Он вдруг показался ей тошнотворно скучным и никчемным. Впервые в жизни она держала в руках настоящую тему.

Вскочив со стула, женщина кинулась к двери. Ей не терпелось рассказать об этом звонке Пинки, но, сделав несколько шагов, она остановилась и задумалась. Он может не пустить ее на эту встречу: либо сочтет звонок розыгрышем, либо отправит в госпиталь одного из репортеров-«тяжеловесов». Тогда все полетит в тартарары. Звонивший ведь предупредил, что ни с кем, кроме нее, разговаривать не станет.

Нет, Пинки ни за что не отпустит ее одну на встречу с анонимным информатором. Лучше пока ничего никому не говорить. Она успеет рассказать обо всем после того, как встретится со звонившим. Тем более что все это вообще может оказаться пшиком.

Кари казалось, что минуты тянутся, как часы.

В девять пятнадцать она нетерпеливо мерила автостоянку шагами. В девять тридцать начала обзывать себя безнадежной тупицей и идиоткой. Потратила весь вечер, став жертвой гаденькой шутки. А ведь могла сидеть дома и мечтать о новом покрывале на свою постель, которое давно хотела купить, или – сменить бумагу в кухонных шкафах, или – думать о Хантере... Короче, могла бы заняться множеством полезных дел вместо того, чтобы бесцельно топтаться на безлюдной автостоянке. Здесь было так темно и пустынно, что

у нее по спине стали бегать мурашки.

Кари развернулась, намереваясь пойти к своей машине, и едва не налетела на молодого человека, вышедшего из-за бетонной колонны. Вскрикнув, она уперлась рукой ему в грудь. Сердце подпрыгнуло до самого горла. На мгновение у женщины мелькнула мысль, что все это могло быть подстроено помешавшимся на ней маньяком.

– Привет.

– Здравствуйте, – едва выдохнула она. Это был тот самый парень. Хотя, разговаривая с ней по телефону, он и пытался изменить голос, сейчас она безошибочно узнала его.

– Я наблюдал за вами, чтобы убедиться в том, что вы одна.

Кари попыталась улыбнуться, но от страха губы ее стали словно резиновые. Как же глупо она поступила! Никто не знает, где она сейчас, никто не заметит ее исчезновения до завтрашнего дня, когда она не явится на работу. Однако страха показывать нельзя.

– О чем вы хотели мне рассказать? – спросила она, изо всех сил пытаясь придать своему голосу хоть какое-то подобие властности.

Парень облизнул губы и вытер вспотевшие ладони о штаны. Увидев это, Кари немного расслабилась. Он волновался еще больше, чем она. Отступив в сторону, он открыл дверь «Фольксвагена»-жука.

– Давайте побеседуем в машине. Если нас кто-нибудь увидит...

Понимая, что, возможно, она совершает еще одну глупость, Кари тем не менее скользнула на переднее сиденье со стороны пассажира. Он захлопнул дверцу, обошел машину и сел за руль. Крепко впившись в него пальцами и играя от волнения желваками, молодой человек проговорил:

– Спасибо за то, что пришли.

– Спасибо вам за то, что позвонили. – Теперь уже не было смысла продолжать игру в некоего мифического «друга».

– Мне обязательно нужно было с кем-нибудь поговорить, но я не знал, с кем. И не хотел, чтобы на меня вышли копы, понимаете?

Только теперь Кари начинала верить незнакомцу. Он не мог заставить себя посмотреть ей в глаза. Это значило, что встреча со «знаменитостью» заставляла его нервничать так же сильно, как ее – перспектива получения сенсационной информации. Он был молод. Чуть больше двадцати лет, прикинула Кари. Светлые растрепанные волосы, худой, но не тощий. Кожа на его лице – приятного цвета, но сохранила следы юношеских прыщей. На юноше были свободные серые брюки, простая белая рубашка и адидасовские кроссовки.

– Как вас зовут? – мягко спросила Кари. Сейчас самое главное – завоевать доверие парня.

– Грейди. Грейди Бертон. Надеюсь, вы не назовете мое имя в своем репортаже?

– У меня пока еще нет никакого репортажа, но, если вы не хотите, чтобы я вас упоминала, так тому и быть. Даю вам

слово.

Его плечи расслабились, а руки отпустили рулевое колесо.

– Я думаю, вы – самый подходящий человек, миссис Стюарт.

– Называйте меня Кари. Итак, что вам известно?

– Я не уверен, что мне вообще известно что-нибудь.

– Возможно, так и есть, но все же расскажите мне все по порядку.

– Я работаю санитаром в госпитале, и иногда – на том этаже, где находится родильное отделение. Есть там один доктор. Такой жлоб! Настоящий сукин сын. Ездит на роскошном «Порше», считает себя господом богом и требует, чтобы все окружающие относились к нему соответствующе. В общем, он и эта медсестра... Поначалу я думал, что они просто трахаются время от времени... – Лицо юноши вспыхнуло. – Я хотел сказать...

– Я понимаю. Продолжайте.

– Они постоянно устраивали тайные встречи, запирались в пустых кабинетах и все такое. Про них ходили сплетни. Но люди всегда шепчутся: кто, с кем, когда... И вдруг пропадает младенец.

Парень повернулся лицом к Кари, подогнув под себя ногу.

– За несколько дней до этого я слышал, как доктор сказал медсестре нечто очень странное, но ничего не понял. А потом, когда пропал ребенок, я подумал, что все это – игра моего воображения, и решил не рисковать из-за этого сво-

ей работой. Я держал рот на замке. И вдруг исчезает еще один новорожденный. – Парень свистнул и сделал в воздухе жест, как фокусник. – Исчез, словно и не было его. Тут уж волей-неволей пришлось сопоставить очевидные вещи. А когда пропал третий ребенок, – точно так же, как и два предыдущих, – мне стало просто худо. Понимаете, о чем я?

Кари ободряюще улыбнулась собеседнику.

– Вы все сделали правильно, Грейди. Расскажите мне по порядку все, что вы видели и слышали. Постарайтесь не упустить ни малейшей детали. Вы не станете возражать, если я буду делать пометки?

– Нет. Но имен я вам не назову.

– Что ж, это справедливо.

Его рассказ занял полчаса, и чем дольше он говорил, тем большее беспокойство испытывала Кари.

– Вы расскажете об этом по телевидению? – спросил Грейди, закончив свое повествование.

– Не знаю, Грейди. Я должна переговорить со своим продюсером, но молчать об этом, конечно же, нельзя. Кто бы ни были эти люди, они совершили несколько преступлений. Их необходимо остановить.

– Вот и я о том же подумал.

– Смогу я позвонить вам?

Парень наморщил лоб и неуверенно мотнул головой:

– Не-а. Но обещаю: если я увижу или услышу что-нибудь еще, то обязательно с вами свяжусь.

– Я как раз хотела попросить вас об этом. Может ли кто-нибудь подтвердить все то, о чем вы мне рассказали?

– Подтвердить?

– Журналисту необходимы как минимум два источника.

– Н-да... В общем-то, есть еще один человек, но только она побоится с вами встретиться.

– Кто же это?

– Могу вам только сказать, что она – медсестра и знает о происходящем здесь гораздо больше моего.

– И ей тоже удалось кое-что услышать?

– Скажем так: она разделяет мои подозрения.

– Если я задам ей несколько вопросов, согласится ли она ответить хотя бы «да» или «нет»?

– Думаю, согласится. Она сказала, что я могу дать вам ее телефон, но запретила называть имя. – Вытащив из кармана клочок бумаги, парень передал его Кари.

– Надеюсь, вы оба понимаете, что, если мы выпустим эту историю в эфир, госпиталь превратится в развороченное осиное гнездо?

– Угу.

Она похлопала его по руке.

– Желаю успеха, Грейди, и большое спасибо. – Выбравшись из машины, Кари остановилась, чтобы задать собеседнику последний вопрос: – В нашем городе полно журналистов. Почему вы позвонили именно мне?

Юноша усмехнулся.

– Я знаю, что вам можно доверять. У нас в госпитале работает один парень. Он рассказал, что как-то раз дал вам телефон одного из пациентов. Его хотели вышибить с работы, но вы прикрыли его.

– Я и тебя прикрою, – улыбнулась Кари. – Обещаю.

Пинки выпустил изо рта тонкую струю сигаретного дыма. Он сидел в монтажной студии, просматривая на мониторе телесюжет, подготовленный Кари к выходу в эфир.

– Тебе надо бы всыпать по заднице за то, что ты в одиночку поперлась вечером на автостоянку, чтобы встретиться с каким-то неизвестным типом. Никогда больше не делай подобных глупостей. Кто он такой?

– Я называю его Глубокая Глотка.

– Очень смешно. Черт бы тебя побрал! Ведь он мог оказаться насильником, маньяком – кем угодно.

– В какой-то момент я тоже испугалась. Однако он оказался не таким. Этот сюжет станет настоящей бомбой. Ты выпустишь его в эфир?

– Что же ты со мной делаешь! Вечно я должен сидеть в мокрых от страха штанах и думать: выпускать в эфир твой очередной шедевр или нет.

«Видно, Пинки очень понравился сюжет», – с довольной улыбкой подумала Кари.

– Просто я у тебя – лучшая.

– Я-то думал, что с неприятностями из-за тебя поконче-

но. У меня даже язва начала проходить. И вот, пожалуйста. Позвонила бы ты Макки, провела с ним приятный вечерок, а завтра пришла бы ко мне с трогательным сюжетом о вышедшей на пенсию учительнице школы для девочек.

Кари скрестила руки на груди.

– Кончай валять дурака. Выпустишь сюжет в эфир или нет?

– Сюжет, основанный на словах какого-то засранца?

– Почему ты считаешь его засранцем? – с вызовом спросила Кари. – Может, он главврач этой больницы? – Увидев, какую физиономию скорчил Пинки, она отступила: – Ну хорошо, я согласна, он стоит не на самой высокой ступени служебной лестницы, но его слова подтвердила Р.Н.

– Кто?

– Она отказалась назвать мне свое имя, но заверила, что работает в госпитале уже много лет.

Пинки выругался сквозь зубы и несколько секунд глядел в стену.

– Ну хорошо, я выпущу твой сюжет. В конце концов, ты в достаточной мере обезопасила нас, напихав в него целую кучу «не исключено» и «возможно». Но ты должна понимать, что после этого полицейских сюда напрыгает, как лягушек в пруд во время весеннего спаривания.

– Ничего нового я им поведать не смогу. Все, что мне было известно, я рассказала в сюжете.

– Им это не понравится. Более того, они в это не поверят.

– А мне-то что! – вздернула подбородок Кари.

– Послушай, девочка, сегодня вечером я собираюсь как следует нарезать, так что не порть мне настроение своим упрямством, – проговорил Пинки, поднеся свой толстый указательный палец к самому носу Кари.

Улыбнувшись, она поцеловала его в щеку и ответила:

– Я тоже люблю тебя, Пинки.

Бросив последний взгляд на монитор, толстяк издал мучительный стон.

– Я наперед знаю, что огребу из-за этого целую кучу неприятностей, но сюжет так хорош, что класть его на полку просто грешно.

Кари свернулась калачиком в кресле и смотрела свой собственный сюжет, транслировавшийся в шестичасовом выпуске новостей. Изобразительный ряд был, что греха таить, не слишком богат. На пленку ей удалось заснять лишь здание госпиталя, да еще она вставила в свой сюжет кадры из других телерепортажей, которые снимались после каждого исчезновения новорожденных.

Она не могла не рассказать об этом. Ведь целых два вполне надежных источника сообщили ей, что в похищениях были замешаны сотрудники больницы.

Репортаж получился потрясающим. Кари была настолько возбуждена, что есть ей совершенно расхотелось, и тем не менее она приготовила себе омлет. Однако не успела она вы-

ложить его на тарелку, как в дверь позвонили. Прежде чем открыть, Кари посмотрела в дверной глазок.

Хантер! Сердце ее ухало, как паровой молот. Она отперла замок и широко распахнула дверь.

Он был зол как черт.

Глава 12

Не говоря ли слова, Хантер прошел мимо нее и вошел в гостиную. Кари закрыла дверь, повернулась и встретила с ним взглядом. Его глаза за стеклами очков светились яростью, брови сошлись в одну линию. От гнева тело Хантера было напряжено, ладони сжаты в кулаки.

– Ты хоть понимаешь, что натворила?

– Здравствуй, Хантер. Рада видеть тебя, – ответила Кари, одарив гостя улыбкой записной соблазнительницы. Она уже успела снять платье, в котором ходила на работу, и теперь на ней были только старые джинсы и большой, не по размеру джемпер от тренировочного костюма с закатанными по локоть рукавами. Кари была босой, с небрежно забранными в пучок волосами.

Ее спокойствие немного отрезвило Хантера. Он постарался взять себя в руки и умерить свой гнев. Окинув ее холодным взглядом, он увидел, как соблазнительно она выглядит, и его наполнило желание – ненасытное и неудержимое, словно лесной пожар. Протянув руку, Хантер сгреб ворот ее джемпера и притянул к себе. Второй рукой он взял ее затылок, и лицо Кари оказалось в нескольких сантиметрах от его лица.

– Я так хочу тебя, что просто схожу с ума.

Его губы были сухими и жадными.

Кари даже не пыталась сопротивляться. Меньше всего ее волновало то, что Хантер был вне себя от злости. Что бы ни привело его сюда, она обрадовалась ему. Ее голова откинута назад, а рот мягко открылся навстречу его губам.

Воодушевленный податливостью Кари, он отпустил ворот и стал поднимать джемпер до тех пор, пока обнаженные груди женщины не прижались к его рубашке. Шепча ее имя, он накрыл их ладонями, и соски ее тут же затвердели.

– Как хорошо... – выдохнул он.

– Да, Хантер, да...

Внезапно он отпустил ее, отступил на шаг и отвернулся.

Кари, будто онемев, смотрела на него. Она с такой готовностью пошла ему навстречу и теперь чувствовала себя униженной. Одернув джемпер, она поднесла дрожащую руку к губам. Из глаз ее потекли слезы.

Должно быть, Хантер услышал тихие всхлипывания за своей спиной, поскольку резко повернулся к ней. И тут напряженное выражение на его лице смягчилось.

– Не надо, милая. Я не могу вот так просто целовать тебя... – Неожиданно для самого себя он провел кончиком указательного пальца по ее губам, и тут же рука его безвольно упала вдоль тела. – Не могу, потому что хочу заняться с тобой любовью. – Голос его перешел в шепот: – Но и этого я сейчас не имею права себе позволить.

Хантер снял очки и потер глаза. Затем снова нацепил их на нос и устало посмотрел на женщину.

– Кари, ты хотя бы приблизительно представляешь, что ты наделала этим своим репортажем о госпитале?

Она открыла рот, но так и не произнесла ни слова. Ей и в голову не могло прийти, что ее сюжет может до такой степени вывести его из себя. Она была не готова отвечать на какие бы то ни было вопросы.

– Я уверена в том, – выдавила она наконец, – что мне удалось наконец-то открыть для всеобщего обозрения банку с кишасщими в ней червями.

Он горько усмехнулся и на мгновение поднял взгляд к потолку.

– Ты добилаcь гораздо большего. Ты пустила насмарку результаты многомесячного тайного расследования.

Онемев, Кари изумленно смотрела на собеседника. Поняв, что он не шутит, она обессиленно опустилась на край дивана, крепко стиснула руки, и ее тело начала бить крупная дрожь.

– Значит, в госпитале тайно работали сыщики? Хантер кивнул:

– А теперь из-за твоего репортажа все, чего им удалось достичь, пошло коту под хвост. Мои оперативники ходили по лезвию ножа, они добились отличных результатов, но теперь стали для меня бесполезны. Все пошло прахом.

– Извини, – искренне проговорила Кари. – Откуда же мне было знать...

– Перво-наперво ты должна была посоветоваться со

мною! – выкрикнул он.

Его столь резко изменившийся тон заставил Кари вскочить на ноги. Она была готова защищаться.

– По всем вопросам, касающимся моей работы, я советуюсь только с Пинки.

– В отношении этого сюжета твой Пинки – не авторитет.

– В службе новостей авторитетом для меня является только он, и уж никак не вы, господин окружной прокурор. – Лицо Хантера побагровело от гнева, и Кари пошла на попятный. – Извини, я не хотела тебя обидеть. – Она снова села на подлокотник кресла и подняла взгляд на собеседника. – Пойми, Хантер, такую тему нельзя было упустить. Это же бомба!

– И рейтинг у программы повысится, не так ли?

– Да! – К черту все его аргументы. Если он хочет играть жестко, то и она не будет стесняться.

– Неужели рейтинг для тебя важнее, чем месяцы кропотливой работы многих полицейских?

– Конечно же, нет. Но откуда мне было знать, что ты внедрил в госпиталь своих людей? У меня и в мыслях не было, что от моего репортажа может быть какой-то вред.

– А о чем же ты думала! Неужели полагала, что я ограничился выражением соболезнования родителям пропавших детей и пожелал им удачи в следующий раз? Или ты считаешь, что все время, которое я провожу вне судебных заседаний, я сижу дома и ковыряю в носу?

Кари задрала подбородок.

– Ты вообще не должен оправдываться передо мной за свою работу, а я не должна перед тобой – за свою.

Хантер выругался сквозь зубы:

– Черт побери, Кари, ведь мы же не соревнуемся друг с другом. Тут речь идет о гораздо более важном. Ты вообще понимаешь, о чем мы говорим? О трех исчезнувших детях, шести безутешных родителях и целой ораве облажавшихся по твоей вине сыщиков!

Боевой запал Кари как рукой сняло. Конечно же, он был прав, а она вела себя, как девчонка.

– Я уже попросила у тебя прощения. Я действительно сожалею об этом. Разумеется, я понимаю всю тяжесть ситуации. Только подумать, что кто-то может взять и украсть новорожденного младенца из госпиталя... – Она в недоумении пожала плечами. – Мне очень жаль этих несчастных родителей. Именно поэтому я и хотела, чтобы мой сюжет выпустили в эфир. Кстати, бывало и так, что телесюжеты, наоборот, помогали расследованию.

Злость Хантера также выдохлась. Он устало покачал головой:

– Нет, только не в данном случае. Мы положили глаз на одного человека, на которого падали все подозрения. Следили за ним круглые сутки. В последнее время он тратил большие суммы денег, несоразмерные своему официальному доходу. Однако это еще не основание для ареста. Нам нужны

были доказательства, факты, подробности. Теперь он затаится, станет замечать следы, и вполне возможно, что нам уже никогда не удастся добраться до него.

Хантер сделал шаг по направлению к женщине и пристально посмотрел ей в глаза.

– Можешь ли ты помочь мне, Кари?

– Едва ли. Все, что мне было известно, я изложила в репортаже.

– Назвал ли твой информатор имя того врача? Или – медсестры?

Она энергично помотала головой:

– Нет, клянусь тебе.

– Кем является твой источник?

Кари окинула мужчину долгим грустным взглядом.

– Пожалуйста, не спрашивай меня об этом, – виновато попросила она. – Ты же знаешь, я не могу сказать.

– Это не игрушки, Кари. Ты обязана сказать мне. Твоим информатором может оказаться преступник. Возможно, больная совесть требует от него покаяться, но он боится это сделать.

– Нет, он не такой. Заметь, я говорю о нем «он» только для того, чтобы как-то его называть. Это не значит, что «он» – обязательно мужчина.

– Ты поверила какому-то человеку и...

– Двум. У меня два источника. С одним я встречалась лично, другой подтвердил мне по телефону все, о чем рас-

сказал первый. Они оба боятся.

– Мы будем обеспечивать им защиту до тех пор, пока соберем достаточно улик и сможем арестовать подозреваемого. Их имена останутся в тайне. Я обещаю тебе.

– Но я первая обещала, Хантер. Обещала не засвечивать своих информаторов.

– Даже если отправишься за это в тюрьму? – спокойно спросил он.

От лица Кари отхлынула вся кровь.

– В тюрьму? – непонимающе переспросила она.

Хантер мерил комнату шагами.

– Придя сюда сегодня, я был зол на тебя, как тысяча чертей. На моих глазах результаты многомесячных усилий спустили в унитаз. Но я – просто безобидный котенок по сравнению с главным детективом, которому поручено это расследование. Он – наш самый жесткий коп. У меня с ним был очень тяжелый разговор по поводу тебя. Я едва упросил его дать мне возможность сначала поговорить с тобой и обещал завтра же утром привезти тебя и узнать имена твоих источников.

– Зря ты это пообещал. Я не могу сообщить их ему.

– А мне?

– И тебе тоже.

Хантер схватил женщину, прижал ее голову к своей груди и заговорил:

– Ну хотя бы раз в жизни не будь упрямой, Кари. Уступи

хоть на этот раз. Дай мне какое-нибудь имя, телефонный номер – что угодно, от чего можно оттолкнуться.

Закрыв глаза, она крепко прижалась к нему. Ее губы ощущали кожу на его шее.

– А если я этого не сделаю?

Кончиками пальцев он погладил ее по голове.

– Они упрячут тебя за решетку за то, что ты препятствуешь правосудию.

Кари подняла голову. Глаза ее блестели от слез.

– И ты позволишь им это сделать? Отправить меня в тюрьму?

Взгляд Хантера блуждал по ее лицу. В нем читались одновременно любовь и страх. Сердце его ныло, но он все же ответил:

– Я ничего не смогу поделать.

Кари закрыла глаза, и из-под сомкнутых век выкатились две слезинки, оставляя на щеках влажные полосы.

– Да, вероятно, не сможешь, – тихо сказала она.

Хантер привлек ее еще ближе и обнял, словно пытаясь спрятать. Она чувствовала себя маленькой и беззащитной. Сейчас, когда она была без туфель, ее затылок едва доходил ему до подбородка. Хантеру всей душой хотелось ее защитить, но она сама делала это невозможным.

– Я сказал им, чтобы они не присылали за тобой машину, – прошептал он на ухо Кари, – и что утром ты сама приедешь к ним.

– Спасибо.

– Завтра в девять утра. Встретимся в моем кабинете.

– В девять утра, – механически повторила женщина. Руки ее по-прежнему обнимали его за талию. Ладони Кари гладили его спину, чувствуя под тканью пиджака знакомую твердость мускулов. Его тело было таким сильным... Как бы ей хотелось, чтобы он поделился с ней своей силой и мужеством!

– Я надеюсь, ты передумаешь, – с отчаянием в голосе прошептал Хантер. – Ну как я смогу запереть тебя в тюремной камере?

– А как я смогу предать поверивших мне людей?

Хантер беспомощно выругался и сделал шаг назад. Затем – нагнулся и прижался губами к ее рту. Этот поцелуй был долгим и глубоким, но на сей раз страсть подогревалась не желанием, а возбуждением совсем иного рода. Потом они долго смотрели друг другу в глаза.

Он ушел так же, как и пришел, – без единого слова.

Не желая опаздывать и опасаясь, что за ней могут послать полицейскую машину, без четверти девять Кари уже вошла в приемную Хантера. Ей была невыносима мысль о том, что ее вот-вот арестуют и отправят за решетку.

Секретарша Хантера церемонно поздоровалась с Кари и провела ее в кабинет начальника. В ту же секунду, как она переступила порог, Хантер вскочил и, обойдя стол, взял ее

за руку. Неужели она выглядит такой же бледной и растерянной, как он, невольно подумалось ей.

Второй присутствовавший в кабинете мужчина был гораздо менее галантен и вовсе не стремился облегчить ей эти минуты. С торжествующей улыбкой на толстых губах он неспешно поднялся со стула. Глядя на этого человека, Кари испытывала к нему неприязнь и страх.

Он был невысок и коренаст. Его выбритый подбородок, казалось, был синего цвета, волосы намазаны маслом. Глядя на этого толстяка, можно было предположить, что он любит мясные сэндвичи с чесноком на обед и нередко отпускает сальные шуточки в адрес женщин.

Кари уже доводилось слышать о лейтенанте Гarrisе. Он считался хорошим полицейским, сыщиком с хваткой бульдога и изощренным аналитическим умом. Взглянув в его маленькие черные глазки, Кари поняла, что он чрезвычайно хитер.

– Лейтенант Гarris. Миссис Стюарт, – потухшим голосом представил их друг другу Хантер.

– Весьма польщен, миссис Стюарт, – промурлыкал коп.

– Очень рада, лейтенант Гarris, – проворковала в ответ Кари.

Хантер подвел ее к стулу, и она с облегчением села. Это было сделано вовремя – ее ноги были готовы подкоситься. Кари изо всех сил надеялась, что ее волнение незаметно со стороны, однако, встретив встревоженный взгляд Хантера,

она поняла, что дело обстоит наоборот. Впрочем, он сам выглядел не лучше. Видимо, тоже провел бессонную ночь.

Гаррис устроился на стуле, закинув ногу на ногу.

– Итак, вы попали в довольно неприятную историю, миссис Стюарт.

– То же самое сказал мне и мистер Макки. – Как ни странно, ее голос не дрожал, и Кари похвалила себя за это.

– Однако вы еще можете из нее выбраться, – продолжал Гаррис. – С кем вы беседовали в больнице?

– Я не могу сказать вам этого.

Он уперся ногами в пол и резко подался вперед.

– Стало быть, вы намеренно утаиваете сведения, исключительно важные для полицейского расследования?

– Такими сведениями я не располагаю.

– Позвольте нам судить об этом. Расскажите все, что вам известно.

– Я уже это сделала. В своем видеосюжете. Если хотите освежить память, посмотрите его еще раз. Могу даже прислать вам машинописную копию текста.

– Значит, вы не хотите сотрудничать с нами?

– Я стараюсь. Только что я предложила вам...

– Слышал я, что вы предложили, – рявкнул он. – Мне нужно имя вашего информатора.

– Извините, но я не могу вам его сообщить.

– В таком случае вам придется отправиться за решетку, леди.

– Что ж, в таком случае отправлюсь, – холодно ответила Кари. Она терпеть не могла, когда ее называли «леди». Однако, встретившись с буравящим взглядом полицейского, она была вынуждена первой отвести глаза.

– Вам когда-нибудь доводилось бывать в тюрьме, леди? Нет? Впрочем, о чем это я! Конечно же, нет. Такая послушная девочка... Ну что ж, постараюсь описать вам, что это такое. Во-первых...

– Довольно, Гаррис, – твердо сказал Хантер. – Теперь я сам буду говорить с ней.

– Но...

– Я сказал, довольно! – крикнул он. В знак возмущения полицейский встал и вышел из кабинета. После того, как за ним закрылась дверь, Хантер сел на стул, на котором только что сидел коп, – прямо напротив Кари. – Итак, миссис Стюарт, вы не намерены сообщить нам то, что нас интересует?

– Нет.

– Кари, подумай хотя бы о родителях этих детишек.

– Я уже думала, – в отчаянии выкрикнула она.

– Правда? Ты в этом уверена? Представь себе; ты отправляешься в госпиталь, чтобы родить ребенка, а он после этого бесследно исчезает, и ты даже не знаешь, где он, этот малыш, родившийся у тебя от любимого тобой человека.

– Замолчи!

– Ты потеряла ребенка...

– Прекрати!!

– ... Но ты никогда не видела его. А если бы тебе довелось хотя бы несколько раз подержать его на руках, покормить грудью...

– Не надо, Хантер!

– Только подумай: собираясь в роддом, ты обустриваешь детскую комнату, украшаешь колыбельку, представляя дитя, которое скоро будет в ней лежать, а потом... потом возвращаешься домой одна.

Кари поднялась и стала бесцельно ходить по кабинету, словно пытаясь найти выход из невидимой клетки, в которой очутилась.

– Ты жесток, Хантер. Я знаю, как страдают эти родители, но не могу изменить самой себе.

– Что случилось с этими детьми, Кари? Может, за большие деньги их передали бездетным богачам, которые будут любить их? Или на них ставят незаконные медицинские эксперименты? А может, их будут растить для того, чтобы впоследствии использовать в детской порнографии? Или их продали какому-нибудь старому извращенцу...

– Замолчи, пожалуйста! – Она уже кричала, отчаянно зажимая уши ладонями. – Зачем ты меня мучаешь!

– Затем, черт побери, что я не хочу видеть женщину, которую люблю, за тюремной решеткой и сделаю все от меня зависящее, чтобы этого не произошло. – Он больно схватил ее за плечо. – Не заставляй меня так поступать, Кари, – добавил он умоляющим тоном.

– Я не могу иначе, милый. – Она погладила складки у его губ, словно пытаюсь снять накопившуюся в них боль и усталость. – Поверь, Хантер, когда я думаю о родителях пропавших малюток, мое сердце разрывается на части. Ты достаточно хорошо знаешь меня, чтобы поверить в это. – Она освободилась из рук возлюбленного, но продолжала смотреть ему в глаза. – Но, если я раскрою свой источник информации, на моей работе можно будет поставить крест. Меня перестанут воспринимать как журналиста мои коллеги, я потеряю свое честное имя, и никто никогда мне больше не поверит. Я дала слово и не могу его нарушить.

Хантер бессильно уронил голову на грудь. Несколько секунд он невидящим взглядом смотрел в пол, а затем пересек кабинет, подошел к двери и открыл ее.

– Гаррис! – отрывисто позвал он. Детектив сидел в кресле в приемной прокурора. При звуке его голоса он встал и направился к открывшейся двери. – Она готова отправляться, – резко сообщил Хантер, как бы выталкивая из себя каждое слово.

Кари перешагнула через порог. Гаррис поднял вверх два пальца, и по обе стороны от Кари моментально возникли двое полицейских в форме. Прежде чем ее вывели из приемной и повели к выходу из здания, возле которого была припаркована полицейская машина, она с открытым вызовом посмотрела на Хантера.

– Ну вот и все, – удовлетворенно проговорил Гаррис. –

Пара часов в холодной – и она запоет как миленькая. Готов держать пари. – Он зевнул. – Эта бабенка – лакомый кусочек, не правда ли?

Хантер развернулся, вошел в свой кабинет и грохнул дверь. Ему стоило больших усилий удержаться и не врезать кулаком в жирное брюхо Гарриса.

К тому времени, как после всех положенных формальностей Кари пересекла порог тюрьмы, весть о ее аресте уже облетела все журналистское сообщество. Когда ее вели в камеру, тюремный коридор был заполнен журналистами и фотоаппаратами. На нее обрушилась лавина вопросов, она то и дело моргала от ослепительных вспышек фотоаппаратов и переносных софитов. Она вспомнила тот скандал, который разразился вокруг имени ее покойного мужа, однако на сей раз Кари чувствовала, что отношение журналистской братии было не враждебным, а, наоборот, сочувственным.

– Кари! – раздался вдруг знакомый голос.

Она оглянулась и увидела Марка Гонсалеса. На плече его как всегда была видеокамера, но смотрел он не в видоискатель, а прямо на нее. На лице его читалось крайнее возбуждение.

– Что происходит, Марк? – попыталась она перекричать царивший в коридоре гвалт. Женщина-полицейский настойчиво тянула ее вперед, но Кари упиралась, стараясь не потерять из виду знакомого оператора.

– Ты – героиня! Любой журналист в городе всей душой на твоей стороне. Пинки собирается устроить грандиозную бучу. После этого карьера Макки не будет стоить и ломаного гроша.

– Но...

– Пройдемте, миссис Стюарт, – проговорила полицейская дама, волоча за собой Кари сквозь толпу. Ошарашенная всеми событиями сегодняшнего утра, сбитая с толку тем, что услышала от Марка, она даже не сообразила, что ее тащат в тюремную камеру.

– Когда я узнала, что вас должны привезти сюда, я позвонила своему мужу, – сказала матрона. – Не могу поверить, что вижу вас, и – где! В тюрьме.

По телу Кари побежали мурашки. Она обхватила себя руками.

– Да, жаль, что нам довелось встретиться при таких печальных обстоятельствах. – Она слабо улыбнулась своей сопровождающей.

Матрона с осуждением покачала головой:

– Как же так можно! Запереть в камере такую женщину, как вы, в то время как преступники разгуливают на свободе.

– Вы не виноваты, – ответила Кари.

Что же это она делает! Успокаивает собственных тюремщиков? Кари почувствовала, что вот-вот расхохочется. «Неужели у меня начинается истерика?» – подумала она и подавила готовый было вырваться нервный смех. Все много-

численные камеры, которые они проходили одну за другой, были пусты.

– Нет, не в этом ряду. От окружного прокурора поступило указание устроить вас вот здесь.

– Понимаю, – откликнулась Кари. На самом деле она не понимала ровным счетом ничего.

Сопровождающая широко распахнула дверь одной из камер.

– Здесь даже окно есть, – дружелюбным тоном заметила она. – Если вам что-нибудь понадобится, зовите меня.

– Большое спасибо, – ответила Кари и в ту же секунду поняла, как нелепо это прозвучало в данной ситуации.

Полицейская матрона закрыла дверь камеры, и Кари вздрогнула, когда раздалось металлическое гроыхание. Лязганье запираемого замка было самым страшным звуком, который ей когда-либо доводилось слышать. Этот звук пронизал ее насквозь. Ну как тут не сойти с ума!

– Не могли бы вы дать мне свой автограф, когда вас будут освобождать? – спросила полицейская дама, задержавшись по ту сторону решетки.

– Разумеется, – стуча зубами, ответила Кари.

– И напишите что-нибудь для Гесса. Это срзлит его напо-вал.

– Хорошо.

– Я буду на посту. Зовите в случае чего.

Ее негромкие шаги замерли в глубине коридора, и Кари

осталась в одиночестве. В камере были койка, табурет, умывальник и стенной шкаф. В камере было чисто, и выглядела она недавно отремонтированной. Однако Кари было одиноко. И холодно.

Вся дрожа, она легла на койку и натянула на себя простыню. Что бы подумал об этом ее отец? А Томас? Он был бы в ужасе. Перевернувшись на бок, Кари подтянула ноги к груди и заплакала.

– Ты знаешь, как я отношусь к этой девочке. – Сидя за столом, застеленным клеенкой, Пинки с несчастным видом крутил в руке стакан со скотчем. Бонни, стоя у плиты, была занята тем, что жарила бифштексы.

– Она уже давно не девочка. Она – женщина, Пинки. Она страдает за то, во что верит, и сама приняла это решение. Ты ничего не смог бы сделать для нее даже в том случае, если бы Кари разрешила тебе это, а она не разрешит.

– Я знаю, знаю, – неуверенно пробормотал он и сделал глоток. – И почему только она так упряма!

– Потому что чувствует свою правоту.

– Да и я это чувствую. И руководство тоже целиком на ее стороне. Сегодня я первым делом поставил в известность о случившемся адвоката нашей телекомпании. Он мог бы вытащить ее из тюрьмы за несколько часов, так нет же! – Пинки грохнул доньшком стакана об стол. – Эта упрямая дура использовала единственный положенный ей по закону теле-

фонный звонок, чтобы позвонить мне и потребовать от меня ничего не предпринимать до завтрашнего дня.

– Она объяснила тебе, почему?

– Несла всякую белиберду, но я полагаю, дело тут в другом: она, видимо, хочет показать своему информатору, на какие жертвы готова пойти, чтобы защитить его.

– Это заслуживает уважения.

– Черта лысого это заслуживает, а не уважения! – заорал Пинки. – Ей придется провести в камере целую ночь! А этот Макки? Как он мог так поступить по отношению к ней!

– Это его работа. – Бонни с обреченным видом погасила огонь под сковородкой. Пинки сейчас в таком состоянии, что еще долго не сможет притронуться к еде. – Я полагаю, что Макки сейчас гораздо хуже, чем тебе.

Она подошла к стулу, на котором сидел Пинки, взяла его голову в свои ладони и положила себе на грудь.

– Хуже, чем мне, никому быть не может, – пробормотал он. – Даже виски не помогает.

Он отодвинул стакан в сторону и еще крепче прижался лицом к матерински теплой груди Бонни, обняв ее за талию.

Женщина погладила его по голове.

– Не волнуйся за Кари, у нее все будет в порядке. Макки не допустит, чтобы с ней что-нибудь случилось. Он любит ее.

– Ты так думаешь?

– Я это знаю.

Пинки поворачивал головой, поудобнее пристраивая ее

между грудей Бонни.

– Я рад, что сегодня вечером ты со мной, Бонни. Ты мне очень нужна.

Пользуясь тем, что Пинки не видит ее лица, женщина закрыла глаза и прикусила нижнюю губу, чтобы сдержать рвавшийся наружу крик радости. Интересно, подумалось ей, почувствовал ли Пинки, как сильнее забилося ее сердце от нахлынувшего счастья.

– Если бы ты женился на мне, я была бы с тобой каждый вечер. И каждый день. Я была бы твоей постоянно. Лучше меня тебе не найти, Пинки.

Тот потерся губами о ее грудь и почувствовал сквозь ткань, как напрягся от этих прикосновений ее сосок.

– А я хорош для тебя?

Она снова взяла ладонями его лицо и подняла к себе.

– Ты очень хорош для меня.

Пинки усадил женщину к себе на колени.

– Ну, что ж, коли мы так чертовски хороши друг для друга, почему бы тебе не заняться моим перевоспитанием и не сделать из меня порядочного человека?

Она расхохоталась, но он утихомирил ее глубоким поцелуем.

В камере раздался громкий звонок, и, распрямившись подобно пружине, Кари села, свесив ноги с койки. Все ее мышцы затекли. Она никак не могла согреться от того, что

несколько часов пролежала в страшном напряжении, почти не шевелясь, свернувшись под тонким одеялом и пытаясь отогнать от себя страх, навеваемый этим жутким местом.

В коридоре слышались чьи-то шаги, и на нее обрушилась новая волна страха. С пугающей неумолимостью они приближались к ее камере.

Наконец на полу появилась длинная тень, отбрасываемая чьей-то фигурой. Она остановилась прямо напротив камеры. Сердце так громко бухало в груди молодой женщины, что она едва слышала звяканье ключей. Незванный гость повернул голову в сторону стола дежурной, и на его лицо упал свет.

– Хантер! – задыхаясь, воскликнула Кари.

Глава 13

Он перешагнул через порог камеры. Одно мгновение – и она оказалась в его объятиях. Он крепко прижимал Кари к себе, повторяя ее имя, словно заклятие, и целуя ее в шею.

– Ну, как ты?

– Не отпускай, согрей меня, – будто обезумев, шептала она.

– Конечно, моя маленькая, конечно.

Они отчаянно обнимали друг друга – без слов, без движений. Кари вжималась в тело любимого так, словно хотела слиться с ним, стать частью его самого. Он был сильным и теплым – ее защита, страховка ее жизни в этом кошмаре. Проходила минута за минутой, а они не шевелились.

Наконец мрак вокруг нее стал потихоньку рассеиваться. Невидимая удавка, сжимавшая ее горло, исчезла, и Кари снова смогла нормально дышать.

Отпустив его, она сделала шаг назад.

– Что ты здесь делаешь?

– Говоря официальным языком, я пришел сюда, чтобы провести допрос заключенного. Неофициально я здесь для того, чтобы успокоить тебя и сказать, что я очень тебя люблю. – Он нежно поцеловал ее в губы. – Ты что-нибудь ела?

– Недавно сержант Гопкинс приносила мне ужин, но я отказалась. Мне не хотелось есть.

– Я принесу тебе что-нибудь. – Хантер направился к двери, но Кари, как одержимая, вцепилась в его руку и стала тянуть обратно.

– Нет, не уходи! Пожалуйста! Обними меня!

Хантеру с трудом удалось подвести ее к койке и уложить на нее. Он присел рядом и заглянул ей в глаза. Он специально попросил сержанта Гопкинса не включать верхний свет. Вообще-то с целью проведения допросов окружной прокурор имел свободный доступ в любую камеру с любым содержащимся в ней заключенным, однако сюда, да еще в такое время суток он пришел вовсе не для этого. В данный момент Хантер явно превышал свои служебные полномочия, и это лучше было делать при потушенном свете.

– Ну что, очень плохо? – мягко спросил он. Кари взяла его ладонь и приложила к своей щеке.

– Да. Я никогда не думала, что может быть так плохо. Сначала мне представлялось даже экзотичным провести ночь в тюрьме, а втайне я надеялась обрести таким образом известность, привлечь к себе внимание. Но в реальности это оказалось чудовищно. Мне было очень страшно. Я понимаю, это глупо и бояться нечего, но мне и впрямь было страшно. Мне показалось, что я очутилась в какой-то ужасной беде, из которой уже никогда не выбраться.

Кари была на грани истерики. Хантер еще никогда не видел ее в таком состоянии.

– Ш-ш-ш, – успокаивающе прошептал он, поглаживая ее

ладонью по волосам. – Я бы ни за что не допустил этого.

– Но ведь может случиться так, что ты будешь не в состоянии мне помочь, – вопреки здравому смыслу упиралась Кари. – Мне было так холодно...

Не успев задуматься над тем, что делает, Хантер лег рядом с ней и натянул одеяло на них обоих. Поскуливая, словно раненый зверек, Кари прижалась к любимому. Ее руки обвили его шею, а лицо спряталось у него на груди.

– Я люблю тебя. Я люблю тебя. Мне так страшно! Обними меня покрепче.

Жалость бритвой резанула по сердцу Хантера.

– Я тоже люблю тебя, родная.

Он обнял ее и крепко прижал к себе. Но Кари хотела ощущать его еще ближе, и ее губы стали судорожно искать его рот. Через несколько нескончаемых минут ему с трудом удалось оторваться от нее.

– Что мы делаем! Боже, это безумие! – Он несколько раз поцеловал ее в шею. – Тебя надо бы задушить за то, что ты втянула нас обоих в такую кошмарную передрыгу.

Кари потерлась щекой о щеку Хантера.

– Наверное, я этого заслуживаю. Я хотела встать на защиту права журналиста не раскрывать свои источники информации, но выяснилось, что я не создана для роли мученицы. Приходится признать тот факт, что я – обычная трусиха. Не представляю, как осужденные могут выносить тюремное заключение – днями, годами!

– Немногие из них отличаются такой чувствительностью, как ты, любовь моя.

– Когда-нибудь я обязательно сделаю репортаж о заключенных. Я изучу их...

Из горла Хантера вырвалось глухое ворчание.

– Давай сначала ты отсюда выберешься, а уж потом будешь думать о собратях по несчастью и о том, как привлечь внимание общественности к их страданиям. – Хантер поднял подбородок Кари и посмотрел ей в глаза. – Почему ты не позволила адвокату телекомпании вытащить тебя из тюрьмы?

– А что бы это изменило? Ведь речь в данном случае идет о первой поправке. Я понимаю, ты считаешь меня занозой в пальце, упрямой ослицей и...

– Я с уважением отношусь к твоему поступку. – Видя, как удивленно раскрылись глаза Кари, Хантер пояснил: – Сейчас я говорю как мужчина, а не как окружной прокурор. Прокурор во мне по-прежнему негодует на тебя. Но я люблю тебя, Кари Стюарт, – тебя и все, во что ты веришь. – Он прижал ее голову к своей груди. – Разве стал бы я рисковать своей карьерой, приходя сюда и лежа на тюремной койке с заключенной, если бы думал иначе? Да если об этом узнают, меня просто насмерть затопчут.

– За сексуальные притязания по отношению к заключенной?

– Что-то в этом роде.

Она поцеловала его в подбородок.

– Обещаю не подавать на тебя в суд.

Влюбленные поцеловались еще раз. Это было так чудесно, что на некоторое время они даже забыли о том, в какой жуткой ситуации находятся.

– Кстати, тебя могут затоптать и по другой причине, – спокойно заметила Кари, вспомнив о журналистском столпотворении в коридоре тюрьмы после ее ареста.

– Знаю. Ваши когорты уже подняты по боевой тревоге. В заголовках сегодняшних газет меня рисуют настоящим циклопом, а ты затмила даже Жанну д'Арк и являешься теперь самой знаменитой мученицей. За твоей спиной – целая армия твоих коллег, которые провозгласили меня своим общим врагом и подступают со всех сторон.

– Извини, Хантер. Я, честное слово, меньше всего хотела навлечь неприятности на твою голову.

– И тем не менее мне теперь придется ходить в монстрах.

Она рассмеялась:

– И что же ты собираешься сделать для того, чтобы вновь обрести в глазах общественности благопристойное лицо?

– Выяснить, что приключилось с тремя крохами, и вернуть их родителям. Что-то подсказывает мне: они еще живы.

– Хорошо бы, – тихо откликнулась женщина.

На них снизошел покой. Кари лежала в объятиях дорогого ей человека и с любовью прислушивалась к тому, как бьется его сердце. Еще несколько минут назад все в этой маленькой

камере пугало ее, сейчас же здесь было тепло и мирно.

– У меня отобрали часы. Сколько сейчас времени?

– Уже поздно.

– Ты с самого начала собирался ко мне прийти, да? Именно поэтому у меня нет ни одного сокамерника?

– Конечно. Не мог же я позволить, чтобы ты одна провела в тюремной камере целую ночь.

– А как ты объяснил цель этого посещения сержанту Гопкинс?

Хантер улыбнулся, и Кари поняла: если он одарил полицейскую матрону такой же улыбкой, то ее вопрос просто неуместен.

– Она – романтическая натура, и я апеллировал к этому ее качеству.

– Не является ли это разновидностью взятки?

– Разве что на уровне чувств.

– По-моему, еще немного – и ты превратишься в продажного блюстителя закона.

– Я уже являюсь таковым. Сама посуди: лежу в камере рядом с арестованной и мечтаю ею овладеть.

Женщина тихо засмеялась и прижалась к нему еще крепче.

– Тебе и вправду этого хочется?

– Прекрати, Кари, не то мы окажемся в еще более дурацком положении. Тебе тепло?

– Да... – вздохнула она. – Лежи, как лежишь, и не двигай-

ся. Все-таки в узких кроватях есть своя прелесть.

– Да. Я, например, ощущаю твою грудь.

– Правда?

– Ага. Кстати, я уже говорил тебе, что у тебя чудесная грудь?

– Да.

– Когда в следующий раз мы займемся любовью, я намерен уделить ей особое внимание.

– Она будет с нетерпением этого ждать.

Рукой, которой Хантер обнимал Кари за талию, он притянул ее к себе еще ближе. Его губы целовали ее волосы.

– Мне так не хватало тебя! Я скучал по твоему телу, ночью протягивал руку и не находил тебя рядом с собой, а по утрам просыпался один. Это было очень тяжело. А помнишь тот день в Брекенридже?

– Я помню их все.

– Нет, тот, когда шел дождь?

– М-м-м, да.

– Честно?

Губы Хантера скользнули по носу Кари и запечатлели поцелуй на ее полуоткрытых губах.

– Что тебе тогда понравилось больше всего?

– Все. Мне нравится, когда мы медленно, без спешки исследуем друг друга руками и губами. Мне нравится запах твоей кожи, волосы у тебя на груди и на животе. Когда я вспоминаю о том, какой ты на вкус, у меня прямо слюнки те-

кут. И еще мне очень нравится чувствовать тебя внутри себя.

Дыхание Хантера обжигало ей ухо. Оно сделалось частым и хриплым.

– А ты внутри – тесная и теплая, – прошептал он.

Эти чуть слышные слова казались некими запретными – и от того еще более сладостными – заклинаниями. Рот Хантера нашел ее губы, и они снова надолго слились в горячем поцелуе. Когда губы их разъединились, мужчина положил голову ей на грудь.

– Спи, – коротко приказал он.

– Ты останешься со мной?

– Да.

– Я люблю тебя.

– А я – тебя.

Их сердца бились в унисон. Через минуту Кари уже спала.

Когда при первых лучах солнца она проснулась, его уже не было, но место, на котором он пролежал с ней всю ночь, было еще теплым.

Внешне адвокат компании Даблю-би-ти-ви Напоминал Дэвида Нивена – с такими же изящными манерами и так же с иголочки одет, вплоть до свежей гвоздики в петлице. Появившись в то утро у двери ее камеры, он обаятельно улыбнулся:

– Доброе утро, миссис Стюарт. – Кари подумалось, что если бы у него была шляпа, он наверняка снял бы ее и с по-

лупоклоном прижал к груди. – Вас отпускают.

Теперь, после ночи, проведенной вместе с Хантером, камера уже не казалась женщине такой зловещей, и все же, как только сержант Гопкинс отперла замок, арестантка выскочила наружу с быстротой резвой девочки.

– Благодарю вас, – выпалила она на одном дыхании. Адвокат взял ее под руку и повел по коридору, однако возле сержантского стола Кари остановилась. – Вы все еще хотите получить мой автограф?

Полицейская дама так и просияла:

– Я боялась снова беспокоить вас по этому поводу. Спасибо, что вспомнили.

Кари расписалась на чистом листе бумаги и протянула его женщине.

– У вас такие долгие дежурства? – спросила она.

– Сегодня у меня была двойная смена, – ответила та. – Меня попросил об этом мистер Макки – чтобы я присмотрела за вами.

Кари с благодарностью улыбнулась и вместе с адвокатом вышла из тюремного блока. Внизу ей предстояло получить вещи, отобранные у нее накануне. Вытряхнув из пакета свое имущество, она сверила его с полицейской описью и, рассказав по карманам, собралась выйти наружу.

– Минутку! – внезапно пророкотал за ее спиной знакомый голос. Обернувшись, Кари увидела лейтенанта Гарри-са. – Мне нужно поговорить с вами, – рявкнул он, оставив ей

в лицо толстый палец с обкусанным ногтем.

И снова страх холодной рукой схватил ее за горло. Неужели ей придется вернуться в камеру? Где же в таком случае Хантер?

– Мисс Стюарт выпущена под залог, – скрипучим голосом сообщил адвокат.

– Это касается только нас с ней, – воинственно ответил полицейский, величественно отмахнувшись от юриста. Его глаза, черные и блестящие, будто два жука, снова уставились на Кари. – Так вы идете или нет?

Это был явный вызов, а она – и это прекрасно знали Пинки с Хантером – в таких случаях никогда не шла на попятный.

– Конечно, – ответила Кари и, к величайшему неудовольствию адвоката, последовала за лейтенантом. Ей не оставалось ничего другого.

Они поднялись на один лестничный пролет, повернули направо, затем налево и оказались возле маленькой комнатки. Открыв дверь, лейтенант пропустил ее вперед и едко бросил:

– Вот они, ваши друзья, не так ли?

Кари никогда не видела этой женщины – с добрыми глазами и серебристого цвета волосами, но сразу же узнала светлые вихры и помеченные оспинками щеки парня, стоявшего рядом с ней.

– Привет, – сказал Грейди Бертон. – Небось решили, что

не смогли меня защитить?

Кари рассмеялась:

– Нет, но очень рада тебя видеть.

– А это, гм, миссис Пламмер, – представил Грейди свою спутницу. – Когда вчера вечером мы узнали, что вас из-за нас, гм, упекли за решетку, то собрались и решили прийти сюда сами.

– Вы проявили высочайшую сознательность, – ответила Кари, улыбнувшись обоим. – Вы поступили совершенно правильно. Разумеется, я ни за что не выдала бы вас, но все же вы должны были рассказать все, что знаете, полиции.

– Так мы и сделали, – проговорила миссис Пламмер.

– Поскольку они явились сюда сами, к вам претензий больше не имеется. Я снимаю с вас обвинение, – сказал лейтенант Гаррис и выжидательно уставился на Кари. Он полагал, что та станет благодарить его со слезами на глазах, но она ограничилась сухим кивком. Гаррис недовольно насупился. Ему удавалось запугать кого угодно, но эта дама, несмотря на все его усилия, оставалась невозмутимой и неприступной, как скала. Он снова помахал своим похожим на сосиску пальцем у нее перед носом: – С сегодняшнего дня советую вам не попадаться мне на глаза.

– Сделаю для этого все возможное, – ответила Кари с сарказмом, который, впрочем, не был замечен. Она поймала себя на мысли, что ошиблась, подумав поначалу, что этот коп очень любит чеснок за обедом. Оказывается, он предпочи-

тает его за завтраком.

Через несколько минут они с адвокатом вышли на крыльцо. Яркий солнечный свет быстро избавил ее от не прекращавшегося тюремного озноба. Закрыв глаза, она глубоко вдыхала свежий утренний воздух, а подняв веки, обнаружила вокруг себя целую ораву репортеров, сгрудившихся на ступенях и направивших на нее свои микрофоны и камеры.

– Будьте осторожны в высказываниях, – предостерег ее адвокат. – Каждое ваше слово будет многократно цитироваться.

Нет, ночь в тюремной камере оказалась не такой уж кошмарной, но как объяснить это репортерам. Где Хантер? Почему он не пришел вместе с адвокатом, чтобы освободить ее? Почему его не было с лейтенантом Гаррисом? Впрочем, теперь у нее не было времени мучиться сомнениями.

– Как вам в тюрьме, миссис Стюарт? – задал первый вопрос один из журналистов.

– Советую вам не попадать туда, – улыбнулась она.

– Плохо ли с вами обращались?

– Отнюдь. Мне предоставили максимум удобств.

– Допрашивал ли вас лейтенант Гаррис?

«Осторожно!» – предостерег ее внутренний голос. Возможно, кто-то видел, как вчера вечером в тюремный блок входил Хантер. Если она сама не скажет об этом, могут возникнуть подозрения.

– Вчера вечером я беседовала с мистером Макки, – уклон-

чиво проговорила она.

– О чем?

– Он просил меня назвать источники информации, но я отказалась это сделать.

– Насколько нам известно, сегодня утром в полицию пришли два сотрудника госпиталя, чтобы сообщить свои подозрения.

– Совершенно верно, и я рада этому по многим причинам. Во-первых, я бы не выдержала еще одной ночи в тюремной камере. – В толпе журналистов послышался смех. – Важно другое. Я надеюсь, что их показания помогут полиции отыскать пропавших детей.

– Окажись вы снова в такой ситуации, станете ли вы по-прежнему держать в секрете имена своих источников?

– Вне всякого сомнения, – убежденно ответила Кари. – Сегодня это имеет огромное значение. Я верю в свободу прессы. Я верю в право личности на сохранение тайны и святость этого права. Конечно же, я признаю и святость правосудия, однако те люди, с которыми я разговаривала, не были преступниками. Если бы какими-либо уликами располагала я, то без малейших колебаний сообщила бы о них окружному прокурору. В то же время я готова вновь провести ночь в тюрьме, не выдав доверившихся мне людей, которые вплоть до сегодняшнего утра предпочитали оставаться инкогнито.

– Не пытался ли мистер Макки использовать эту ситуацию, чтобы отплатить вам за ваши прежние нападки на него?

– А разве я когда-нибудь допускала нападки на мистера Макки? – невинным тоном спросила она. В толпе снова слышался смех.

– Некоторое время назад вы делали довольно колючие репортажи об окружном прокуроре, обвиняя его в карьеризме и нечистоплотном использовании служебного положения, – напомнил один из репортеров.

Кари очень устала и знала, что выглядит далеко не лучшим образом. Выходя накануне из дома, она собиралась в тюрьму, но уж никак не на пресс-конференцию. Сейчас одежда ее была измята, а макияж, наложенный на лицо сутки назад, превратился, казалось, в слой засохшей штукатурки. Однако этот вопрос заставил ее встряхнуться. Она много думала об этом и, похоже, пришла к определенному мнению, однако до сих пор оно существовало в ее мозгу в виде неких туманных представлений. Теперь же мысль сформировалась быстро и точно:

– В течение долгого времени мое мнение относительно Макки было предвзятым.

– Из-за тех обвинений, что он выдвинул против вашего покойного мужа?

– Да.

Адвокат сделал шаг вперед и оказался между Кари и устремленными на нее объективами камер.

– Эти вопросы, – торопливо заговорил он, – не имеют ни малейшего отношения к нынешней ситуации. Миссис Стю-

арт больше нечего добавить.

– Нет, есть, – возразила Кари. По толпе слушателей пролетел взволнованный шепот. Даже уличное движение, казалось, не мешает воцарившейся вдруг тишине.

Несколько месяцев назад она ни за что не упустила бы возможности утопить Хантера Макки, теперь же она собиралась его защищать. Вместо того, чтобы рассказывать о том, как он очерняет память усопших, терроризирует вдов и использует запутанные процессы для собственного продвижения по службе, она приняла его сторону. А ведь она могла запросто уничтожить его, рассказав, как ночью он проник к ней в камеру... О, какой сладкий секрет!

Как только могла она счесть его за двуличного соглашателя! Ее любимый – цельная натура, он не нуждается в интригах, чтобы завоевать доверие со стороны общества. Отстаивая принципы, в которые верит, он пошел даже на то, что отправил любимую женщину в тюрьму. И в то же время рисковал всем, что имеет, проведя с ней в камере ночь.

Журналисты в нетерпении смотрели на Кари, готовые ловить любое слово, что сорвется с ее губ. Ее снимали на видео, фотографировали, и каждая ее фраза потом будет цитироваться в газетах и на телевидении. Год назад она не преминула бы разыграть эту ситуацию в свою пользу и всадить в Хантера Макки все патроны из обоймы, теперь же думала только о том, как сильно любит его.

– Это правда, – тихо начала она, – в свое время я отно-

силась к окружному прокурору с большим предубеждением. Это было вызвано моей личной к нему предвзятостью. Я некорректно, непрофессионально использовала тот факт, что работаю на телевидении, для сведения с ним личных счетов, и каюсь в этом.

С каждым словом в ней все больше нарастало возбуждение, и сейчас она думала лишь о том, чтобы не расплакаться.

– В отличие от меня, он отделил личное от своего общественного долга. Он – цельный человек, и, сохраняя это свое качество, отказался идти на компромиссы, не задумываясь о том, во что ему это обойдется. Вот и сейчас информация, которую я отказывалась сообщить, значила для него очень много, и он делал то, что велит ему долг.

По лицам журналистов Кари видела, что они разочарованы. Да, ее слова шли от сердца, прежде чем высказать их, она обдумала, взвесила и тщательно сформулировала каждое, но коллеги ожидали от нее совсем другого. Подобные – пусть даже самые искренние – признания не способны стать сенсацией.

– А теперь прошу нас извинить, – снова вмешался адвокат. – Миссис Стюарт пережила ужасное испытание, и ей необходимо отдохнуть.

На удивление сильной рукой он взял ее под локоть и провел к своей автомашине.

В тот же вечер на огорошенных телезрителей хлынул по-

ток новостей. Вечерние информационные программы показывали нескончаемый репортаж об арестованных полицией враче и медсестре, промышлявших продажей новорожденных младенцев (всех их удалось найти) бездетным богачам, а также интервью с заплаканными родителями. На телеэкранах то и дело мелькали кадры, где врача-преступника в наручниках вели от полицейской машины к зданию тюрьмы, и он ладонями закрывал лицо от телекамер.

Пинки запретил ей работать в этот день, и от того, что она не принимает участия в общей журналистской суете, Кари чувствовала себя обделенной. Когда адвокат привез ее в редакцию, толстяк сразу же начал кудахтать и махать руками, не позволив ей даже разобрать почту, скопившуюся на столе.

– Домой! – кричал он. – Домой и – отдыхай. Мы с Бонни придем к тебе после работы. А сейчас убирайся отсюда. Ты слишком занят. Эй, вы, кто-нибудь поехал, чтобы взять интервью у этих Хас... Хус... Черт, как их там! Ну оторвет тут хоть кто-нибудь свой зад от стула?

Вечером они действительно заехали к ней, и пока Бонни готовила свой любимый салат, Пинки успел выхлебать целых два бокала виски. Впрочем, как только тарелки были пусты, гости отправились восвояси.

Перед Кари маячил долгий и пустой вечер. Днем она уже успела прилечь, и поэтому спать совершенно не хотелось. Желания читать не было, по телевизору не показывали ничего интересного и – никого, с кем можно перекинуться хоть

словом. Оставалось считать часы.

Почему не звонит Хантер? Ясно, у него сегодня много хлопот, но уж пять минут он вполне мог найти – просто чтобы поднять трубку, набрать номер и спросить ее о самочувствии, настроении... Да о чем угодно!

Ближе к полуночи она по-прежнему продолжала терзаться этими мыслями, как вдруг раздался звонок в дверь. Через несколько секунд Кари уже была у двери. Глянув в «глазок», она увидела ЕГО и облегченно вздохнула.

– Можно? – спросил Хантер и, не дожидаясь приглашения, прошел мимо нее прямо к бару, налил себе скотча и неразбавленным опрокинул одним махом.

Он выглядел измученным. Когда он вошел в дверь, то держал плащ и пиджак через плечо на согнутом указательном пальце, а проходя через гостиную, небрежно бросил их на диван. Рубашка его была мятой и влажной от пота, узел галстука – ослаблен. Щеки Хантера, на которых уже успела отрасти щетина, запали, а вокруг глаз от усталости лежали синие круги. Сейчас очки вовсе не придавали ему презентабельный вид, а, наоборот, они как-то неуклюже сидели на переносице. Было заметно, что если в течение дня он чем-то и причесывался, то только пятерней. Однако, глядя на него влюбленными глазами, Кари думала, что никогда еще он не был так хорош.

Она по-прежнему стояла посередине комнаты. Хантер перевел на нее усталый взгляд, и на его губах появилось по-

добие улыбки. Ее блузка была заляпана краской, на колене джинсов красовалась дыра, а прическа представляла собой спутанную гриву светлых выющихся волос. Она выглядела хрупкой, домашней и необыкновенно сексуальной.

– Никаких нежелательных последствий после прошедшей ночи?

– Шею ломит.

Хантер вспомнил, как обнимал ее за шею, прижимая голову к своей груди, и снова улыбнулся.

– Больше ничего?

– Нет. – Ее глаза беспокойно метались по комнате. По какой-то непонятной для самой себя причине она ужасно нервничала. – Ты видел выпуски теленовостей?

– Да.

– А репортаж про меня смотрел?

– Да.

– И слышал, что я о тебе говорила?

– Да.

Его подчеркнутое равнодушие пробудило в ней гнев. Уперев кулаки в бока, Кари возмущенно воскликнула:

– Тогда скажи, черт побери, хоть что-нибудь!

Он очень медленно подошел и в течение нескольких нескончаемых секунд смотрел ей в лицо. Затем рука его обняла ее за шею, он притянул ее голову к себе и отыскал губами ее рот. Кари неуверенно подняла руки к плечам Хантера, а когда его язык стал ласкать ее небо, принялась нежно

ворошить его волосы. Хантер обнял ее за талию и притянул к себе.

– Ты – удивительная женщина.

– Просто я люблю тебя.

– Я знаю. И ты фактически объявила об этом всему свету.

Господи, когда я увидел это по телевизору, я... – Он снова прильнул губами к ее рту.

Когда наконец они немного отстранились друг от друга, Кари прошептала:

– Я готова убить тебя, Хантер Макки! Где ты пропадал целый день? Почему не звонил? Я тут чуть с ума не сошла.

Руки мужчины блуждали по ее телу. Чередуя слова с поцелуями, он стал объяснять:

– Подо мной сегодня словно преисподняя разверзлась.

Когда утром в мой кабинет вошли Бертон и миссис Пламмер, я...

– Да, вот так... – прошептала она, слегка кусая его за мочку уха.

– ...Я отправил их к Гаррису. Я знал, что через считанные минуты тебя выпустят, но, честное слово, у меня не было ни секунды, чтобы найти тебя и поздравить с вызволением из плена.

– Я тебя прощаю, – прошептала она и принялась расстегивать пуговицы на рубашке Хантера. Сброшенный нетерпеливыми руками Кари, его галстук уже валялся на полу у их ног. Она потянулась к его очкам.

– Нет, оставь их на месте.

– Чтобы ты ничего не пропустил? – со смехом спросила она. – Что же было дальше?

– Я отправился в госпиталь и припер к стенке медсестры, которая была под подозрением. Она... О господи, Кари, сколько же времени прошло с тех пор, когда мы в последний раз занимались любовью? Я не могу...

– Рассказывай о медсестре.

– О какой медсестре? Ах да... Она сломалась и заговорила. После этого я отослал ее с полицейским, чтобы она дала полные показания, а сам принялся за доктора. – Блузка Кари упала на пол. Его руки легли на ее груди. – Короче, очень хлопотный день выдался.

Язык Хантера мягко раздвинул ее губы. Кари крепче прижалась к Хантеру. Одно всепоглощающее желание владело ими.

– Продолжай... Ах, Хантер... – Под его настойчивыми пальцами соски ее набухли, словно два бутона. – Расскажи мне все до конца. – Голос Кари предательски дрожал.

– Потом я связался с родителями похищенных младенцев и сообщил им, что их дети в настоящее время изымаются у незаконных усыновителей в тех городах, которые назвала мне медсестра. Я надеюсь, завтра они будут возвращены родителям.

– Ты – настоящий герой. – С этими словами Кари вытянула рубашку из его брюк.

– Вот и сказке конец. – Его губы нетерпеливо потянулись к ее соску. – Хватит болтать. Я тебя хочу.

– Подожди, еще одно, – проговорила она, лаская колечки волос на его животе. – Пинки и Бонни женятся.

– Я счастлив за них, – лаконично отреагировал Хантер, расстегивая «молнию» на ее джинсах.

– Он зол на тебя как черт, – за то, что ты позволил отправить меня в тюрьму. – Тем временем руки Кари пытались справиться с пряжкой его брючного ремня.

– Я бы тоже по головке его не погладил.

– Почему? – промурлыкала она, уткнувшись ему в шею. Его умелые пальцы знали, где погладить, а где надавить, чтобы она начала таять окончательно.

– Потому, что он не смог оградить тебя от неприятностей. О господи... – с придыханием выговорил Хантер. Пальцы Кари тоже знали свое дело. Уже более неуверенным голосом он продолжал: – Я хочу, чтобы с сегодняшнего дня он поручал тебе только самые простенькие сюжеты.

– О-о... – прошептала женщина, ощутив, как его ладони скользнули в ее джинсы и уже снимают их. Джинсы съехали на пол, и она переступила через них. – Почему?

– Потому что мы с тобой женимся, а после этого я больше не смогу сажать тебя в тюрьму. Даже на одну ночь.

Хантер подхватил ее за ягодицы, поднял и усадил себе на бедра. Кари с готовностью обвила ногами его талию и застонала от удовольствия. Но последнее слово, правда, сказанное

едва слышно обессиленным голосом, все же осталось за ней:

– Деспот...